

Александр Апраксин

Ловкачи

Александр Дмитриевич Апраксин Ловкачи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2826815

Аннотация

«Был девятый час утра.

К подъезду большого меблированного дома, расположившегося на одной из центральных улиц Москвы, подошел человек средних лет, одетый плоховато.

В особенности пообтерся его котелок, совершенно выцветший местами и даже побуревший...»

Содержание

I. Два плута	5
II. Хитрец	18
III. Справки	31
IV. Предостережение	44
V. Опасное положение	57
VI. План Пузырева	69
VII. Кто ловче?	81
VIII. Другой лагерь	92
IX. Планы Савелова	104
X. Страхование	116
XI. У Тестова	128
XII. Против Мирковой	141
XIII. В «Княжем дворе»	153
XIV. Зинаида Николаевна	165
XV. Твердое решение	178
XVI. Ответ Мирковой	191
XVII. В театре Шелапутина	204
XVIII. Дела Пузырева	216
XIX. Перекрестные огни	227
XX. По телеграфу	241
XXI. В течение времени	254
XXII. Фактор Леберлех	267
XXIII. Сделка	280

XXIV. Сюрприз	290
XXV. В Ялте	298
XXVI. Отъезд	310
XXVII. Лицом к лицу	324
XXVIII. Очная ставка	337
XXIX. Хмуров	350
XXX. Миркова	363
XXXI. В Москве	375
XXXII. Быстрым ходом	386
XXXIII. Встречи в пути	398
XXXIV. Подведены итоги	411
Эпилог	421

Александр Дмитриевич Апраксин Ловкачи

I. Два плута

Был девятый час утра.

К подъезду большого мебелированного дома, расположившегося на одной из центральных улиц Москвы, подошел человек средних лет, одетый плоховато.

В особенности пообтерся его котелок, совершенно выцветший местами и даже побуревший.

Пальтишко еще туда-сюда, казалось сносным и было, видимо, когда-то щегольским. Но обувь давно не чистилась, а низ брюк, в особенности на задках, совершенно обшуркался до бахромок.

Тем не менее господин этот самоуверенно, если не прямо-таки гордо, спросил швейцара, подметавшего лестницу и сени:

– У вас стоит Хмуров?

– Иван Александрович?

– Да, Иван Александрович Хмуров, прибывший с месяц тому назад из Петербурга.

– В четырнадцатом номере-с. Только они еще спят, – добавил раздумчиво швейцар, едва ранний посетитель сделал шаг по направлению к лестнице.

– Ну, для меня встанет, – ответил тот еще более самоуверенно.

– Галоши снять потрудитесь, – попросил его швейцар.

– Я без галош, – ответил он и пошел наверх. Потом, с площадки, он еще крикнул вопросительно:

– Где? Куда идти?

– Бельэтаж, направо, третья дверь.

Швейцар мысленно прозвал раннего посетителя «шантрапой» и был втайне уверен, что столь важный постоялец, как Иван Александрович Хмуров, не только через порог к себе в номер его не пустит, но с достойным внушением сейчас же с лестницы обратно спровадит.

Но швейцар ошибся в своих смелых догадках.

Гость постучался, правда, и раз, и два, и три, но добился-таки своего. Когда наконец изнутри помещения откликнулись: «Кто там?» – он громко ответил на «ты»:

– Отворяй, брат, свой пришел, Пузырев Илья Максимович.

Послышался шорох, потом затопали быстрые шаги, и щелкнул замок.

Пузырев вошел.

В двух шагах от двери стоял хозяин комнаты, одних с ним средних лет, но выше ростом и даже теперь, халате, наскоро накинутом на плечи, смотрящий молодцевато и красавцем. Однако лицо его выражало более нежели удивление и беспокойство: на нем отражалась тревога, как-то странно сочетавшаяся с наружной, привычною молодцеватостью Хмурова.

Но Пузырев если и подметил в нем эту тревогу, тотчас же, при первом взгляде на него, не придавал ей никакого значения, быть может потому, что ничего иного, вероятно, и не ждал. Он сказал только:

– Что, удивил я тебя внезапностью моего визита? Извини...

– Признаюсь, да. К тому же такой ранний час... Я поздно вернулся...

– Очень жаль, – отвечал Пузырев с невозмутимым спокойствием и проследовал из маленькой, отгороженной передней далее, в подобие гостиной, где он сел.

Хмуров опустил на придвинутый к стене большой дорожный сундук. Пузырев продолжал тоном невозмутимого сознания своего права:

– Прийти к такому барину, как ты, позже было бы делом рискованным. Тебя, вероятно, застать только и возможно, что раненько утром.

– Ну нет, я иногда...

– Дело не в том, дружище, – перебил его Илья Максимович, – а раз я пришел, раз я тебя разыскал и застал одного, нам необходимо и потолковать с глазу на глаз...

– Да я ничего против не имею, – нехотя протянул Иван Александрович, только таким тоном, который ясно выражал совершенно противоположное. – Я даже сам с тобою все хотел повидаться или, по крайней мере, написать тебе... Только сегодня я ужасно устал, провел бессонную ночь и расстроен еще к тому... Нельзя ли, брат, Илья Максимович, отложить? До завтра бы нашу беседу отложить, право? А завтра я весь к твоим услугам.

Пузырев смотрел на него и улыбался. Он теперь не прерывал его, но ирония его улыбки говорила Хмурову ясно, что от него ему не отделаться. После краткого, хотя и довольно тягостного для него молчания он решился наконец сказать:

– Ты мне писал, но в такое время, когда я, ей-Богу, ничего не мог сделать. Я только что приехал в Москву, не успел еще оправиться от петербургского погрома...

– Знаю, знаю, – ответил с растяжкой Пузырев и бесцеремонно развалился в мягком кресле. – Я в данном случае не в тебя, Иван Александрович, и, сколько мог, никогда не терял тебя из виду.

Хмуров слегка побледнел.

– Да, – продолжал столь же нахально его гость, – я привык следить за участью моих друзей, и я всегда знаю, когда дела их идут на понижение и когда, наоборот, на повышение, как, например, в последние дни у тебя...

– У меня? Какой вздор!

– Стой! Подожди! Ты мне, Иван Александрович, прежде всего не лги.

– Я и не думаю лгать...

– А если у меня есть доказательства? – спросил, упорно смотря ему прямо в глаза, Пузырев. – Что ты тогда скажешь?

– Позволь, пожалуйста! Дай мне свободно договорить, выслушай меня не перебивая, и ты сам все поймешь.

– Говори, хотя, откровенно тебе признаюсь, я и так все знаю.

– Прекрасно, если знаешь! Тем лучше и для тебя, и для меня самого. Да, я действительно не скрою, что на этой неделе мне посчастливилось и я сделал небольшое, пустяковое дело, благодаря которому я действительно слегка оправился, но и только, а отсюда до полной поправки, до возможности делиться с другими и, как ты этого требуешь, дать другому тоже возможность снова встать на ноги, – еще очень дале-

ко. Я ведь знаю, что ты от меня хочешь. Будь вопрос в каких-нибудь десяти, пятнадцати рублях, я не стал бы и спорить, я бы даже последнее заложил или продал, чтобы выручить товарища, но тебе ведь куш целый нужен, тебе сейчас сотни выложи да подай.

– Хорошо, ты кончил? – спросил его с презрительным спокойствием Пузырев.

– Разве я не правду говорю?

– Конечно, – ответил Илья Максимович, меняя вдруг спокойный тон на строгий и даже откинувшись от стенки кресла, где, казалось, он так удобно расположился. – Ты лжешь, и мне нетрудно будет тебе это доказать.

Если даже теперь он и сердился, то сдерживаясь, все-таки голоса не возвышал, а, напротив, точно опасаясь, как бы их не подслушали, говорил чуть ли не шепотом.

– Начать с того, что, отмеривая самому себе бессовестно широко, ты почему-то считаешь более справедливым, чтобы я довольствовался от тебя нищенскими подачками, точно в самом деле права наши, если уж на то пошло, не должны быть во всем совершенно равны.

Хмуров при этих словах невольно улыбнулся. Пузырев не преминул подметить улыбку и продолжал:

– Напрасно смеешься, брат Иван Александрович,

и как бы тебе не пришлось, с утра посмеявшись, наплакаться к вечеру.

– Что это, угроза?

– Понимай как хочешь, но я еще не все сказал. В деле нашем мы с тобой были равны, пусть же и участи наши сравняются во всем. Ты считаешь для себя слегка оправиться – жить в бельэтаже первоклассных меблированных комнат, быть одетым чуть ли не у Жоржа, завтракать в «Славянском базаре», обедать в «Эрмитаже» и ужинать в «Стрельне» или у «Яра» да ездить на рысаках от Ечкина, так почему же ты думаешь, что для меня достаточно десяти, пятнадцати рублей?

– Во-первых, я этого совсем не думаю, – нетерпеливо ответил Хмуров.

– А во-вторых?

– А во-вторых, неужели же тебе не ясно, что все это: и завтрак в «Славянском базаре», и обед в «Эрмитаже», и ужин у «Яра» или в «Стрельне», и, наконец, роскошный выезд от Ечкина – мне нужно потому, что только при такой обстановке я на хорошее дело могу навернуться...

– Ну да, конечно. Как тебя не понять, – снова усмехнулся Пузырев с обычной ему насмешкою. – Все это тебе необходимо для приискания денег, а деньги, раз они найдены, тебе нужны для продолжения жизни в

той же обстановке. Остроумный вывод.

Но Хмуров начинал сердиться.

– Который принадлежит тебе одному, – сказал он, – и ты же один им и восхищаешься. Завидное самодовольство, все, что могу на это сказать!

– Ну а я скажу тебе в таком случае совсем иное. Слушай меня внимательно и знай вперед, что я ни на какие уступки на этот раз не пойду.

– Опять угроза?

– Зачем? Простое требование...

– Основанное на чем? Позвольте, пожалуйста, узнать.

– На моих равных с тобою компанейских правах по некоторым особенным делам, напоминать которые друг другу, я полагаю, нам нет особенной надобности. Требование это заключается в немедленной выдаче мне тысячи рублей, обманным образом мне недоданных при известных тебе обстоятельствах.

– Но если у меня их нет?! – горячо воскликнул Хмуров и, вспыхнув, даже встал с сундука, на котором сидел.

– Неправда. Они у тебя есть, они должны у тебя быть, а если бы даже их и не было, то кричать об этом так, чтобы в коридоре было слышно, во всяком случае, не благоразумно.

– Это черт знает что такое!

– Совершенно с тобою согласен и скажу тебе даже: всякие подобные недоразумения между нами необходимо раз навсегда прекратить. Выдай мне причитающуюся давным-давно тысячу рублей, и заживем по-старому – добрыми друзьями.

– Но откуда ты взял!

– Что? Что такое? То, что ты можешь в данную минуту уплатить мне старый долг? Это тебя интересует? Изволь. Ты купил вчера у часовщика на углу золотые гладкие часы. Я видел тебя, когда ты выходил от него. Из любопытства я зашел и заговорил о тебе, сказав, что знаю тебя, да от слова к другому и выведал, что мне было нужно. Часовщик мне наивно разболтал, что при тебе денег много, одних сотенных тысячи на три. Вот и причина моего раннего визита.

– Часовщик мог и напутать.

– Цели никакой нет. Да, впрочем, чего же проще? Потрудись показать свой бумажник, вон он, я вижу, из-за драпировки у тебя на кровати из-под подушки торчит.

– Ты, кажется, уж и на обыск готов? – спросил как бы шутя Хмуров, но сам от мысли этой разом покраснел.

– Нет, – ответил Пузырев и снова прислонился к спинке своего кресла. – Я прежде всего враг скандалов, а обыск, в особенности насильственный, мог бы вызвать с твоей стороны сопротивление и шум. Но я

предпочитаю избрать иную меру: я не уйду из этой комнаты, пока не получу от тебя полного удовлетворения. Если нужно будет, я останусь здесь ночевать и даже отдам свой вид в прописку...

– Ну, хочешь сто рублей?

– Почему ж и нет! Давай сто рублей, останется за тобою девятьсот.

Недоверчиво оглядываясь, Хмуров пошел за драпировку, пошуршал там чем-то и вернулся с развернутым радужным кредитным билетом в руке. Протягивая его Пузыреву, он сказал:

– Себя граблю, чтобы только тебе помочь. Вот бери.

– Спасибо.

Он спрятал бумажку в карман, предварительно аккуратно сложив ее вчетверо, и потом, принимая снова свою прежнюю позу, полную спокойствия, сказал:

– Только ты, Иван Александрович, себе положительно лишний труд сам составляешь.

– Почему это?

– А потому что вместо одного раза, таким-то путем, придется ведь целых десять за драпировку удаляться.

Приятели смотрели друг на друга в упор, прямо в глаза. Оба они точно измеряли силы другого, и нехорошие искорки сверкали в их зрачках.

– Ты шутишь? – спросил наконец Хмуров. – Я дал

тебе все, что мог.

– И не думаю шутить...

– Так на же, смотри, коли так! – вспыхнул снова Иван Александрович и, кинувшись за драпировку, принес оттуда весь свой объемистый бумажник.

– На же, ищи! – кричал он в бешенстве, развертывая его перед глазами гостя, так что оттуда из разных его отделений насыпались и деньги, мелкими кредитками, и карточки, и письма.

В удивлении смотрел на эту сцену Пузырев и только повторял:

– Успокойся, не кричи, могут в коридоре или рядом услышать, нехорошо. Да успокойся же, довольно. Я тебе верю.

– Вот то-то же и есть, теперь веришь, – говорил вслед за ним Хмуров, волнуясь. – А когда говорят тебе, так какого-то часовщика приплетать стал. Я действительно несколько несчастных сотенных так скомкал, чтобы он их за тысячи принял; но ведь я везде расплатился: здесь отдал долг, да еще вперед внес, за лошадей заплатил, туда-сюда, и вот осталось сто восемьдесят рублей. Тебе сто, а себе мелочь одну оставляю...

– Жаль, – сказал Пузырев, вставая, – а ведь я к тебе по хорошему делу пришел: сразу куш здоровый можно зачерпнуть, тысяч эдак по тридцати на брата...

Выражение лица Хмурова снова изменилось. Он спросил:

– Ты не балаганишь?

– Какой тут балаган! Дело блестящее и не подлежащее никакому сомнению. Но, конечно, прежде всего на него деньги потребуются, а раз у тебя их нет, и говорить не стоит.

Хмуров соображал. Словно спохватившись, взял он приятеля за руку и, притягивая снова к покинутому креслу, сказал:

– Чудак же ты, право! Ну, допустим, сейчас у меня денег нет, но я попал теперь на такую линию, что могу их достать. Садись и расскажи, в чем суть? У тебя всегда бывали блестящие идеи.

– Спасибо за комплимент. Он приходится мне тем более кстати, что доказывает, какое ты доверие питаешь к моим умственным способностям. И чтобы тебе доказать, насколько я и в самом деле смышлен, я скажу тебе вот что: дело, мною придуманное, во всех отношениях непогрешимо; через месяц, много два, мы с тобою положим чистоганчиком по тридцати, а может быть, и более тысяч в карман и укатим за границу; но нужно для этого именно около двух тысяч на расходы, то есть тебе тысячу и мне столько же. Раздобудься деньгами, и тогда прошу покорно на совет, – но одно еще помни: в моем предприятии каждый день дорог.

Он замолчал и пытливо смотрел на Хмурова, выражение глаз которого ясно говорило, что и ему хочется проникнуть в тайники мысли товарища.

– Но какого же рода твое дело и в чем гарантии на успех?

– Сперва денежки, то есть главным образом сперва мои деньги. Довольно того, что я раз тебе на слово поверил и слова своего ты тогда не сдержал. Снова в обиду я тебе не дамся. Помни, что дело мое так же верно, как то, что мы с тобою уже не впервые видимся. Если через три дня, то есть в четверг утром, ты мне не вернешь остальных девятисот рублей, то я могу тебе кое-где попортить, во-первых, а во-вторых, я найду себе другого компаньона.

С этими словами Пузырев встал, протянул на прощанье товарищу руку и вышел. Хмуров хотел было задержать его, но почему-то раздумал. Ему казалось, что Пузырев только хвастал.

Он вернулся к себе за перегородку и, достав из-под тюфяка, у изголовья постели, почтенных размеров пачку сторублевых, любовался ею и с наслаждением вслушивался в шелест этих радужных листов.

Пузырев же решил, еще до ухода своего, учредить за приятелем строжайший надзор.

II. Хитрец

Илья Максимович Пузырев, удаляясь, бросил на стол лоскуток бумаги с обозначением своего адреса. Он прошел мимо швейцара с тем же гордым видом полнейшего сознания своей независимости, с каким не более часу до этого сюда вошел. Но, невзирая на обладание сторублевым кредитным билетом, он не взял извозчика, а направился домой пешком, ворча про себя свои соображения относительно только что сделанного визита.

«Бьюсь об заклад, что врет! – думал он относительно клятв Хмурова, будто бы он теперь сам остается с восьмьюдесятью рублями. – Но если врет, то погоди же. Во всяком случае, от моего бдительного ока ты не скроешься. Нет, не на того напал. Шалишь, мальчик! Еще на свет тот не родился, кому бы удалось безнаказанно провести Ильюшу Пузырева».

Он шагал мерно, спокойно, точно разгуливая, и вскоре свернул в один из ближайших переулков.

Он вошел в калитку и очутился на обширном дворе, среди нескольких отдельных деревянных построек. То были все флигеля-особнячки с мезонинчиками и отдельными садиками. Только вид их казался захудалым, предвещающая скорое разрушение, если толь-

ко домовладелец не позаботится о многостороннем и необходимом ремонте.

Пузырев прошел в самую глубь двора и поднялся на вышку последнего, наиболее отдаленного флигелька. Там он сперва постучался в дверь, снаружи обитую рогожею, и не позвонил по простой причине: звонка тут совсем и не было.

Вышка была разгорожена на целых три комнаты. Но Боже, что за комнаты! С низкими потолками, придавливающими их с тем большею угрозою, что от ветхости они совсем покосились на сторону, и оставалось только удивляться, что в переулке, прилегающем к большой центральной улице Москвы, гордящейся своим громким прозвищем «Белокаменной», могли еще встречаться в наши просвещенные времена подобные лачуги.

Да, но Пузырев уже ничему не удивлялся, а, видимо, чувствовал себя здесь своим человеком.

Какой-то старой женщине, возившейся около почернелой русской печки в первой камерке, при самом входе, он только кивнул в знак приветствия и прошел далее. В следующей клетушке, за ситцевыми полинялыми занавесками, одиноко стояла старая деревянная кровать. Наконец, в последней комнатке, куда вошел Пузырев, их было две: одна пустая, а в другой лежал человек, исхудалый, изнуренный и, без сомне-

ния, в последней степени чахотки.

Большие черные глаза его, напоминавшие угольки, вспыхнули в глубине темных орбит, когда Пузырев вошел, и устремились на него с выражением огромного нетерпения, можно было бы даже подумать – боязливой надежды.

– Опять волнуетесь, – сказал ему Пузырев, прочтя это выражение при первом, беглом взгляде на него. – Успокойтесь, Григорий Павлович, первый шаг к успеху сделан, и не пройдет десяти дней, как обещание мое будет исполнено в точности.

– Неужели? – слабо проговорил больной, и, следя за направлением шагов Пузырева, подошедшего к окошку, чтобы сесть на свое привычное место, он сделал невероятное усилие и обернулся всем телом в ту сторону.

Пузырев сел, достал папиросу, закурил и тогда уж, раза два жадно затянувшись, заговорил:

– А вы лежите смирно да слушайте, Григорий Павлович. То лицо, о котором я вам рассказывал, Иван Александрович Хмуров, на которого я для вас возлагал такие большие надежды, теперь наконец приехал, и я сейчас виделся с ним.

– Вы с ним виделись, стало быть, говорили? Ну что? Как он отнесся?

– Конечно, так, как я и ожидал...

– Неужели же есть еще люди, которых не испортило богатство?! – воскликнул в сильном волнении больной.

– Как сейчас увидите, дорогой мой, есть, – спокойно отвечал Илья Максимович. – Иван Александрович Хмуров во всех отношениях замечательная личность. Надо вам сказать, что я помню его еще в бедности, то есть до получения им миллионного наследства...

– Как же, как же, вы говорили.

– Да и миллион ему нисколько голову не вскружил, – продолжал лгать, преследуя свой личный, давно задуманный план, Пузырев. – Напротив, он стал относиться к жизни куда серьезнее прежнего. Заметьте притом, что Иван Александрович – красавец, здоровьем похвастаться может, силен и не стар, а в самом цвете лет – ему едва тридцать пять стукнуло, – все женщины по нем бы с ума сходили, а он нет, ведет жизнь скромную и всецело посвятил себя служению нуждам страждущего человечества.

– Сколько горя он может облегчить! Сколько истинного счастья он сам от этого должен испытать!

– А как бы вы думали? – подхватил Пузырев тоном такой искренности, что можно было подумать, будто бы сам всю жизнь только и мечтал о помощи ближнему.

– Но расскажите ж мне подробно, как вы пришли,

как он вас встретил, что сказал? Словом, все, от начала до конца, – интересовался больной.

Пузырев потушил докуренную папиросу и сказал:

– Я знал его давнишнюю привычку трезвого, делового человека вставать рано, не позже восьми. И я не ошибся. Он встретил меня свежий, бодрый, уже с добрый час на ногах. Ну, конечно, он страшно мне обрадовался, мы по-приятельски, даже дружески, обнялись. Он засыпал меня упреками, что я не давал о себе знать за целых два года; расспрашивал о моей жизни, говорил, что всюду меня разыскивал. Подметив кое-какой изъянец в моем туалете, он стал еще более настойчивым в своих вопросах, но тут я ему категорически ответил, что сам я ни в чем решительно не нуждаюсь и что не шел к нему ранее именно из опасения, как бы он не вздумал насильно мне оказывать помощь, когда я еще здоров и могу работать. Наконец наступил момент, которым я мог воспользоваться, чтобы заговорить с ним о главной цели моего посещения.

– Да? Ну и что же?

– Я ему рассказал всю вашу историю, вашу печальную, но глубоко поучительную историю. Я передал ему в подробностях, как и при каких обстоятельствах мы с вами познакомились, а потом сблизились и до того дружески сошлись, что живем в одной конуре. Сло-

вом, я открыл ему ваше положение, ничего не утаивая, и когда он спросил меня, безнадежно ли вы больны...

Григорий Павлович побледнел. Сквозь посиневшие губы он со страхом спросил:

– Тогда?

– Тогда, конечно, я ему сказал всю правду, что вы больны серьезно, но что есть еще время вас вернуть к жизни и к полезной деятельности, что доктор только требует вашей немедленной отправки на юг, в Крым, дабы вы ушли от опасной в вашем положении осени.

– И что же?

– Что мог мне на это ответить человек, который в жизни ищет только добра?! – воскликнул Пузырев. – Он обрадовался моей просьбе, как бы другой был осчастливлен ста тысячами. Но он мне вот что сказал: дай мне еще дней десять сроку; я, говорит, приехал в Москву по делу целого семейства, и долг мой довести это дело до конца; при этом, говорит, прошу тебя, следи за тем, чтобы твой друг пока ни в чем не нуждался... И он снабдил меня кое-какими деньгами, и мы начнем с того, что купим вам винограду, который в вашем положении так полезен.

Больной не был в силах говорить. Волнение и чувство беспредельной благодарности до такой степени переполняли его грудь, что он в изнеможении опу-

стился на подушки.

– Успокойтесь, – сказал ему Пузырев. – Я счел только нужным прямо от Хмурова прийти сообщить вам результаты моих хлопот. Могу вам поручиться, что не позже как через две недели, а, вернее, именно дней через десять мы с вами вдвоем поедем в благодатные страны, где солнце греет не только осенью, а и зимой.

– Благодарю вас, благодарю...

– Пожалуйста, только не волнуйтесь, а берегите себя. Помните вашу цель: остаться живым и тогда отмстить коварным изменникам. А теперь я пойду, у меня есть еще дельце. Я вам пришлю то, что в вашем положении и полезно, и приятно, а тут, пока меня не будет, Марфа Кондратьевна вам поможет...

Он вышел, шепнул по пути старушке, квартирной хозяйке, чтобы она присмотрела за больным.

Ему предстояло еще немало дела, но прежде всего он занялся Григорием Павловичем и сделал нужные для него покупки.

«Надежда, – говорил он самому себе дорогого, – придает жизни даже чахоточному. Теперь я его ободрил, и мы еще можем отыграть проигранное из-за упрямства Ваньки Хмурова время. Ах, если бы я только узнал, соврал он мне или нет. Но я его подстерегу. От меня не уйдет! Не на того напал. К тому же дела делать мне все-таки легче с ним как со старым, уже

бывавшим в бою товарищем, нежели с кем новым. Да и где, скоро ли нового-то сыщешь? У кого из нашей братии так вот сейчас и найдется тысячи две-три под рукою на ведение даже вернейшего дела?»

Он задумался глубже над этими последними словами, взвешивая все шансы, но пришел от этого только к еще более стойкой уверенности, что сорваться его дело не может.

Оно требовало только строгой, серьезной выдержки, да и то не особенно продолжительной. И, успокоенный на этот счет, едва поспев с покупками для больного, которого за глаза и мысленно он называл коротко, по фамилии, Страстиным, Пузырев предался другому плану.

Он решил проследить за Хмуровым и сейчас принялся за это с ловкостью, которой позавидовал бы самый опытный полицейский агент.

Еще утром, при посещении своем Хмурова, он подметил как раз против подъезда номеров ресторанчик ниже среднего разряда.

Ничем не гнушаясь, он туда именно и направил свои стопы.

Избрав себе местечко в уголку, у самого окошка, но подальше от других посетителей, Пузырев потребовал сперва чайку и пустился в беседу с половым.

Малый оказался глуповатым, правда, но ретиво же-

лающим услужить новому посетителю.

Между ними завязался довольно странный разговор, к тому же еще прерываемый постоянными паузами.

– Давно здесь служишь? – спрашивал Илья Максимович, попивая чай с блюдца и как бы так только болтая от нечего делать.

– С основания-с этого самого заведения-с, сударь.

– Когда же, в котором году, ресторан открылся?

– Лет не много будет-с, потому еще году нет-с, не исполнилось...

– Году нет, а уже все пообтерлось, ведь заведение имеет такой вид, как будто бы лет десять не ремонтировали.

– Это точно-с, – ответил, почему-то повеселев, половой и, усмехаясь, обвел плазами всю залу с ее низеньким закоптелым потолком.

– Почему же это?

– Да кто его знает, сударь, – переменил он вдруг тон на более печальный и совершенно неожиданно вздохнул: – Надо так полагать, что от торговли.

– От торговли? – переспросил Пузырев, снова наливая себе чаю.

– Не иначе-с.

– А большая у вас торговля?

– Ничего-с, хозяин не жалуется.

Помолчав немного, половой переступил с ноги на ногу и сказал:

– Опять, публика-с.

– Что такое публика? – удивился, не совсем его понимая, Пузырев.

– А то, например, какая куда публика повадится ходить.

– К вам какая же больше ходит?

Половой быстро вскинул в сторону глазами, точно опасаясь, не подслушивает ли его кто, и, снова вздохнув, сказал:

– Уж обыкновенно не то, что в «Ермитаж». (Он проносил это слово на букву Е, видимо не признавая обратного Э.)

– Что же, пожиже будет?

– Пожиже-с.

– Мелкие торговцы, что ли, больше ходят да сидельцы?

– Конечно, бывает-с.

– И лакеи тоже, то есть номерные, да коридорные из гостиниц?

– Бывают и они-с, потому тут кругом все заведения большие-с. Опять, насупротив нас, изводите знать, номера-то в славе считаются...

– И оттуда ходят?

– Оттуда более всего-с.

Пузырев приближался к цели, но в качестве опытного охотника он выдержал и точно стойку сделал, прежде нежели сказать: «Пли!» Он медленно налил себе третью чашку, перелил половину из нее на блюдечко, подул, добросовестно выпил и тогда только спросил:

– А можешь ты мне службу сослужить? Я уж, так и быть, двугривенного не пожалею.

– Сколько угодно-с. Наше дело простое-с: что гость прикажет, то и подам.

– Нет, пока мне еще подавать ничего не нужно будет. А ты вот слетай-ка напротив в номера да пригласи мне сюда коридорного из второго этажа направо...

– Матвея Герасимова?

– Так ты его знаешь?

– Как не знать, помилуйте-с, – обрадовался половой. – Вот и из номерных, можно сказать, а не хуже другого господина обращение имеет и что насчет заказу любят, чтобы все за первый сорт.

– Но тот ли это?

– Помилуйте-с! Бельэтаж направо-с, так ведь изво-лите говорить? Так опричь Матвея Герасимова кому же там и служить-с? Мы доподлинно знаем-с, – отозвался половой каким-то обиженным голосом.

– Ну так вот, махни сейчас туда и скажи: вас, мол, по делу у нас в ресторане с угощением дожидаются.

Понимаешь? Так и скажи: с угощением дожидаются.

– Слушаю-е.

– А он что более всего предпочитает? – остановил полового Пузырев.

– Им теперь разве только отлучиться будет мудро, потому время самое горячее об эту пору по ихней должности, – словоохотливо разъяснил малый, – а то большие они любители до английской горькой, рюмочку или две, не больше, потом расстегайчик да жидкую польскую селяночку из разной рыбки и опосля того парочку пива рижского, вальшлесхен прозывается.

– Вот ты так и скажи ему: вас, мол, Матвей Герасимов, в ресторане сейчас гость дожидается, по делу, по важному, и обед заказан, а вы пока что за себя кого поставьте, ибо гость за беспокойствие вам, oprичь угощения, еще три рубля наличными деньгами передать желает. Понял?

– Понял-с.

– Ну, беги.

– Я мигом.

И в самом деле Пузырев в окно видел, как сперва туда, а потом обратно через улицу бежал услужливый половой, сверкая на солнце белизною своего трактирного костюма.

– Ну, что? – спросил он его, едва он успел вернуть-

ся.

– Сейчас будут-с, – радостно и запыхавшись ответил парень.

III. Справки

– Закусочку прикажете приготовить? – спросил по-ловой все так же радостно.

– Закусочку? Что ж, пожалуй.

– Икорки или балычка позволите? Семга имеется высшего качества.

– Ты вот что, – сообразил Пузырев, – подай водочки двух сортов. Ты говоришь, он любит английскую горькую, так английской горькой на стол поставь да мне хорошей очищенной...

– Смирнова или Попова позволите?

– Все равно. Слушай дальше: полпорции икры салфеточной да полпорции балычка осетрового, а затем, едва увидишь, что он вошел, сейчас заказывай по расстегайчику с визигой и рыбой да одну порцию жидкой рыбной селянки.

– По-польски-с?

– Ну да, по-польски. Да к закусочке нельзя ли калачик подогреть? Выбирай только поподжаристей.

– Сию минуточку-с.

Пузырев отклонился от чая и стал посматривать в окно. Вдруг он вспомнил, что приглашенный номерной его не знал, да и сам он, в свою очередь, о нем не имел ни малейшего понятия. Он постучал фарфоро-

вой крышечкой о чайник и, когда половой подбежал, сказал ему:

– А ты следи и, только он покажется, сейчас же сюда его ко мне подводи, потому у меня с ним первое знакомство...

– Понимаю-с.

– Чай можешь, пожалуй, прибрать да приборы и закуску неси.

Но давно был и чай прибран, давно на столе красовались две бутылочки, два сорта закусок, два прибора и рюмочки, а ожидаемый гость не шел. Прошло четверть часа, ничего. Пузырев ожидал терпеливо, хотя голод уже сказывался и икра да балык соблазняли своим аппетитным видом.

Прошло полчаса, и внимание всецело было охвачено вопросом: что же это значит, неужели не придет? – тогда как потребность утоления голода, наряду со столь важною заботою, как-то совсем отошла на второй план. И чем дальше, тем сильнее овладевало им беспокойство.

В сторонке, поближе к входу, волновался за него и половой. Он поминутно наклонялся, чтобы издали, не сходя со своего поста, поглядывать в окно.

Пузырев намеревался уже подозвать его с целью снова отправить в номер и узнать, придет этот Матвей Герасимов или нет, когда он внезапно был отвлечен

другим.

Дверь парадного подъезда меблированного дома широко распахнулась, и на пороге показался швейцар. Он махнул кому-то рукою, и к фронтому подъехал красивый экипаж, коляска, запряженная парой рослых рысаков с подплетенными гривами. Экипажа видеть раньше Пузырев не мог, так как он сидел к нему спиною у трактирного окна.

Какой-то молодой парень в поддевке, из-под которой высматривала треугольником у ворота голубая шерстяная русская рубаха, – должно быть, подручный швейцара, – вынес роскошный светло-серый плюшевый плед и положил его в угол сиденья.

Наконец оба почтительно отступили, и в коляску сел рослый, видный, нарядный господин, в котором Пузырев узнал, конечно, Хмурова.

«Погоди, – подумал он не без затаенной злобы, – я тебя к порядку еще приведу, и если ты теперь так самодовольно улыбаешься, то помни, что мое око не дремлет. Упаси тебя Боже от моей мести, если ты только продолжаешь меня обманывать!..»

Коляска тронулась с места и почти моментально скрылась из виду, а оба швейцара еще долго, улыбаясь, подобострастно смотрели ей вслед.

Не успел Пузырев еще прийти в себя от злобы на преуспевающего коллегу по делам, как приближавши-

еся шаги заставили его обернуться.

К его столику приближался человек, которого трудно было бы сразу определить за коридорного, и узнал его Илья Максимович только потому, что половой его сопровождал и снова радостно улыбался во все свое широкое и глуповатое лицо.

– Вы из комнат напротив? – спросил он нового знакомого.

– Да-с, – отвечал тот, выражая некоторое удивление встрече с совершенно чужим человеком.

– Садитесь, пожалуйста.

Тот сел.

– Есть у меня до вас деликатное дельце одно, пока вот я и решился сюда вас пригласить. Откушайте со мною, да, кстати, уж и поговорим, а я насчет беспокойства, если вам там у себя на деле кого пока поставить пришлось, готов ведь и поблагодарить по простоте душевной.

Он старался почему-то говорить особым, а не привычным языком, желая, вероятно, даже тоном речи подладиться к гостю. Но в то же время, как более еще сильный аргумент, он передавал ему уже трешницу, держа ее таким образом, чтобы тот видел, что не какая-нибудь рублевая канарейка.

Удивление, а еще более того любопытство Матвея Герасимова росло, но это отнюдь не помешало ему

переместить, с улыбкою признательности, трешницу из руки незнакомца в карман своих панталон. Он только спросил при этом:

– Чем могу сослужить-с?

– Прежде всего об одном вас попрошу, – сказал на это Пузырев, – будьте со мною без малейших стеснений, выпьемте для первого знакомства по рюмке, по другой, закусимте чем Бог послал, а тогда уже займемся делом. Вам время теперь есть?

– Что же, полчасака можно-с.

– Вот и прекрасно. А полчасака ежели не хватит, то и еще четвертиночку захватим. Я, пока вас ждал, уж и насчет горячего распорядился. Вы какую пьете, никак, английскую горькую?

– Угадать изволили-с, – ответил Матвей Герасимов, удивленный не менее прежнего, но считая не бонтоным особенно настаивать, тем более когда, видимо, все меры приняты для приличного его угощения.

– Угадать не угадал, – сказал Пузырев, – но у полового полюбопытствовал о вкусах ваших и, что было мне нужно, от него разведдал. Итак, по рюмочке позвольте-с.

Он налил ему и себе разной и потом, чокнувшись, проговорил:

– Для первого знакомства-с.

– Покорнейше благодарим.

Но как бы ни держал себя просто Пузырев, а Матвей Герасимов чувствовал, что это не свой брат. Он стеснялся, и Илье Максимовичу пришлось настаивать и на второй, и на третьей рюмке, чтобы хоть сколько-нибудь да ободрить его.

Досаднее всего было номерному, что этот странный господин, с виду несколько поотрепанный, но не стесняющийся в расходах, и не думал приступать к сущности дела, а, казалось, был наиболее занят едою.

Пузырев же был совершенно спокоен. Тот, кого ему нужно было, сидит около него рядышком и, конечно, не сбежит, а стало быть, и торопиться особенно нет надобности.

Он расспрашивал его о житье-бытье на этой должности, о доходах, о количестве работы, об отпускных, свободных днях и дотянул таким образом до окончания селянки. Впрочем, и сам-то он сильно проголодался. Все казалось ему особенно вкусным. Еда располагала его к лучшему настроению, и, когда селянка была вся съедена добросовестно, он спросил две бутылки темного рижского пива.

Чокнувшись стаканами и выпив свой залпом, он сказал:

– А я уже начинал опасаться, что вы, пожалуй, и совсем не придете.

– Урваться-то нашему брату не во всякое время можно, – вздохнул Матвей Герасимов.

– Понятное дело, – согласился Пузырев. – Особенно, я полагаю, трудно до обеда, пока уборка идет да многие еще дома из постояльцев.

– Постоялец постояльцу рознь, – ответил коридорный, чувствовавший себя теперь более благодушно и вследствие этого более расположенный к откровенностям.

– Ну еще бы, конечно!

– Бывает и такой постоялец, что ему не то чтобы угодить, а еще, насупротив того, назло всячески стараешься сделать.

– Бывает разве и это?

– Да как не бывать? Помилуйте! Наше дело что? Служащие, и больше ничего. Ну, займет постоялец комнату, и, конечно, с первого раза к нему ты всей душой. И что прикажете-с, и слушаю-с, и сию минуту. Одним словом, все, как быть должно. Чуть даст звонок, сейчас к нему бежишь, а он тебе все рыло ворочает аль-либо еще того хуже: болван, да осел, да холуй, от него иного слова не услышишь. Ну и обида разберет. И больше всего шумит да кричит тот, кто хуже всех на чай дает. Это у нас уж верно примечено. Нет хуже оголтелого постояльца. Его бедность-то раздражает, и все ему кажется, будто к нему, из-за бедности-то

этой, недостаточное уважение питают.

Пузырев слегка улыбнулся этой лакейской психологии и удивлялся ее правдивости. Он спросил, однако, для поддержания разговора:

– Другой и богатый выродится такой, я думаю, учитель, что все жилы вымотает, да в конце концов тоже не грузно от него пообедаешь?

– Конечно, это само собою, всякие бывают, – согласился Матвей Герасимов и отхлебнул вновь налитого ему пива. – Я вам вот как доложу, – прибавил он походя, – настоящего господина и при безденежье распознаешь. Дайте же свинье миллион, все равно толку ни для кого не выйдет.

– Ну а сейчас вот у вас в номерах стоит кто из хороших господ? – спросил Пузырев.

Матвей Герасимов посмотрел на него пристально, помолчал и потом сказал:

– Стоит у меня сейчас, в четырнадцатом номере, такой барин, что таких еще не бывало, да и не будет никогда.

У Пузырева сердце учащеннее забилося. Он прекрасно знал, кто стоял в четырнадцатом номере, и тем не менее счел нужным сказать:

– Вот как! Кто же это?

– Иван Александрович, по фамилии Хмуров, – весьма словоохотливо ответил Матвей Герасимов.

– И что же, богатый человек?

– Тут богатство ихнее ни при чем. Да, опять-таки, нет у них никакого богатства, а за доброе их к нашему брату расположение посылает им Господь Бог по великой милости Своей.

– Чем же он занимается?

– Да чем обыкновенно такие господа занимаются? Знакомства разные заводят, по ресторанам, по театрам ездят, опять, в карты сыграют. Все как должно хорошим господам.

– И всегда деньги водятся?

– Ну, всегда не всегда! Бывает так, что и жутко приходится, у нашего же брата номерного по пятерке на обед занимают, только для такого господина ни трудов, ни денег не жалко-с, потому доподлинно известно, что никогда не пропадут.

– Хороший господин?

– Да уж чего лучше-с! Приехал это Иван Александрович с месяц, должно быть, тому назад к нам, прямо из Петербурга, и говорит мне: «Ну, брат Матвей, в Питере-то мне совсем животики подвело, нет там для нашего брата никаких, говорит, делов. Надо будет посмотреть, говорит, что-то Москва скажет?» Ей-Богу-с, так вот прямо со мною и болтает, не гнушается. Ну, я, знамо дело, ему сейчас в ответ: «Не извольте, мол, Иван Александрович, только унывать, а для

вашей милости непочатый угол миллионщиков и миллионщиц у нас припасено!»

– А он что?

– Ничего, смеется, говорит: «Вот миллионщиц, именно миллионщиц мне-то и нужно!» Хороший господин!

– И что же, подвернулась?

– Цельный месяц бился, нет ему исхода, всем у нас в доме позадолжал. Я, чего тут грех таить, даже часы в кредитку для него снес, потому жалко: вижу, барин совсем без денег сидит. Так вы только-то подумайте: барин-то какой? Принес я ему из кредитки тридцать четыре рубля с мелочью, потому за марку да за один месяц процент вперед удержали, и он мне сейчас же, из моих же денег, три целковых на чай отмахнул.

– А теперь поправился?

– Поправился, совсем поправился! Куш здоровый цапнул и давай всех рассчитывать да на чаи раздавать. Даже страшно стало, как это у него денежки летят. Я ноне утром решился было им сказать: «Так и так, мол, Иван Александрович, Москву не удивить, а как бы вашей милости опять без копеечки не насидеться».

– Ну, и что же?

– Ничего, смеется да говорит: «На, смотри, тут более трех тысяч, да вчерашнюю барыню видел?..» Я

только руками развел, а он эдак по плечу меня прихлопнул и говорит: «Вот то-то же и есть! Мне бы только на линию напасть, а раз я на линии, так ходчее, говорит, курьерского помчаться могу!» Орел, да и только.

Он не замечал, что загадочный незнакомец сильно побледнел, да в эту минуту внимание его было отвлечено роскошной каретой, подкатившей к главному подъезду меблированного дома. В окне экипажа виднелась полная женщина, богато, нарядно, но безвкусно одетая. Матвей Герасимов почти вскрикнул:

– Да вот она и есть!

– Кто она? – переспросил Пузырев, тоже склоняясь к окошку и разглядывая приехавшую.

– Да Ивана-то Александровича Хмурова новая подруга-с.

– Но кто же она?

– Вдова купеческая-с: Зинаида Николаевна Миркова.

– Что же она, за ним, что ли, приехала? – спросил Пузырев.

– Должно, разъехались. Ничего, швейцару приказано, он ее направит. И молодец же, право, молодец Иван Александрович! Какую себе новую банкиршу подцепил.

– Как банкиршу?

– Да очень просто. Теперь денег-то у него сколько хочешь будет. Купчиха-то хорошая, особенно ежели еще вдова, больше, нежели банк, выдержит.

Карета отъехала. Швейцар ей кланялся вслед. Но опомнившийся от всех этих сведений Пузырев сказал.

– А теперь прослушайте-ка, какое у меня до вас дело.

Тот про дело и забыл в пылу своей беседы. Он поклонился с готовностью слушать. Пузырев же просто врал, чтобы только сказать что-нибудь.

– У вас, – сказал он, – должна остановиться одна приезжая из Киева актриса, Раиса Кузьминична Шпорова. Пожалуйста, следите за этим и, не говоря ей ни слова, сообщите мне по этому адресу. Когда я получу верное сведение от вас о ее приезде, я немедленно же вручу вам еще такую же зелененькую бумажончку. Только дело это надо держать в большом секрете. Могу я на вас положиться?

– Помилуйте-с, слава Богу, не из бабьего персонала, тоже сумеем язык за зубами держать.

Зная вперед, что никакая Раиса Кузьминична Шпорова приехать не может, по той простой причине, что таковой и не существовало, Пузырев, не задумываясь, дал Матвею Герасимову свой настоящий адрес и простился с ним. Затем он рассчитался, добросовестно наградив полового, и, совершенно довольный са-

мим собою, вернулся к себе, в свою общую с больным Страстиным конуру, где он застал его спящим.

«Тем лучше! – подумал Илья Максимович. – Мне надо сейчас же приняться за дело».

Он присел к столу, развернул купленные по дороге почтовую бумагу и конверт и написал письмо.

IV. Предостережение

«Имея несомненные данные тому, – писал Пузырев своему товарищу Хмурову, – что ты меня снова обманул, разыграв сегодня утром со мною самую постыдную комедию, и зная из неопровержимых свидетельских показаний, что за уплатою всех твоих мелких долгишек и других расходов у тебя сегодня, при выезде из дома, оставалось в наличности еще три с лишним тысячи рублей, я сим тебя предупреждаю, что ждать намерен уплаты твоего долга уже не трое, а всего только одни сутки. Чтобы завтра к десяти часам утра у меня была бы пригласительная записка явиться к тебе за получением остальных девятисот рублей. В противном случае, не позже одиннадцати, я сочту необходимым обратиться к Зинаиде Николаевне Мирковой, которая, разумеется, поинтересуется узнать о происхождении этого долга, и я буду вынужден ей все рассказать в мельчайших подробностях для ее дальнейшего руководства в отношениях с тобою. Сам ко мне ни в каком случае приезжать не трудись».

Следовали подпись и адрес.

Письмо было вложено в конверт и немедленно же отправлено с посыльным, при твердом, неоднократном приказании оставить его не у швейцара, а в кон-

торе мебелированного дома и взять записку, что-де на имя Ивана Александровича Хмурова такого-то числа, в таком-то часу принят заклеенный конверт от рассыльного, за номером таким-то.

Справив это дело и значительно успокоенный, Пузырев вернулся к себе, так как сознавал потребность в отдыхе.

Между тем Хмуров, ничего не подозревая, был доволен собою уж никак не менее его. Он считал, что сравнительно дешево отделался от Ильи Максимовича, и предавался полному вкушению жизненных благ, в том, по крайней мере, смысле, который находится в прямой зависимости от довольно крупных наличных денег.

Иван Александрович Хмуров принадлежал к разряду тех неунывающих плутов, распознать которых тем труднее, что ими до совершенства усвоены все внешние приемы и замашки людей порядочного общества и вполне обеспеченных.

Иван Александрович Хмуров обладал многими талантами, правда мелкими, если хотите, но в той жизни, к которой он сам стремился и выше которой он уж ровно ничего не признавал, могущими иметь некоторое значение.

У него было много вкуса. Он одевался безукоризненно, никогда не следуя глупо и слепо моде, а сооб-

ражаясь с тем, что именно из нее подходило к его фигуре или вообще к его наружности.

Он умел так сидеть в коляске, что в позе его замечалось и особое приличие, и в то же время видна была привычка к хорошим экипажам.

Наружного, внешнего достоинства у него была масса.

Иван Александрович так входил в театр или ресторанный зал, что в публике непременно хоть кто-нибудь да спрашивал:

– Кто это?

По уходе от него Пузырева, налюбовавшись на свои денежки, которые он признавал единственною силою в мире, так как на них приобреталось все продажное, а что-либо более возвышенное, идеальное не входило в его искания, – Хмуров снова лег и попробовал заснуть, так как действительно провел утомительную ночь, но нервы расходились и не давали ему спать.

Напротив, чем дольше он лежал, тем сильнее разламывало его, и он решил встать и освежиться.

На звонок его вошел Матвей, с почтительною готовностью, казалось бы, кинуться из окна для своего любимца постояльца.

– Прикажи мне ванную приготовить, – сказал ему Хмуров, потягиваясь и зевая.

– Сию минуту, Иван Александрович. Только как прикажете: погорячее или градусов на двадцать пять, на двадцать шесть?

– Да, на двадцать шесть.

– Раненько встать изволили-с. Всего только десять пробило.

– Разбудили меня, и не понимаю, что у нас швейцар за дурак такой! Пускает спозаранку в номер...

– Ведь вот поди же ты, – выразил свое сокрушение лакей, – кажется, и умный человек, а нет такой догадки, чтобы сказать, что ваша милость и совсем в доме не ночевали.

– Ну, да уж ладно. Я вот буду выезжать, сам ему скажу. А ты поскорее насчет ванны распорядись.

– Слушаю-с.

Затем туалет, особливые заботы о красе ногтей, чтение двух, трех московских газет, в которых он, в сущности, интересовался только происшествиями, театрами и вообще так называемыми легкими или игривыми отделами, – все это заняло время до исхода первого часа.

Он взглянул на только что вчера купленные гладкие золотые часы: они подтвердили мнение желудка, что пора ехать завтракать, и он снова, быть может в десятый раз за это утро, позвонил.

– Узнай, подана ли коляска.

– Готова-с, Иван Александрович, сейчас из соседнего номера сам видел.

Он надел пальто, котелок, взял палку с круглым золотым набалдашником, в середину которого был вставлен сапфир, и медленно, с достоинством изволил спуститься с лестницы. Швейцару он забыл сделать замечание, так как настроение его было столь же радужно, как туго набившиеся в его бумажнике сотенные.

Все тешило и радовало его мелкое самолюбие: сознание уплаченных здесь, в меблированных комнатах, долгов, полученная благодаря этому обстоятельству независимость, сознание возможности позволить себе почти всякую блажь на имеющиеся еще в запасе наличные деньги, раболепное поклонение слуг, хороший экипаж от лучшего во всей Москве и давно каждому известного двора Ечкина, наконец, ясный, безоблачный день.

А день стоял хороший на редкость, в особенности для октября. Солнце светило ярко, чувствовался приятный, бодрящий холодок в воздухе, а ветра не было никакого.

Иван Александрович ласковым словом ответил на все поклоны слуг на лестнице, швейцаров внизу и на заявление кучера: «Здравия желаю-с!»

Он сел в экипаж как-то немного боком, что францу-

зы называют en trois quart¹, не развалился, накинул на ноги, захватив повыше колен, плед серо-желтого плюша и приказал:

– В «Славянский базар»!

В большом зале стоял шум от говора сотни посетителей и стука приборов о тарелки. Тут были все больше люди деловые, в числе которых огромное большинство отличалось еврейским типом лица. Многие из них были лютеране и англиканцы, и только некоторые оставались в самом деле евреями, будучи сыновьями николаевских солдат. Вся эта галдящая толпа понабежала с окрестных переулков Никольской и Ильинки, с биржи и других гешефтов.

Но у Ивана Александровича за последние дни уже обеспечилось место, к которому ретивый бритый официант никого не подпускал.

И здесь, как дома у себя в номерах, Хмуров успел расположить к себе прислугу. Все почти ему радостно и в то же время подобострастно кланялись, всем он отвечал доброю и веселою улыбкою; каждый из лакеев променял бы на него охотно троих из той массы посетителей, да еще с придачею.

– Никого из наших еще нет? – спросил он Александра, садясь к своему столу.

– На стороне сидит господин Савелов и полковник,

¹ на кончике стула (*фр.*).

изволили видеть-с?

Хмуров вытянул шею и посмотрел по указанному направлению. Но господа эти его не особенно интересовали, хотя оба и принадлежали к кругу хорошо живущих москвичей. Хмуров знал их за людей серьезных, от которых ему-то уж ни в чем поживы быть не может. Благодаря их положению он считал полезным знакомство с ними, но сближения не искал, да оно бы и не было так легко, ввиду того что и господин Савелов, и указанный полковник сами-то сближались с людьми по особому разбору.

– Ну и пускай их там сидят, – сказал Хмуров, – а я очень есть хочу. Подай карточку.

– Пожалуйста-с, Иван Александрович.

Везде в Москве, да еще по прежним временам, до его пресловутой поездки в Питер, его знали по имени и отчеству.

– Вот что, – заказывал он. – Дай мне на первое омлет с шампиньонами, а на второе крокетки из дичи со спаржею. Вино красное, как всегда, и главное, чтобы все это живо...

– Слушаю-с. Вина бутылку или полубутылочку прикажете?

– Когда же ты мне полубутылками подавал? Только глупости говоришь.

– Виноват-с.

И Александр, как-то пошло ослабившись, кинулся исполнять заказанное.

Хмуров подошел к буфету.

Водку он не любил, но пил ее иногда, как, например, в данную минуту, чтобы закусить за стойкою.

Вдруг кто-то позади взял его за локоть и пожал.

Он оглянулся.

– Ба, Огрызков! – искренно обрадовался он и протянул руку толстому маюдому господину в золотых очках.

– А я водки не пью, – сказал тот, отвечая ему столько же радостным и крепким пожатием. – Меня все доктор пугает ожирением сердца.

– Да и я сам ее терпеть не могу. Ты один?

– Один, и только что ввалился, вижу тебя, ну и подошел.

– Где ты сидишь?

– Нигде еще не сажу; говорю: только что ввалился. Сядем вместе?

– Пожалуйста, я очень рад.

Они перешли к столику, и опытный Александр, едва завидев новое лицо, подбежал за приказаниями.

– Ты что заказал? – спросил Огрызков Хмурова, в то же время пробегая глазами карточку.

– Омлет с шампиньонами и крокетки из дичи со спаржею под белым соусом.

– Ну, брат, крокетка туда-сюда, я против крокетов и сам ничего не имею, но яичницы твоей, да еще с шампиньонами, совсем не желаю. Дай ты мне... Чего бы мне на первое выбрать?.. Дай ты мне... Ах, вот что: дай ты мне воль-о-ван а-ля финансьер.

– Ведь туда тоже шампиньоны входят, – поправил толстяка Хмуров.

– Э, брат, это совсем другого рода штука. А пить мы что будем?

– Да я уже заказал. Ступай, Александр, тащи скорее.

– Ну что, как ты вчера? – спросил Огрызков, едва официант удалился.

– Ничего, славно провели время.

– Ты поздно приехал. Где ты раньше был, до двух?

– Где раньше был? – с улыбкою самодовольства спросил Хмуров. – Пока это тайна. Могу одно только сказать: где был, там меня нет, но там я скоро буду.

– Ого! Вот оно что! Ну да чего уж тут? Ладно, ладно, расспрашивать не стану, коли сам не говоришь. Только в Москве, да в нашей компании, долго ничего не скроется.

– А люблю я Москву! – с искренностью в голосе проговорил Хмуров, потянувшись с каким-то сладострастием.

– Чего уж? Лучше города не найдешь.

– Знаешь что? Везде я перебивал и даже подолгу живал, а лучше Москвы, вот убей меня, нет, по мне, города.

– Еще бы!

– Ты одно возьми, Сергей Сергеевич, свобода какая, во всем непринужденность, ширь, веселье...

– Опять, еда, – присовокупил и свое слово толстяк.

– А что ж ты думаешь? Нигде в мире так не едят, как в Москве. Тут на все вкусы найдешь. Тут и тонкую французскую кухню найдешь, и венский стол у Билло получишь, да как еще добросовестно, и наше чисто русское кулинарное искусство процветает. А потом, женщины...

– Тоже всех наций!..

– Да что про заезжих говорить, сами москвички, так эти поклонения достойны... Ага, несут наконец!

Действительно, Александр нес и омлет, и воль-о-ван.

– Вино, вино скорее да аполинарис не забудь, – распоряжался Хмуров.

– Готово-с, даю.

Они принялись за еду.

– Одна беда, – сказал Хмуров, быстро прожевывая и глотая свое. – Денег в Москве много нужно.

– Да где они не нужны-то? – философски отозвался Огрызков.

– Тебе хорошо говорить, – улыбнулся Иван Александрович. – Ты прожитья не можешь. Тебе назначена пожизненная рента, и далее зайти, как бы ты ни увлекался, никоим образом нельзя. А вот наш брат помещик (он любил выдавать себя за помещика, хотя нигде никакого имения, конечно, не имел) с системой залогов и перезалогов в Москве легче, нежели где-либо, может по миру пойти.

Во время перерыва между первым и вторым блюдом Хмуров продолжал развивать все ту же тему.

– Для примера, – говорил он, – возьмем хоть один вчерашний день. Завтрак здесь, обед в «Эрмитаже», мой номер, экипаж – все это я уж не считаю, без этого я обойтись не могу, – а в одной «Стрельне» мы оставили по сорока восьми рублей на брата.

– Да ведь не каждый день! – заметил ему Огрызков. – Ты мне лучше скажи: что ты после завтрака намерен делать?

– Мне ехать надо.

– Куда это? Все туда же?

– То есть как туда?

– Да почему я-то знаю! – засмеялся толстяк. – Разве ты сказывал, где ты вчера был между завтраком и обедом да потом после обеда до двух часов ночи?

Им подали крокетки.

– Любопытство – великий порок, – сказал шутливо

Хмуров, – и бывает зачастую наказано.

– Я и не любопытствую, – продолжал, все так же улыбаясь, Огрызков. – Положи-ка мне спаржи, вот так, довольно, спасибо. Мне и любопытствовать, признать, нечего, когда я и так все знаю.

Хмуров от удивления не донес вилки с куском до рта.

– Что такое? Что ты знаешь?

– Сказать тебе?

– Понятно дело: говори.

– И ты не рассердишься?

– Чего же сердиться! Если правда, скажу: да, правда, действительно верно, если же чушь какая-нибудь, то просто посмеюсь, посмеемся вместе.

– Ты был, – ответил на это Огрызков, тоже приостанавливаясь есть, – и будешь снова сегодня у Зинаиды Николаевны Мирковой...

– Но почему ты знаешь? – воскликнул Иван Александрович.

– Эх, брат, почему все узнается? По простой случайности или по стечению обстоятельств. Кушай, пожалуйста, стынет; да вот вина мне еще налей. Благодарю. Ах, чудак ты эдакий! Где тебе от нас, московских док, такую штуку скрыть! (Хмуров начинал краснеть при мысли: «Неужели же он все знает, то есть и о деньгах и остальное?») На Зинаиду-то Николаев-

ну Миркову давно уж у многих до тебя глаза разгорались. За нею, может быть, особый надзор учрежден! И вдруг ты предполагаешь, что так никто из нас ничего и не проведает.

У Хмурова аппетит весь сразу пропал. «Шутит он или так просто сдуру болтает?» – думалось ему.

– Одно только тебе скажу, – добавил Огрызков, – будь осторожен и держи ухо востро.

– Но почему же?

– Почему? А очень просто. Дай доесть, и я тебе мигом все растолкую.

V. Опасное положение

Иван Александрович Хмуров испытывал немалое смущение.

Станным и даже совершенно непонятным ему казалось, что этот добродушный толстяк Огрызков, который недавно еще до его поправки ссудил его ста рублями, который, по-видимому, интересовался главным образом упитыванием своей особы, а потом уже всяческими развлечениями, – мог бы вообще-то проникать в какие-либо дела, да еще в столь тайные, как его, Хмурова, расчеты по отношению ко вдове Мирковой.

Ивану Александровичу одно то уже, что успели проведать про его знакомство с нею, было неприятно. Но теперь он опасался, как бы Огрызков не догадался о том, что ему удалось поправиться на ее деньги, а совсем не на присланные будто бы из деревни доходы.

Но поставить прямо вопрос он, конечно, считал невозможным, и приходилось терпеливо выжидать, пока Сергей Сергеевич свои крокетки доест, чтобы от него услышать то, что он сам захочет ему сказать.

– Вот видишь ли, – начал свои объяснения толстяк, – Зинаида Николаевна – кусок для многих лакомый. Она и баба-то красивая...

– То есть более видная, нежели красивая, – перебил его Хмуров.

– Однако тебе понравилась! Но дело не в одной красоте: она богата, и – что еще весьма важно – она независима! Совершенная свобода для женщины богатой – это, во-первых, величайшая по нашим временам редкость, а во-вторых, представляет мужчине, понравившемуся ей, огромные шансы. Только Зинаида Николаевна женщина очень и очень осторожная. Малейшее что ее сейчас же может смутить. К ней уже подбирались многие. Она никого к себе через порог не допускала, а только издали или на так называемой нейтральной почве разглядывала. Она умница, и, во всяком случае еще до окончательного решения, она будет следить за каждым шагом своего избранника. Будь осторожен.

Потом, вдруг обернувшись к официанту, убиравшему со стола, Огрызков сказал:

– Давай нам кофе.

Хмуров был в крайнем недоумении. Ему всегда казалось, что Сергей Сергеевич, наравне со всеми в том кружке москвичей, в который ему удалось вновь втереться по возвращении из долгой отлучки, ничего решительного о нем не подозревает и считает его за человека вполне обеспеченного. Пока дела шли плохо, он всячески старался этого компании своей не пока-

зывать и, как бы там ни тянулся и ни путался в долгах, закладывая даже часы своего номерного из мебелированных комнат, но в обществе всегда платил свою долю за завтраком, обедом и ужином да все время щеголял в роскошном экипаже от Ечкина. Так, мимоходом как-то, ему довелось занять у Огрызкова сотенную, и он уже рассчитался с ним.

В эту минуту ему хотелось еще верить во всякие самообманы, но, с другой стороны, Сергей Сергеевич говорил хотя и вскользь, не затрагивая главного вопроса, а намеками достаточно-таки ясными, и это более всего тревожило Хмурова.

Вдруг еще одна мысль промелькнула у него в голове, и он спросил:

– Но скажи, пожалуйста, как ты узнал о том, что я начал бывать у нее?

– Нет ничего проще. Во флигеле Мирковой живет Савелов. Он тебя видел и сейчас мне рассказывал.

Невольню Хмуров снова вытянул шею и взглянул в ту половину ресторанного зала, где сидели все еще за столиком Савелов и полковник.

Зато, с другой стороны, у него тотчас же отлегло от сердца. Стало быть, Огрызков сам только сейчас, входя в общий зал «Славянского базара» и здороваясь с Савеловым, узнал вскользь о том, что его, Хмурова, стала принимать у себя Зинаида Николаевна Мирко-

ва. В таком случае никаких опасений быть не может и Огрызкову о деньгах мысль и в голову не придет.

Что касается Мирковой, так оно еще во сто раз лучше, если она до его времени была осторожна: не захочет же она себя компрометировать; и дело все обойдется, лишь бы время выиграть.

Он даже повеселел.

– А не выпить ли нам коньячку? – спросил он и на утвердительный кивок головою Огрызкова распорядился.

Приятели сидели за чашечками мокко и закурили по тонкой, ароматичной гаванне. Уже совершенно оправившийся Хмуров самоуверенно говорил:

– Со мною опасаться нечего! Если прекрасная Зинаида Николаевна осторожна, что женщине во всяком случае только может делать честь, то и я не вчера на свет родился, прекраснейшим образом знаю, чего я хочу, куда стремлюсь и как этого достигнуть.

Он потянул из своей сигары, помахал ею слегка и медленно около носа, а потом продолжал:

– Раз не секрет, что я стал бывать у Зинаиды Николаевны в доме, пусть не будет секретом и то, что у меня по отношению к ней самые честные намерения.

– К женщине еще красивой, да с двумя миллионами состояния, – улыбаясь, сказал Огрызков, – я полагаю, каждый охотно пойдет с честными намерениями.

– Ты меня не понял.

– А что же ты хотел сказать?

– Что я готов жениться на ней, что я и не думаю ограничиваться легким флиртом или банальным ухаживанием.

– А другие-то, ты полагаешь, не принесут ей и ее двум миллионам в жертву свою свободу? – спросил шутливо Сергей Сергеевич.

– Какое мне дело до других!

– Да, но им-то, пожалуй, будет дело до тебя!

– Ну, я соперничества не боюсь, – с презрительною усмешкою ответил на это Хмуров. – Лучшее доказательство моего первенства – это то, что я у нее принят, а на днях вы все узнаете еще кое-что другое.

– Желаю, желаю тебе от души! – совершенно искренне воскликнул Огрызков. – И если я тебя предупредил относительно осторожности, то, пожалуйста, не будь на меня в претензии.

Хмуров был готов ответить какую-то любезностью, но к нему подошел один из швейцаров и, склонившись, осторожно доложил:

– Вас, Иван Александрович, спрашивают барыня в карете.

Он слегка побледнел, но привычным движением руки с кольцами на мизинце расправил свои красивые усы и, извинившись перед Огрызковым, вышел.

На ходу швейцар ему доложил в виде пояснения:

– Оне вас просят совсем к ним выйти: пальто и шляпу извольте надеть-с.

Пришлось вернуться, еще раз извиниться, потребовать счет, но Огрызков предложил за все заплатить, с тем чтобы потом, при встрече, сосчитаться.

Станным казалось Хмурову, чтобы женщина, которая прослыла за особу тактичную, осторожную, могла бы приехать за ним в ресторан.

Что бы это означало?..

Он старался убедить себя, что сам никакого промаха не дал и что это просто так, все сейчас пустяком разъяснится, а в то же время было страшно и в мысли пробегал один только вопрос: «Ну а если?»

У подъезда экипажа не было. Он растерянно посмотрел на обе стороны и наконец только увидел ее карету, остановившуюся дальше, у входа в гостиницу, а не в ресторан. В этом уже замечалась некоторая мера предосторожности, так как мало ли кто из ее знакомых мог здесь жить или проездом остановиться!..

Ускоренным шагом подошел он к карете. Откинувшись в угол, сидела женщина лет за тридцать, несколько полная, красивая и с особенно прекрасными глазами.

Едва увидела она его, как волнение не то радости, не то испуга выразилось на ее лице.

– Что случилось? – в недоумении спросил он, склоняясь совсем головою и плечами через спущенное окно экипажа.

Он вспомнил, что вчера она заезжала к нему, или, вернее, за ним, в его меблированные комнаты. Но то было вечером и почти безопасно. Что привело ее теперь?

Она придвинулась к нему ближе и страстным шепотом сказала:

– Я без тебя жить не могу! Поедем, садись.

«Только-то! – подумал он. – Не стоило тревожиться! Я опасался худшего. Э, женщины, видно, все одинаковы: крепятся, крепятся, а раз втянутся – и пиши пропало. Им тогда даже весело себя компрометировать!»

– Я сейчас собирался к тебе, – сказал он ей вслух.

– Ты обещал приехать утром! – с укором ответила она.

– Ну да, то есть после завтрака, до обеда, я называю утром два, три часа.

– А я прождала тебя и вся – измучилась! Я сейчас ездила к тебе...

– Крайне неосторожно! Днем! Ты себя компрометируешь.

– Не все ли равно, когда я буду твоею женою? Садись, поедем.

– У меня тут коляска, – ответил он. – Поезжай домой, я через пять минут буду.

– Ты опять где-нибудь задержишься. Поедем вместе.

– Даю тебе честное слово.

– Так сейчас же.

– За тобою вслед.

Он отдал приказание ее кучеру, и карета отъехала.

«Однако, – подумал он, садясь в свою коляску и нарочно, для времени, приказав проехать другою, более дальнею дорогою. – Однако как это у нее любовь-то расходилась? И подумать, что эта женщина пять лет вдовствовала да осторожничала, женихов перебирала, всем отказывала и, быть может, свое счастье упустила. Как все это быстро у нас случилось! Момент, один только момент, которым я ловко сумел воспользоваться, и твори теперь все, что хочешь. Никто во всей Москве не знает, что я давно связан по рукам и ногам. Никому ничего неизвестно о моей глупой женитьбе. А с Зинаидою Николаевной протянуть всегда можно будет. Чем более тянуть стану, тем она более втянется, а когда прочно и несомненно она и на самом-то деле без меня жить уж не будет в состоянии, тогда и без законного супружества ее касса станет моею! До поры до времени только нужно всю осторожность суметь соблюсти!»

Так-то раздумывая, поехал он к ней и сперва заговорил о делах, но она и слушать его не хотела, она отвечала, что в данном случае все предоставила ему, ибо он как мужчина и умнее ее, и в тысячу раз опытнее.

Она только добавила:

– Чего мне твои отчеты слушать? Деньги приютские мне на доброе дело покойным мужем завещаны, и ты их приумножить хочешь, ну и ведай ими как сам знаешь...

Дело было в том, что Хмуров обладал достаточною опытностью, чтобы у Зинаиды Николаевны в долг не просить.

Как тонкий плут, он подобрался к ее деньгам осторожно.

В том, собственно говоря, что он понравился ей, а затем очень скоро окончательно ее влюбил в себя – особенного, пожалуй, ничего еще мудреного не было. Зинаида Николаевна даже созналась ему, что еще года два до этого, то есть в то время, когда он тоже жил в Москве, она видела его в театре, и с первой же встречи вся фигура его, умение себя держать, большие черные вьющиеся усы – все запечатлелось в ее памяти вследствие глубокого, сильного впечатления. Потом внезапно он куда-то вдруг исчез.

Она горевала, она искала его, она нарочно заводи-

ла знакомства, чтобы только собирать о нем справки, но ни от кого ничего толком добиться не могла.

И вдруг он снова появился.

Два года носился его образ в ее воспоминаниях, она была уверена, что потеряла его навсегда, как вдруг случайно, на открытии блюменталевской оперетки, куда она и ехать-то совсем не хотела, она увидела его.

Радость ее была так велика, что она готова была крикнуть ему из своей ложи, чтобы он пришел.

Тут же в театре она нашла знакомых, которые ей его представили.

При таких условиях дальнейшее завоевание уже давно и без того побежденного сердца не требовало особенной ловкости. Все сделалось само собою. Но он, еще не веря в самого себя и в силу своих чар, опасаясь, как бы она не заподозрила его в корысти, притворялся перед нею богатым человеком.

Особой роли вопрос об его состоянии в ее глазах не играл, конечно, хотя, по правде сказать, это ее успокаивало в виде доказательств тому, что она любима им за себя, а не за свои деньги.

Но он был запутан в мелких долгах и, как говорится, висел на волосочке. Он придумал одну рискованную вещь. Частью по свойству своей плутовской натуры, частью же еще не веря в неотразимость своей

персоны на Миркову, Иван Александрович предпочел мошеннический способ выманить у нее солидный для его положения куш. Случайно в разговоре узнал он от Зинаиды Николаевны, что покойный муж, между прочим, завещал ей пять тысяч рублей для содержания с процентов от этой суммы маленького приюта в пригородной дачной местности.

– Сколько же душ у вас там питается? – спросил он Миркову.

Она созналась, что приюта собственно никакого еще и не существует, что она давно все собирается этим делом заняться, и, конечно, своих денег приложит, и что пока готовится для проходящих и проходящих мимо бедняков, ежедневный обед там в дворницкой, на даче.

Молнией блеснула у Хмурова в голове мысль воспользоваться случаем.

Он стал ей объяснять, как было бы легко в данное время увеличить этот капиталец биржевыми операциями. В доказательство он уверял ее, будто сам немало выиграл за последнее время. Он называл ей разные акции, бумаги: за брянские уже платят – 520, за золотопромышленные – 470, за торгово-промышленные – 430, международные – 740. Он указывал ей как на блестящий пример – на сормовские.

Она ничего не понимала, так как ее личные капита-

лы лежали вкладом в конторе Государственного банка, и никакими повышениями и понижениями она не интересовалась, а получала по купонам проценты.

– Дайте мне, и я вам деньги вашего приюта удвою, – предложил он. – Я сделаю это для бедных.

Она охотно вручила ему банковый билет в пять тысяч, доходы с которого шли на столовую в дворницкой, на даче.

Но каждую минуту трепетал он, как бы она не потребовала от него отчета. Пока он находился при ней, нечего было опасаться. Но когда он уезжал, ему все казалось, что вдруг кто-нибудь, из зависти и злобы, ей раскроет на него глаза.

Каково же было его положение, когда, вернувшись домой вечером перед театром, он застал известную записку Пузырева?

VI. План Пузырева

Если бы Иван Александрович Хмуров был в силах понять, какой ему давался в руки клад, то, конечно, он бы повел себя иначе и напряг бы все свои силы, все способности для сохранения его за собою.

Начать с того, что он не давал себе труда понять и оценить женщину, так сильно и доверчиво влюбившуюся в него.

Для него Зинаида Николаевна Миркова являлась только источником более или менее крупных денег, и пока она мечтала о закреплении их будущего счастья скорым законным браком, сам Хмуров ломал себе голову, каким путем выманить у нее настолько солидный куш, чтобы надолго себя вполне обеспечить от нужды и даже каких-либо лишений.

Он сознавал, что поступил опрометчиво, взяв у нее деньги, предназначенные на содержание приюта, но, уверенный в ее любви, он надеялся, что всегда сумеет заставить ее ждать отчета по этому делу.

С другой стороны, однако, Иван Александрович не понимал того, что с любящею женщиною лучший путь правда, и, напротив, давно изолгавшийся на поприще обмана и мошенничества, он в одной только лжи и находил свое спасение.

Зинаида же Николаевна Миркова принадлежала именно к тому разряду чисто русских дивных женских натур, которые умеют прощать любя. Но простить может подобная женщина прошлое человеку в надежде спасти его и привести на иную дорогу, а уж, конечно, не продолжение обмана там, где одною полною откровенностью все могло бы искупиться.

Если бы Хмуров, уверившись в ее любви, ей все бы сказал честно и прямо, если бы он ей открыл и тайну своего супружества да объяснил бы, что со старым, с прежним у него все порвано, то, конечно, Зинаида Николаевна нашла бы сама средства вернуть ему свободу и не отступилась бы от него.

Он же боялся противного.

Он верил только одному, а именно своей теории обмана, и вот почему полученная им в тот же день записка от Ильи Максимовича Пузырева его не на шутку перепугала.

Единственный человек в Москве, которому до мельчайших подробностей было о нем решительно все известно, – это Пузырев, и Пузырев, судя по тону своей записки, отомстит, если ему не отдать требуемой суммы.

Пока Илья Максимович никого не называл, можно еще было с ним бравировать, можно было улыбаться, так как не в полицию же ему идти с доносами о делах,

в которых и сам принимал весьма живое участие. Но коль скоро ему удалось проведать, где именно кроется источник улучшения материального положения, – приходится идти на соглашение.

Не долго думая и сознавая себя побежденным, Хмуров послал за Пузыревым и, едва тот явился, запер за ним дверь на ключ.

– Это что же? – спросил, впрочем нисколько не смущаясь, Илья Максимович. – Уж не убивать ли ты меня собираешься?

– Не так глуп, – засмеялся Хмуров. – Я просто не хочу, чтобы нам помешали.

Он усадил гостя, сам сел с ним рядышком и вполне дружелюбным тоном заговорил:

– Напрасно ты угрожаешь мне. Надо тебе напомнить, что я принадлежу к разряду тех редких людей, которые в жизни решительно ничего не боятся по той простой причине, что самая смерть им тоже не страшна. Так изволишь ли видеть, милый ты мой и давнишний товарищ, твои угрозы тут ровно ни к чему, и относительно некой Зинаиды Николаевны Мирковой ты тоже не особенно удачно попал, так как я не более не менее как один из ее многочисленнейших знакомых, до частной и интимной жизни которых ей нет решительно никакого дела. Но, с другой стороны, я могу тебя поздравить. Да, тебе просто везет со мною или

же мне везет с тобою. Дело в том, что сегодня утром я дал тебе последнюю мою сотенную, а два часа тому назад я встал из-за стола, где мы составили эту легонькую «железную дорогу», с таким приличным выигрышем, что я в состоянии с тобою честно и до копейки рассчитаться. На, получай!..

Он выложил перед ним на столе заранее приготовленные девять радужных и продолжал все так же весело и дружелюбно:

– Ты видишь, когда у меня есть, я не заставляю себе напоминать. А насчет madame Мирковой это ты напрасно. Никаких особых или даже просто дружеских отношений у меня с сею дамою нет. И откуда ты только это взял, понять не могу!

– Не все ли тебе равно – откуда? – отозвался наконец Пузырев, прятая получившие деньги в карман и решивший, что коль скоро приятелю угодно еще дальше с ним в прятки играть, то пусть уж так и будет. – Если она тебе чужая, то мне, стало быть, наврали, и бросим об этом толковать. Скажи мне лучше, желаешь ли ты получить на твою долю минимум тридцать тысяч рублей и – помни главное условие – совершенно для тебя лично безопасно?

– Странный вопрос!

– Это не ответ. Отвечай, пожалуйста, точно и вполне определенно. Повторяю еще раз: я говорю с тобою

серьезно, и когда ты выслушаешь мой план, то поймешь, что для тебя лично во всем задуманном мною деле опасности нет ровно никакой.

– Интересно знать, в чем суть? – любопытно спросил Иван Александрович.

– Так слушай же.

Пузырев придвинулся к нему еще ближе и, хотя в номере никого, кроме их обоих, не было, понизил голос и заговорил почти шепотом:

– Имеешь ли ты понятие об операциях страховых обществ на жизнь и смерть страхующихся?

– Кое-что слышал, но особенно никогда не интересовывался, – ответил Хмуров.

– Но тем не менее тебе, конечно, известно, что и я, и ты – мы можем застраховать себя лично в любой сумме и что сумма эта будет уплачена нашим правопреемникам немедленно после нашей смерти?

– Слышал и это, но, признаюсь, не совсем понимаю, что же нам с тобою от всего этого за прибыль, если ни ты, ни я, во-первых, не застрахованы, а во-вторых, ведь и умирать не собираемся? – спросил в полнейшем недоумении Хмуров.

– Ты прав, – сказал все тем же шепотом Илья Максимович, – хотя если хорошенько вникнуть, то была бы и тут возможна весьма выгодная комбинация.

– А например?

– Пять минут тому назад ты утверждал, – продолжал развивать свою идею Пузырев, – будто бы потому ничего решительно в жизни не боишься, что тебе самая смерть не страшна. Если это правда...

– Подтверждаю еще раз, – гордо ответил Хмуров.

– В таком случае, – сказал, улыбаясь, Пузырев, – ничего не может быть проще. Ни ты, ни я, – мы смерти не боимся. И тебе, и мне жизнь без денег скучна и неприглядна. Оба мы застраховываем каждый себя во сто или в двести тысяч, смотря по тому, насколько у нас хватит наличных капиталов для первого обязательного взноса. Затем оба мы пишем на полисе право получения страховой премии в пользу пережившего, и тянем жребий. Кому досталась *смерть*, тот обязан в известный срок лишиться себя жизни, а кому вынется *жизнь*, тот получит за товарища премию.

– Ты, кажется, смеешься надо мною? – спросил его Хмуров.

– И не думаю! Ведь ты сейчас говорил, что ничего не боишься?

– Да, но самоубийство... Извини, пожалуйста, у меня на это совсем особые взгляды, и я бы никогда, ни при каких обстоятельствах...

– В самом деле? – переспросил Пузырев. – Ну, брат, если пошло дело на откровенность, то и я никогда бы не решился. Но проект у меня совсем иной, при кото-

ром и ты, и я – мы оба не только останемся живы, но и невредимы вполне, да при крупных деньгах.

– То-то же! Я и сам думал, неужели тебе могла подобная чудовищная мысль прийти серьезно в голову?

– Вот видишь ли, в чем дело, – снова понизил Пузырев голос. – Я знаю одного несчастного, чахоточного. Жизнь ему спасти нет никакой возможности, но мы с тобою можем усладить или, так сказать, облегчить его существование за это последнее время, до его неизбежной и весьма даже скорой кончины.

– Ничего не понимаю!

– Так слушай же, а то, конечно, ничего не поймешь. Я со своей стороны совершенно здоров, и любое страховое общество меня примет без затруднения.

– А, вот в чем дело!

– Ну, подожди же! – остановил его Пузырев, желая во что бы то ни стало развить перед ним подробно свой план действий. – Существуют договоры, в силу которых страховое общество обязуется по смерти страхователя, когда бы она ни последовала, уплатить определенную капитальную сумму назначенному в полисе выгодоприобретателю или, за его отсутствием, наследникам страхователя.

– Понимаю.

– Слушай дальше. Этот способ страхования для

нас с тобою самый выгодный, по той простой причине, что тариф по нем самый дешевый. Мне тридцать два года. С тысячи рублей приходится платить двадцать шесть рублей с копейками премии в год, да при отказе от участия в прибылях делается еще скидка двенадцати процентов. Таким образом, я вычислил, что за шестьдесят тысяч нам придется внести полугодовую премию в шестьсот девяносто с чем-то рублей. Понимаешь?

– Понимать-то понимаю, да можно бы было и еще в высшей сумме застраховаться! – сказал Хмуров, жадность которого уже пробудилась при одной мысли о возможности скорой наживы.

– Нет, нельзя! – ответил Пузырев. – Нельзя по той простой причине, что нужно время, нужны, стало быть, и еще деньги на жизнь. Теперь слушай дальше, что я еще придумал.

– Говори.

– Я давно метил на тебя, то есть на твое участие в деле, – продолжал Пузырев, – и я только выжидал удобного момента, когда ты где-нибудь раздобудешься деньгами, чтобы со мною рассчитаться за прежнее и свою долю расходов понести в будущем.

– Хорошо, положим, сейчас у меня денег на это хватит, что ж дальше?

– А вот что. Больной, о котором я тебе говорил, ду-

мает, что ты миллионер, уделяющий все свои огромные доходы на облегчение страждущего человечества.

– Это зачем же?

– Мне так нужно, – ответил Пузырев, – и ты сейчас поймешь зачем. Сегодня я ему сказал, что ты пока посылаешь на его нужды сто рублей, а теперь я вернусь домой и передам ему, что ты присылал за мною с целью предложить мне увезти его немедленно в Крым, на Южный берег, где еще здоровье его может быть спасено. Ты понимаешь, что мне же надо, едва застраховавшись, немедленно уехать как можно дальше отсюда.

– Но как же ты там все устроишь? – недоумевал Хмуров.

– Предоставь все мне. Твое дело внести деньги по тарифу за полугодие вперед. Полис же я передам тебе с моею бланковой подписью.

– То есть деньги мы внесем пополам! – сказал Хмуров.

– Нет, ты один.

– Это почему же?

– По той простой причине, что мне на мою тысячу рублей хватит и без того расходов.

– Какие же это?

– Как какие? Это мне нравится! А дорога вдвоем с

больным в Крым, а жизнь там, а похороны, если он действительно скончается.

Хмуров призадумался.

– Да, – сказал он немного погодя, – конечно, ты прав. Но если там здоровье твоего больного поправится или развязка настолько затянется, что придется вносить и за второе полугодие? Что тогда?

– Что делать, – ответил Пузырев. – Я только одно знаю, что для этого нужно бы было сотвориться чуду. Он и теперь-то очень плох.

– Опять-таки, как бы слишком скорою кончиною не возбудить подозрения в страховом обществе? – заметил Иван Александрович. – Имей в виду, что тебя здесь будет свидетельствовать врач, и, когда получится удостоверение о смерти от чахотки, он прямо выскажет свое сомнение. К тому же сумма в шестьдесят тысяч все-таки довольно значительна, и общество попробует ее отстоять.

– Я все обдумал, – сказал Илья Максимович, – положишься во всем на меня. Бывают случаи скоротечной горловой болезни, от которой умирали колоссы в какой-нибудь месяц или полтора. А там, по приезду, я его не сразу докторам покажу. Ну, да что тут говорить! Верь мне, если я тебе доверяю. По рукам, что ли?

– По рукам, отчего же? Дело, кажется, верное. Ты страхуешься, полис передается в мою пользу, там, в

Крым, ты всячески всех от больного отклоняешь, а когда он умирает, берешь свидетельство о смерти, как бы ты сам умер, и возвращаешься сюда с его бумагами...

– Только не сюда, меня могли бы узнать и накрыть.

– Одним словом, ты продолжаешь уже далее существовать на свете под именем твоего умершего друга, и Илья Максимович Пузырев раз навсегда вычеркнут из списка живых. Затем ты передаешь мне свидетельство о кончине твоей, и я с полисом иду в страховое общество получить шестьдесят тысяч, которые мы с тобою братски делим пополам. Дело блестящее, и я от него не отказался бы, мой милый и дорогой товарищ, если бы сам я сейчас не был на пути к крупной и еще более безопасной наживе.

– Ты отказываешься?

– Наотрез.

Этого Пузырев всего менее ожидал. Он даже побледнел и отклонился от стола, на котором все время разговора почти лежал, облокотясь.

– Ты со мною не шути, – резко сказал он наконец.

– Я и не думаю шутить. Да погоди, – остановил его Хмуров, видя, что он хочет еще что-то сказать. – Как бы ни было чисто твое дело, в нем все-таки есть риск. В том же, что я теперь наметил, риску ровно никакого.

Но Пузырев обозлился.

Ему было досадно и то, что он все разболтал товарищу, но более еще досадовал он, как смел Хмуров действовать, и, по-видимому, действовать успешно, помимо него.

Он сверкнул глазами и сказал:

– Как бы в твоём, тобою самим намеченном, деле тебе не напортили.

– Кто это, не ты ли уж?

– Зачем мне? Найдутся, брат Иван Александрович, и другие, которым, если уж на то пошло, и поверят-то более, нежели мне.

При этих словах Пузырев упорно смотрел прямо в глаза товарищу, и тот в конце концов не выдержал резкого взгляда этих страшных глаз. Он опустил взор и спросил дрогнувшим голосом:

– Кто же это? О ком ты говоришь? Я не догадываюсь.

– А, ты не догадываешься, ты позабыл, слаба же у тебя память, мой друг! – прошипел, придвигаясь к нему снова, Пузырев. – Так я тебе напомню, кто может все разрушить разом, единым появлением своим.

Он выждал с добрую минуту и потом с расстановкою сказал:

– Ольга Аркадьевна в Москве и поклялась тебе за все отомстить. Понял?

VII. Кто ловче?

На этот раз Пузырев не ошибся: его давнишний товарищ и компаньон по преступной деятельности, красавец и смельчак Иван Александрович Хмуров, не на шутку встревожился и прямо-таки даже струсил. Он сильно побледнел и не скоро был в состоянии спросить:

– Откуда взял ты, что Ольга Аркадьевна в Москве?

– Я сам ее видел.

– Этого быть не может! – гневно воскликнул Хмуров, все еще надеясь, что товарищ его угрожает пустому.

– Мне шутить не приходится, – сдержанно ответил Пузырев. – Во-первых, твое участие в задуманном мною деле я считаю необходимым и, как видишь, после некоторого размышления, сам тебе об этом откровенно заявляю, а во-вторых, цели у меня никакой не может быть лгать.

– Ты просто меня запугиваешь.

– Пожалуй, да. Я и этого от тебя не скрою.

– Вот видишь?!

– Но позволь! Я действительно хотел тебя несколько пугнуть присутствием в Москве Ольги Аркадьевны, но при этом и не думал лгать. Я только хотел испытать

тебя, а с другой стороны, мне нечего от тебя скрывать, что теперь, когда я знаю несомненно, почему ты так боишься ее появления на сцене, то, конечно, мне и задумываться не приходится в случае крайней необходимости воспользоваться ее мезтью, обратить ее острым оружием против твоего упрямства.

– Я никогда угрозам не подчинялся! – снова и столь же горячо, как прежде, воскликнул Хмуров.

– Угроза – пустое слово, – ответил, улыбаясь, Илья Максимович. – Почему же нам не поставить вопрос несколько иначе? Допустим, что упорным отказом твоим участвовать в задуманном мною деле ты захочешь мне доказать несостоятельность моего плана или, по крайней мере, опасность приведения его в исполнение. В таком случае и я, с моей стороны, захочу доказать тебе, что завязанный тобою роман с некоей Зинаидою Николаевной Мирковой еще менее безопасен и уже ни в каком случае к доброму концу привести тебя не может.

– Позволь, пожалуйста! – крайне возмутился Хмуров. – В том и другом случае решительно ничего нет общего.

– То есть как же это?

– Да если я не соглашаюсь почему-либо на твое предложение пойти в страховое общество за премией и даже не соблазняюсь дележом ее между нами

обоими пополам, то ведь я не угрожаю тебе никакими доносами. Ты же, напротив, чтобы доказать мне несостоятельность моих личных планов, готов уже подсылать моих злейших врагов и сам мне мешать в моих действиях. Не знаю, как это, по-твоему, называется, а по-моему, да и на языке каждого понимающего вещи человека, это можно назвать только подлостью.

– Называй как хочешь, – все с прежнею сдержанностью сказал Пузырев. – Не в словах и не в наименованиях наших поступков дело. Ты со мною свел счеты только под влиянием угрозы, а стало быть, и сам-то не особенно честно до сего времени поступал...

– Я не имел денег, – сказал несколько застенчивее Хмуров.

– Не лги! – вскрикнул в свою очередь, теряя всякое терпение, Пузырев. – Ты сейчас сам проговорился и сознался, что все мои предположения относительно Мирковой совершенно справедливы.

Хмуров встал с места и с вызывающим видом спросил:

– А хотя бы и так?

– Больше мне ничего не нужно, – сказал Пузырев, стараясь снова овладеть собою.

– Нет, ты врешь! Ты переходишь со старым товарищем на поприще шантажа! Ты хуже сыщика проследил мою тайну и теперь хочешь запугать меня. Так

знай же, что я не поддамся. Силою со мною ничего нельзя поделаться. Я против силы ставлю двойную. Я могу только подчиняться разумному выводу, и если на то пошло, так я лучше же и тебе, и себе размозжу череп доброю револьверною пулею, нежели поддамся твоим глупым угрозам.

Он точно вырос еще более, и глаза его, красивые, черные и без того большие, метали искры: они словно искали чего-то на столе с письменным прибором и в беспорядке нагроможденной всякой всячиной...

Но собеседник ничуть не испугался. Совершенно хладнокровно он сказал:

– Успокойся. Попробуй хоть сколько-нибудь да успокойся и выслушай меня. Вся беда только и происходит от твоей беспримерной горячности.

– Ничего я больше слышать не хочу! – возвысил опять голос Хмуров. – Ты можешь делать что хочешь: можешь сам идти к Мирковой, можешь подослать к ней Ольгу Аркадьевну, но я тебе клянусь, что едва она узнает хоть одну черточку из моего прошлого, ни тебе, ни этой шпионке, служащей тебе оружием против меня, несдобровать!

– Мне нужно было главнейшим образом, – заговорил Пузырев, – услышать от тебя самого, что роман с madame Мирковой существует.

– Да, существует, но что ж из этого? Какое тебе-то

до моих романов дело?

– Перестань горячиться и выслушай меня. Авось тогда хоть что-нибудь да поймешь.

– Я и так тебя ой-ой как хорошо понимаю и даже насквозь вижу.

– Не думаю. Тогда бы ты не говорил столько глупостей. Я хочу тебе только доказать, что твоя игра с какой-то госпожой Мирковой, в сущности, куда опаснее исполнения той роли, которую я тебе в моем деле предоставляю.

– Вот это интересно, – сказал насмешливо Хмуров и даже снова присел на свое прежнее место.

– Я тоже так полагаю и даже сейчас тебе это докажу, если только ты перестанешь наконец меня перебивать.

– Ну, говори.

– Я, конечно, не знаю, с какими именно ты делами приступил к Мирковой...

– Вот оно что!

– Ты обещал меня не перебивать. Смейся сколько хочешь, и если ты не сразу понимаешь мои слова, то это тебя самого плохо рекомендует. Я, конечно, не так наивен, чтобы не понимать главной твоей цели, которая, разумеется, в одних только деньгах и может заключаться. Но я желал бы знать, какого рода взаимность, если можно так выразиться, ты ей предложил.

– Какого рода взаимность! – передразнил его Иван Александрович. – Как это умно и тонко! Да какого рода взаимность можно предложить влюбленной женщине, – прибавил он фатовато, – как не особую нежность чувств.

– Да, но существуют два пути, – продолжал настаивать Пузырев. – Путь законный, то есть предложение руки и сердца, или же путь иной, с предложением одного только сердца.

Хмуров молчал и только иронически улыбался.

– Ты можешь сколько хочешь, – заговорил ему на это товарищ, – отмалчиваться и про себя посмеиваться надо мною, но я должен – слышишь ли – *должен*, а не просто только хочу доказать тебе, что в данном случае, то есть именно теперь, в твоём романе с Мирковой, ты играешь и при тех и при других условиях весьма опасную игру.

– Это как же?

– Оставим на время меня и мои личные планы совершенно в стороне, – заговорил еще более, нежели прежде, серьезным тоном Пузырев. – Вспомним только твоего главного и самого опасного врага, а именно Ольгу Аркадьевну. Ей, как женщине, ничего нет трудного прознать о твоей новой связи, и ты ее достаточно хорошо знаешь, чтобы не усомниться в ней: она, брат, не задумавшись пойдет к Мирковой и откроет ей на

тебя глаза, да представит такие доказательства, против которых никакие споры немыслимы, да и сомнения недопустимы. Стало быть, она тебе сразу все и испортит. Что же касается моего дела, то откуда бы ей, то есть той же Ольге Аркадьевне, о нем распознать? Держи ты себя только осторожно, и она будет продолжать выслеживать, да никогда в жизни не додумается до наших великих идей. Бабе только и близки к сердцу бабьи дела, и только на поприще сердечного романа сумеет она тебе и повредить, и в самом деле отомстить.

Хмуров, видимо, хотел что-то сказать, но Пузырев остановил его.

– Подожди еще минутку, – сказал он, – я не кончил. Я хочу еще раз доказать тебе всю безопасность твоего участия в моем деле.

Он по-прежнему опять понизил голос и придвинулся поближе к Хмурову, когда продолжал:

– Григорий Павлович Страстин – чахоточный, о котором я тебе говорил, – болен безнадежно, и спасения ему никакого, ни при каком уходе быть не может. Но я твердо решил, не из суеверия, а просто из сознания необходимости, сотворить хоть одно доброе дело при массе зла, нами уже сотворенного: я твердо решил дать ему хоть пару месяцев, последних в жизни, насладиться относительным комфортом

и, если возможно, насколько болезнь позволит, даже и спокойствием. Таким образом, я не хочу, чтобы смерть несчастного Страстина могла хотя когда-либо отозваться на моей совести даже малейшим укором.

– Ну хорошо, это совершенно понятно, да что же дальше? – нетерпеливо торопил его Хмуров.

– Когда я уже буду застрахован, то полис будет тебе передан мною с правом получения, в случае моей смерти, страховой премии со всеми требуемыми нотариальными формальностями. Только когда это будет в порядке, тронусь я в путь с моим больным. В Крыму, на новом, совершенно ни ему, ни мне неизвестном месте, я сумею без затруднения так поставить вопрос, будто бы он – Илья Максимович Пузырев, а я – Григорий Павлович Страстин. С этой целью я к нему никого допускать не буду, ходить безотлучно буду за ним сам и немедленно по приезде отдам в прописку наши виды на жительство. Тут тоже сомнения никакого возникнуть не может. Когда наступит время, я призову врача, которому расскажу с глаза на глаз целую историю о том, как вот здоровый человек, вследствие огромного горя, в два месяца быстротечно растаял. Рецепты же он будет все писать не при больном, а при мне и, конечно, на мое имя, а сигнатурки я буду прятать, так как и им, быть может, придется оказать тебе услугу в случае, если бы в обществе страхова-

ния вздумали заявить сомнение. Но затем, мало того, я буду еще все время писать тебе письма о моем якобы ужасном недуге, а в последних моих посланиях буду говорить, что предчувствую возможность близкой смерти, а потому и поручаю тебе, в случае моей кончины, употребить полученную тобою из страхового общества премию на разные благотворительные дела по твоему личному усмотрению. Эти письма ты храни: они тебе тоже пригодятся.

Пузырев еще ближе придвинулся к Хмурову и совершенно понизил голос, когда продолжал:

– При наступлении окончательной развязки я немедленно выправлю свидетельство о смерти с обозначением болезни, скоротечной чахотки, от врача и свидетельство о предании земле от духовенства, но устрою дело таким образом, что бумаги эти ты получишь уже не от меня, а от тех хозяев квартиры, к которым ты же обратишься якобы обеспокоенный продолжительным молчанием от друга твоего. При таких условиях никакой решительной опасности быть не может – для тебя, по крайней мере. Я же всем заявляю, что, убитый горем потери дорогого друга, я еду за границу, и в самом деле немедля после похорон выеду в Вену, где и буду тебя ждать.

Наступило молчанье. Первым, однако, нарушил его Пузырев.

– Ты видишь, – спросил он, – как, в сущности, дело просто? Но бойся баб, ибо это самая опасная игра в твоём положении. Я же тебе ручаюсь, что со мною ты никогда не погибнешь, только слушайся меня. Вспомни, – прибавил он вкрадчиво, – то время, пока ты со мною не вздумал плутовать, дела наши шли хорошо и ты до сего времени и цел и невредим. Брось свою Миркову – ещё есть время – и возьмись за дело, в котором тебе потому уже Ольга Аркадьевна повредить не может, что оно недоступно её разуму.

Иван Александрович совершенно изменился под влиянием этой речи.

– Да, – сказал он, – я теперь и сам вижу, что ты прав. Но бросить Миркову я не хочу, я зашел с нею уже чересчур далеко, и не она у меня, а я у нее в руках.

По своей вспыльчивой натуре и комплекции сангвиника Хмуров сильно и скоро вспыхивал в гневе по временам, но и остывал быстро. Чувствуя себя почему-то в руках своего товарища, он вдруг совсем поддался ему и все ему чистосердечно и рассказал.

Тому только этого и было нужно. Он выслушал его до конца и потом решился вдруг нанести ему крайний удар.

– Как же! После этого ты хочешь, чтобы все обошлось благополучно? – воскликнул он. – Ведь Ольга Аркадьевна уж знает о твоей связи с Мирковой и, на-

верное, готовит и ей, и тебе хороший сюрприз.

Хмуров совершенно растерялся. Он был едва в силах спросить:

– То есть как?

– Да ведь я от нее и узнал про существование Зинаиды Николаевны Мирковой! – не задумываясь, окончил свою фразу Пузырев.

– От нее? – переспросил Хмуров.

– Ну да, конечно, а то от кого же другого?

Недоставало бы только, чтобы вошел в комнату номерной Матвей Герасимов, но Пузырев знал, что дверь на замке, да и его-то он уж совсем не боялся.

– Так как же спастись? – в отчаянии и перепуге спросил Иван Александрович.

– Скажи мне сперва по чистой совести, – не без некоторой торжественности спросил его Пузырев, – признаешь ли ты теперь сам, без малейшего давления с моей стороны, что тебе куда выгоднее все порвать с Мирковой и следовать за мною, куда я тебя поведу, нежели...

– Да, конечно, сознаю, но что делать, ведь если эта Ольга знает в самом деле о моей связи с Мирковой – все пропало.

– Ну нет, еще не все. Дай слово слепо верить мне, и я тебя научу, как действовать.

– Даю слово. Изволь!

VIII. Другой лагерь

Пузыреву только и нужно было согласие своего товарища по преступной деятельности на участие в деле страховки, чтобы совершенно успокоиться. Что же касается его обещания научить, как действовать, то особых для себя затруднений он в этом не встречал, так как прежде всего вся история о появлении в Москве какой-то Ольги Аркадьевны, мести которой Хмуров столь сильно опасался, являлась чистейшим вымыслом с его стороны.

Пока их переговоры шли дальше и в этот же вечер ими было приступлено к точной постановке или, вернее сказать, к распределению взаимных ролей по предстоящему делу, кружок москвичей, в который сумел ловко и нахально втереться Иван Александрович Хмуров, немало интересовался слухами о его победе неприступного сердца Зинаиды Николаевны Мирковой.

Нельзя было бы сказать, чтобы кружок этот был составлен из серьезных лиц.

Напротив, в нем вращались только люди, смотрящие на жизнь с удивительно легкомысленной точки зрения и посвящающие ее всецело кутежам, развлечениям и веселью.

Эти эпикурейцы новейшей формации не признавали домашнего очага с его тихими, но прочными радостями, а переходили из ресторана в ресторан, из клуба в оперетку или цирк, а оттуда в загородные и иные увеселительные заведения.

Залы «Славянского базара», «Эрмитажа», «Яра» и зимний сад «Стрельны» составляли, так сказать, их салоны, где встречались они все с общими знакомыми и где заводили знакомства новые.

Разборчивости тут особенной и быть не могло. Доходило иной раз до смешного и почти невероятного.

Одного принимали за умение одеваться на английский лад, другого за умение носить в глазу, с утра до ночи и никогда не вынимая, без снурка, монокль или одноглазки в тонкой черепаховой оправе.

Подобных аттестаций было совершенно достаточно для первого знакомства, а если вслед за тем оказывалось еще, что человек платил со всеми наравне по счету и никогда ни от какой глупой, пьяной фантазии не отказывался, то его вскоре провозглашали молодцом, милейшим малым, и все шло прекрасно.

Так было и с Иваном Александровичем Хмуровым, которому, в сущности говоря, еще легче оказалось войти в этот кружок, благодаря тому что знакомства приходилось только возобновлять: несколько лет перед тем, живя в Москве, он принадлежал к этому ве-

селящемуся обществу и теперь застал в нем несколько новых лиц, но и много прежних.

К числу последних принадлежал Степан Федорович Савелов, тот именно господин, который в «Славянском базаре» сидел и завтракал с полковником и от которого Сергей Сергеевич Огрызков узнал, что Хмуров успел пробраться в дом к Мирковой.

Савелов сам по себе не был особенно богат, но в деньгах никогда не нуждался, по той простой причине, что при хороших средствах пользовался характером сильным и выдержанным настолько, чтобы через край никогда в денежных расходах своих не заходить.

Подспорьем к его силе воли являлось подмосковное имение, куда он выезжал даже и зимою, едва только финансы его истощались.

Видя чуть не каждый год, как позорно сходили с арены веселия и прожигания жизни разоренные до последнего рубля глупцы, Степан Федорович был осторожен.

К тому же, кроме денег, щадил он и здоровье свое. Словом, то был редкий в этом кружке практичный тип, умеющий, как говорит поговорка, таким образом дело вести, чтобы и волки сыты были, и овцы целы – если, конечно, говорить только о его личных овцах.

Но при этом Савелов лучше всех остальных в кружке московских кутил сохранил способность наблюде-

ния за творимым вокруг и способность оценки отдельных личностей, составлявших его общество.

Он давно распознал в Хмурове смелого и наглого авантюриста.

Понятною, вследствие этого уже одного, являлась его антипатия к Ивану Александровичу, выражавшаяся в чрезвычайной и вполне последнему из них заметной холодности отношений.

Но, помимо этого, существовала еще и другая причина, причина серьезная и стоящая в прямой зависимости с первою.

Вскоре по возвращении своем в Москву стал Хмуров, все время словно высматривавший себе добычу, устремляться на поиски богатой женщины.

Он не скрывал ни от кого, что желал бы жениться на деньгах, и никто, не зная о давно уже состоявшемся его законном браке, ничего тут особенного не находил.

Один только Савелов сразу как-то еще более враждебно отнесся к нему, предчувствуя возможность с его стороны направить свои взоры именно в ту сторону, куда бы ему, Степану Федоровичу, это отнюдь не было желательно.

Так оно и случилось.

Зинаида Николаевна Миркова, дом которой был редкому из холостежи доступен, кроме особо званых

вечеров, стала принимать у себя с глазу на глаз этого профессионального искателя богатых женщин, и с этого часа Савелов возненавидел Хмурова до глубины души.

С точностью было бы еще трудно определить, на чем именно основывалась эта ненависть?

Быть может, Савелов сам для себя имел на Миркову виды и не без затаенной цели снимал квартиру в ее доме?.. Быть может, и просто, считая себя за человека честного, он глубоко возмущался, как этот проходимец какой-то, без личного, собственного состояния, увлечет вдруг эту женщину с единственной, конечно, целью воспользоваться ее богатством?

Но так ли, иначе ли – Савелов про себя решил и даже открылся своему приятелю полковнику, что долгом порядочного человека было бы открыть Мирковой глаза на гуся, которому она напрасно доверяет.

Оставалось только решить, каким путем это сделать и какими данными воспользоваться, чтобы доказать ей несомненно все ее заблуждения.

Когда Савелов увидел издали, как Хмуров наскоро простился с Огрызковым и вышел из зала ресторана, он долго еще смотрел ему вслед и потом сказал полковнику:

- Современный Рокамболь, да и только, этот барин.
- Ну, до Рокамболя еще очень далеко, – ответил

лениво собеседник, несколько отяжелев от еды.

– Не говори, – протестовал Савелов. – Я готов об заклад биться, что на его совести достаточно всякой мерзости для получения права переселения в места не столь отдаленные...

– И на казенный счет, – заключил полковник.

В это время к ним подошел расплатившийся по счету Огрызков и, поздоровавшись, присел к их столику.

– Сейчас завтракал со мною Хмуров, – сказал он. – Вот молодчик! Я его расспрашивать стал про то, что ты мне, Савелов, говорил, так он сперва было отнекиваться стал, а потом живехонько сознался, что вскоре это дело ни для кого не будет секретным.

– То есть какое же это дело? – переспросил Савелов, несколько бледнея. – Женитьба его, что ли?

– Конечно, женитьба на Мирковой. Я его от души поздравил...

– Не поспешил ли ты немножко? – вырвалось у Савелова в таком злобном тоне, что даже добродушный Огрызков обратил на это внимание.

– Понять не могу, – сказал он, – почему ты Хмурова так ненавидишь?! Человек он милейший, остроумный, в обществе всегда веселый, умеет жить, выпить тоже не дурак...

– Кто говорит... – протянул Савелов с нескрываемой иронией.

– К тому же в денежных расчетах с товарищами он всегда аккуратен! – продолжал Сергей Сергеевич, будто ничего не замечая.

– Неужели?..

– Уж в этом-то отношении позволь мне за него заступиться! – еще настойчивее ответил Огрызков. – Он и у меня взял сто рублей, а как только получил за хлеб из деревни, сейчас же сам приехал и отдал.

– Еще других каких доблестей за ним ты не знаешь?

Огрызков, в общем всегда крайне добродушный, чуть не рассердился. Он буркнул как-то угрюмее:

– Нет, знаю.

– А например?

– Хотя бы ту доблесть, что Хмуров никогда ни о ком дурно не отзывается и ко всем решительно относится, как в глаза, так и за глаза, одинаково хорошо.

Савелов помолчал немного и потом наставительно сказал:

– Эх, господа, господа! В том-то и беда, что таких людей, как вы, всегда очень легко расположить в свою сторону всякому ловкому проходимцу.

– Напрасно ты так думаешь.

– Нет, не напрасно, – горячее прежнего продолжал Савелов. – Чего вы от ваших новых знакомых требуете? Каких данных? Каких рекомендаций? По-вашему, человек любезнейший, остроумный, в обществе

всегда веселый, умеющий, что называется, жить и выпить не дурак уже является чуть ли не находкой для нашего кружка?

– А по-твоему, что же?

Полковник, все время до сих пор молчавший, счел нужным вмешаться в разговор.

– Я тебе все-таки, Степа, одно замечу, – сказал он, обращаясь преимущественно к Савелову, – без прямых и неопровержимых данных тоже ведь нельзя порочить человека.

– Человека, который, не имея за душою ни гроша, – строго ответил Степан Федорович, – ни родового, ни благоприобретенного, который притом нигде не служит, ничем решительно не занимается, подобного человека, коль скоро он втирается в круг богатых и обеспеченных людей, нельзя не заподозрить. К нему надо относиться осторожно. А если кто из наших общих знакомых осторожность эту забывает, то на нашей обязанности лежит им об этом напомнить.

– Во-первых, у него есть имение, – сказал Огрызков.

– Интересно бы знать, в какой губернии? – с еще большею иронией, нежели прежде, спросил Савелов.

– В Тамбовской.

– Хлебородная черноземная губерния! Сумел выбрать где! Ну, это еще подлежит проверке.

– Ты хочешь дознание, кажется, производить? – в свою очередь сыронизировал Огрызков.

– Я хочу тебе только доказать, что ты заступаешься за наглого лгуна.

– Да к чему это?

– К тому, чтобы тебе глаза открыть. Пора тебе узнать.

– Ничего я знать не хочу! Никакого мне ровно нет дела ни до его имений, ни до его нравственности. Все-то мы больно уж нравственные люди, что так вот можем беспощадно других судить. А вот женится Хмуров на Мирковой, миллиончики к рукам приберет, так какой еще высокопочтенный и глубокоуважаемый барин станет.

Савелов только рукой махнул. Он хотел было еще что-то сказать, но раздумал и, протягиваясь к поданной бутылке с коньяком финьшампань, только спросил:

– Хочешь?

– Да, пожалуй, только тогда уже и кофейку надо. Человек, поди сюда. Принеси кофе черного, еще рюмку для коньяку.

– Слушаю-с.

Разговор принял иное направление. Заговорили о других общих интересах.

Ресторанный зал пустел, так как время завтраков

уже прошло, а обеденное еще не наступило. Только за редкими столиками сидели все больше случайные посетители «Славянского базара» или проезжающие да засиживалась компания трех жуиров.

Рюмку за рюмкою попивали добрый коньячок Мартея V. S. O. Кто-то предложил перейти к ликеру «Кохинор»...

Было около пяти, когда компания опомнилась, что так за завтраком засиживаться нельзя.

– Да куда же нам спешить? Не все ли равно? – спросил полковник, по-видимому и здесь себя чувствовавший прекрасно.

– Теперь пять, – сказал Огрызков, взглянув на свой массивный золотой хронометр. – Знаете что, господа? Поедемте к Марфе Николаевне.

– Что там делать? – спросил неохотно Савелов.

– Какая это такая? – спросил заинтересованный полковник.

– Точно ты не знаешь! Солистка русского хора.

– Ах, эта! Да, знаю. Но что же мы там делать будем? – повторил тот же вопрос полковник.

Огрызков слегка запел:

– «Пить будем и гулять будем, а коль сон придет, так и спать будем!»

Все рассмеялись.

– Нет, кроме шуток? – допытывался все дальше

полковник.

– Она милая женщина, – пояснил ему Огрызков, – и с нею возможны чисто приятельские, хорошие отношения. Потом, у нее никогда скучно не бывает.

– Да застанем ли мы ее дома? Вот вопрос.

– После пяти всегда. До пяти она просит к ней не приезжать, а после – сколько угодно. Она нам сплет что-нибудь. Да мы у нее, наверное, еще двух-трех подруг застанем и сами можем свой маленький хор устроить.

– Это идея!

– А как же насчет нашего вчерашнего решения? – спросил вдруг Савелов, обращаясь к полковнику.

Тот улыбнулся и сказал:

– Ничего не значит.

– Да в чем дело? – спросил в свою очередь заинтересованный Огрызков.

– Мы, видишь ли, – пояснил ему полковник, – решили вчера учредить новое общество.

– Какое общество?

– Общество, или, вернее сказать, клуб под названием «Благоразумная расточительность и относительная трезвость».

– Как, как?

Полковнику пришлось повторить. Огрызков хохотал от новинки и был в восторге.

– Ну, там и трезвость относительная, – сказал он, –
и расточительность может быть благоразумною.

IX. Планы Савелова

Марфа Николаевна была солисткою русского хора и пользовалась особым расположением одного богатого семейного старичка, который к ней мог заезжать только до пяти часов дня, то есть в такое время, когда находился ему предлог вообще бывать в городе.

Тем не менее ходили слухи, что денег для предмета своих ухаживаний он не жалел и давал ей не только раз навсегда аккуратно выплачиваемую ежемесячную пенсию в количестве пятисот рублей, но еще и не отказывал в подарках.

Занимала она целый домик-особняк в переулочке, прилегающем к людной улице, и жила, ни в чем себе не отказывая.

Когда к ней внезапно нагрянула компания, она сама вышла в переднюю и, увидав Огрызкова, которого знала уже давно за человека добродушного, приняла и друзей его очень весело.

– Вы только извините нас, – сказала она, смеясь, – мы сидим за обедом. У меня собрались сегодня все свои.

– Стало быть, добрые знакомые? – не совсем точно понял ее Сергей Сергеевич.

– Нет, по крайней мере, не все, – ответила она. – У

меня родные.

– Мы, может быть, не кстати? – спросил Степан Федорович Савелов.

– Напротив, я очень рада.

Из обширной передней перешли в зал с колоннами. Дом напоминал старые помещицкие городские особняки. За большим обеденным столом, поставленным посреди комнаты, сидела компания, в которой преобладали женщины. Двух из них, впрочем, знал Огрызков по хору. Одну из них прозвали Ромашкой, потому что она пила с такою легкостью всякое вино, будто оно было не пьянее ромашки. Другую же прозвал он сам Кисой, по сходству ее манер с нежащейся кошечкою.

Затем тут сидела уже немолодая и даже с сединою брюнетка, видимо когда-то очень красивая; еще одна бабеночка, похожая на портниху, и два кавалера: совершеннейший старик с бритую бородою и с усами, белыми как серебро, и юнец, вольноопределяющийся пехотного полка, мальчик некрасивый, весь в прыщах и неуклюжий до того, что не знал – встать ли ему при входе военного гостя или продолжать сидеть.

– Руки по швам, – скомандовала шутливо Марфа Николаевна и тем выручила обе стороны из неловкого положения.

Гости остановились в поклоне перед обществом, а

общество разглядывало их, видимо думая: «Неужели нам помешают?»

Но и тут Марфа Николаевна нашлась: она громко сказала:

– Господа, прошу без церемоний. Кто желает кушать, милости просим к столу, у меня сегодня пельмени. А кому не угодно, пожалуйста в гостиную.

Полковник и Савелов перешли в следующую комнату, где тотчас же удобно расположились на диване и закурили.

Огрызков остался.

– Чудная вещь пельмени! – воскликнул он с такою искренностью, что даже Киса обратилась к нему с предложением:

– Садитесь в таком случае и покушайте с нами.

Ему дали место между Кисою и хозяйкою дома.

– Но я прямо из-за стола, – отнекивался он. – Правда, мы давно кончили завтрак и только потягивали кофеек...

– Тем более, – убеждала его и хозяйка дома, приподвигая ему прибор.

Он кланялся через стол Ромашке, и та весело и радушно отвечала ему.

В доме замечалось довольство, и стол был накрыт обильно. Рябиновая и столовая водки закусывались икрой, ветчиною и еще какими-то копченьями. Миска

с горячими пельменями была уже подана, и разлива-
тельною ложкою вооружилась старуха брюнетка.

– Вот так, Саша, займись-ка ты хозяйством, – одоб-
рила ее намерение Марфа Николаевна.

Та что-то проговорила по-французски, видимо же-
лая щегольнуть перед гостем. Но все почему-то рас-
хохотались.

– Ну, уж зажаргонила! – сказала Марфа Николаев-
на. – Помешана она у меня на парле франсе.

– Что ж тут удивительного? – отозвалась старуха.
Но Огрызкову уже налили водки, и обе его соседки,
одна справа, другая слева, тянулись чокнуться с ним.

Через минуту он добросовестнейшим образом упи-
сывал наравне со всеми остальными пельмени.

– Перчику бы, вот только что! – сказал он.

Киса ему поперчила пельмени, но слишком усерд-
но, и снова поднялся хохот. Каждое слово возбуждало
здесь, в этом непринужденном обществе, смех. Толь-
ко старик и юнец вольноопределяющийся перешеп-
тывались между собою, что не мешало им поминутно
чокаться: старик очищенной, а юнец сперва рябинов-
кой, а потом даже уж портвейном.

Портниха не ела.

Она жеманилась и уверяла, что луку не переносит.
Это возмущало Марфу Николаевну, и она не без раз-
дражения несколько раз повторила:

– Пельмени без луку не делаются, я, по крайней мере, еще никогда не видала.

Из гостиной пришли смотреть, как уписывает Огрызков.

– Присоединитесь, – еще раз предложила им Марфа Николаевна.

И полковник и Савелов молча поклонились, но не сели.

За пельменями последовали рябчики, и вскоре все встали из-за стола. Старик и вольноопределяющийся совсем куда-то исчезли; остальное же общество собралось в гостиной. Появились на столе фрукты, потом черный кофе и две бутылки: одна с коньяком, другая с бенедиктином.

Старая брюнеткахватила рюмку и ушла в зал. Через минуту оттуда раздались звуки вальса из «Мартина-рудокопа».

Мотив, заигранный, но все же прекрасный, еще нравился. Компания воодушевлялась. Некоторые пошли туда.

Одна портниха держала себя глупо и все время жестикулировала перед лицом своими чрезвычайно грязными руками. Она всем надоела и только одна во всем обществе этого не замечала.

Киса жмурилась, посасывала виноград и все больше завлекала Огрызкова. Он потянулся чокнуться с

Марфю Николаевною и многозначительно проговорил:

– Благодарю вас.

– За что?

– Да уж дайте ручку поцеловать. Неужели так и не догадываетесь за что?

Она взглянула на смеющуюся Кису и также многозначительно ответила ему в тон:

– Да, вот что, понимаю!

Савелов льнул больше к той, которую прозвали Ромашкой. Она была веселее всех остальных и вскоре предложила ему протанцевать тур вальса.

Полковник хлопал глазами и хлопал рюмку за рюмкою действительно доброго коньяку.

Киса тоже захотела танцевать, но не верила, чтобы толстый Огрызков мог сделать хоть один тур. Он принял вызов, и оказалось, что танцевал прекрасно. Все были поражены и стали его мучить. Становилось жарко. Надо было отдохнуть. Марфа Николаевна запела, и все смолкло. Мощный, богатый, грудной голос звучал сильно и страстно. Ее слушали с наслаждением, и здесь, в кругу знакомых, у себя дома, она пела еще лучше, непринужденнее, нежели там, у себя в хору.

Но вдруг она вспомнила о времени. Было пора одеваться. Все стали ее умолять не ехать, спеть еще.

– Что вы, что вы? – воспротивилась она. – Этого я

сделать не могу. Служба прежде всего.

Оглянулись. Кисы уже не было. Оказалось, что она ушла тоже переодеваться, так как от хористок требовалось появление на месте не позже десяти часов.

Оставались портниха да старая брюнетка – таперша. Ромашка ушла вслед за Марфою Николаевною, так как состояла при ней чем-то вроде адъютанта.

Сразу стало скучно, и компания, поговорив немного, разъехалась.

Огрызкову хотелось потащить своих приятелей к Омону, но те не согласились, в особенности по нежеланию Савелова.

В самом деле, Степан Федорович был озабочен и если на время поразвлекся новинкою в этой странной обстановке, то, едва прекратилось общее веселье, вернулся снова к своим думам о Зинаиде Николаевне Мирковой и победившем ее сердце Хмурове.

Он уехал с полковником к себе домой и приказал подать крепкого чаю. Он сознавал, что пил в этот день слишком много: голова отяжелела, но хотелось поговорить по душе, и лучшего собеседника или, по крайней мере, слушателя ему нельзя было найти.

Полковник питал к Степану Федоровичу Савелову чувство самой прочной дружбы, основанной на незыблемом закале военного товарищества, то есть товарищества самого прочного, по правде говоря.

Характер Савелова отчасти отражался и в обстановке его квартиры. Все в ней было прилично, чисто до безукоризненности, и каждый предмет высматривал столь же прочным, как и он сам. Тут были все кругом вещи солидные, массивные и притом ценные. Не было излишних безделушек, и по первому взгляду легко было бы заметить отсутствие женщины в этой квартире.

Когда отданное слуге приказание было исполнено, друзья удобно развалились каждый в угол огромного дивана и, попивая дорогой ароматичный чай, завели беседу.

– Меня более всего возмущает, – говорил Савелов, – что люди честные и порядочные, каковым, несомненно, надо считать Огрызкова, так легко относятся к своим знакомствам. Мало того, они сами даже будут знать за человеком всякие мерзости и все-таки будут продолжать дружить с ним на милом основании, что не пойман, стало быть, и не вор.

– Очень просто, – ответил полковник, отхлебнув большой глоток из своего стакана.

– Неопровержимо доказать, что красавец этот Хмуров не что иное, как шарлатан, я, правда, еще не могу, – сказал Савелов, – но я это чувствую самым непоколебимым образом.

– Чего говорить, бродяга! – согласился полковник.

Помолчав немного, он спросил:

– Почему только этот человек тебя особенно беспокоит?

– Как почему?! Ты меня, брат, удивляешь! Разве тебе не ясно, куда он метит с Мирковой?

– Ну, а тебе-то что?

Хладнокровие полковника, давно известное Савелову и даже нравившееся ему, на этот раз почему-то его раздражало. Он спросил:

– Имеешь ты представление о том, что такое Зинаида Николаевна Миркова?

– От тебя же много слышал, – ответил по-прежнему спокойно полковник.

– Хорошо-с. Теперь скажи мне, что, по-твоему, может произойти, если в доверие к такой женщине вкрадется негодяй?

Полковник молчал и глубокомысленно курил папиросу.

– Такой гусь, – продолжал Степан Федорович, – не задумается обобрать ее и испортить ей всю жизнь, тогда как она могла бы и другим дать счастье.

Полковник взглянул на приятеля, улыбнулся и сказал:

– Например, тебе.

– Какие ты глупости говоришь! – воскликнул Савелов. – Почему это непременно со мною, а не с другим?

Мало ли порядочных людей, и уж, во всяком случае, более достойных счастья, нежели такой авантюрист?

– Согласен. Но напрасно ты только со мною в жмурки играешь. Если я тебе и не особенно помогу, то уж ни в каком случае не помешаю. Говори-ка прямо все начистоту.

– Ну так слушай же, – с какою-то особою решимостью последовал его совету Степан Федорович. – Да, я не считаю нужным от тебя скрыть, что на Миркову я давно смотрю как на олицетворение именно той женщины, которую бы я желал сделать моею женою.

– Дело хорошее!

– Да. Но совсем не потому только, что она так богата. Нет, конечно, состояние ее счастьем не должно вредить...

– Не должно! – подтвердил весьма серьезно полковник.

– Но не оно играет в моем выборе первостепенную роль. Я давно присматривался к Зинаиде Николаевне, давно она мне нравилась, и, переселясь во флигель ее дома, я, так сказать, не терял ее из-под самого бдительного надзора. Я могу поручиться за эти два года, что ни единой мало-мальски подозрительной интрижки у нее не было и что она, за все время своего вдовства, вела себя безукоризненно.

– Большая редкость по нынешним временам.

– Тем более заметь, – продолжал Савелов, – что она вполне свободна и во всех отношениях совершенно независима!..

– Делает ей честь.

– Ну да, конечно, а мне делало удовольствие. Я последнее время уже чаще стал с нею видаться и даже пробовал изредка намекать, все шло прекрасно, как вдруг в один месяц, даже менее того, все изменилось. Она встретила этого Хмурова и совершенно потеряла голову. Она себя компрометирует с ним, и я не могу поручиться, не зашли ли они уже слишком далеко.

– Печальная история.

И оба приятеля задумались. Савелов встал с дивана и зашагал длинными шагами по кабинету, точно размеривая ковер, а полковник продолжал курить, усиленно затягиваясь, и следил за ним взором. Молчанье продолжалось довольно долго. Наконец первым прервал его полковник.

Он спросил:

– Но скажи, пожалуйста, в чем именно ты подозреваешь Хмурова?

– Хмурова? – откликнулся Савелов и встал перед приятелем, точно остановленный сильным электрическим током. – Да во всем я его подозреваю. Нет такой гадости, на которую бы этот человек не был способен.

– Ну, погоди, не увлекайся...

– И не думаю даже. Начать с того, что его средства к существованию крайне загадочны.

– Может быть, в карты играет? – спросил полковник.

– Не знаю, не думаю, а впрочем, все возможно. Два года он в Москву не показывался и говорит, что был в Петербурге, между тем я слышал, будто бы там он чуть с голоду не умирал.

– Погоди, об этом обо всем можно навести справки; надо в самом деле проверить, что за тамбовский помещик такой?..

Х. Страхование

Полковник действительно имел возможность навести некоторые справки о Хмурове, так что обещанье его ободрило Савелова, который в глубине души был убежден, что получатся несомненные данные против этого авантюриста.

Но пока шло дело, Пузырев и Хмуров, заключив между собою условие на вере, со своей стороны, тоже не зевали.

Илья Максимович на другой же день своих окончательных переговоров с Иваном Александровичем направился на Большую Лубянку, в страховое общество «Урбэн», где подал заявление о своем желании застраховаться на случай смерти.

Его любезно приняли и тотчас же было приступили к исчислению условий.

Господин среднего роста, брюнет, полный, но красивый, говоривший с чуть приметным немецким акцентом, занялся им специально и, не желая упустить от прибылей общества выгодного, по-видимому, клиента, стал ему излагать все преимущества для страхующихся во французской компании «Урбэн». Но в то же время, действуя умно и осторожно, он счел нужным спросить:

– Цель вашего страхования? У вас, вероятно, есть семья, дети?

– Никого решительно. Я, что по-русски называется, бобыль.

– Бобыль? Вот как, – повторил вслед за ним обер-инспектор Шельцер. – Ах, скажите пожалуйста! Но у вас есть особенно близкое лицо, которому вы желаете завещать капитальную сумму вашего страхования?

– У меня есть друг.

– Друг? Вот что!

Господин Шельцер смотрел на нового клиента своего общества не без некоторого удивления и по деликатности искал наиболее мягкую форму, чтобы разузнать от него еще кое-что.

Но Илья Максимович Пузырев и сам-то, вероятно, изучил дело страхования жизни не хуже его, не желая как-либо попасть впросак. Он догадался, что именно должно было заинтересовать представителя крупной французской компании, и сказал ему:

– Цель моя, быть может, вас несколько удивит, господин инспектор, но я считаю своим долгом ее не скрывать от того страхового общества, с которым покончу дело. Я все вам расскажу, когда мы с вами согласимся насчет условий. Прошу мне только их сообщить.

– Прекрасно! Это мы можем сделать сейчас же, – любезнее прежнего согласился господин Шельцер.

Он достал из внутреннего бокового кармана сюртука красиво переплетенную в темный коленкор книжечку, тисненную золотом и составленную из разноцветных листиков, чтобы облегчить искание табелей. Пузырев успел прочитать на ее верхней крышке:

L'Urbaine

«Урбэн»

Общество

страхования жизни.

Тарифы.

– Вы желали бы, – спросил господин Шельцер, перелистывая книжечку, – застраховаться в шестидесяти тысячах рублях на случай смерти просто или на дожитие?

– Я желал бы, – пояснил еще раз и совершенно определенно Пузырев, – застраховаться таким образом, чтобы немедленно по моей смерти было выдано вашим обществом указанному мною лицу, чистога-ном и единовременно, шестьдесят тысяч рублей. При этом я ищу, само собою разумеется, тот тариф, по которому мне бы пришлось наименее платить.

– Цель нашего общества, – ответил обер-инспектор Шельцер, – заключается главным образом в предоставлении нашим многочисленным клиентам наибольшего количества выгод против всех других, до сих пор кем-либо придуманных комбинаций.

Он перевел дух и, поощренный вниманием своего слушателя, продолжал не менее красноречиво:

– Но не всегда выгода страхующегося заключается во взносе наименьших премий, то есть, если я могу так выразиться, в уплатах обществу по своему страхованию на условиях самого дешевого тарифа.

– Почему же это? – спросил Пузырев, не совсем понимая.

– Я позволю себе вам указать на то обстоятельство, – сказал господин Шельцер, – что по несколько более возвышенному тарифу вы можете, дожив до известного, заранее с ним обусловленного срока, получить еще лично капитальную сумму. Если же бы вы скончались ранее, то ту же сумму общество обязует-

ся выплатить вашим правопреемникам.

Но эта комбинация, по известным уже причинам, нисколько Пузырева не могла соблазнить. Тем не менее из крайней предосторожности и не желая даже на будущее время оставить в памяти обер-инспектора каких-либо подозрений, он стал усердно его расспрашивать и внимательно выслушивал.

Господин Шельцер неутомимо разъяснял ему самые сложные и разнообразные комбинации страхования, пока наконец Пузырев не остановил его.

– Вот извольте ли видеть, – сказал он, – выслушивая вас, я и сам прихожу к заключению, что существует немало систем более выгодных для страхующихся, нежели та, которую я именно себе избрал или, по крайней мере, так сказать, облюбывал. Но у меня свои особые причины, и первая из них заключается прежде всего в том, что я не верю в свою долговечность.

Обер-инспектор невольно улыбнулся, так как Пузырев по наружному виду, да еще вдобавок теперь приодетый и подтянутый, высматривал бодро.

– Извините, пожалуйста, – сказал он, – но я даю вам от себя девяносто девять процентов за сто, что вы доживете до самой глубокой старости.

Тогда Илья Максимович счел нужным отразить на своем лице улыбку недоверия и даже грусти. Он подавил тяжелый вздох и как бы проговорился:

– При всей кажущейся силе я часто слабею, и в груди по временам у меня что-то странное творится.

Господин Шельцер не особенно встревожился этим заявлением и только мысленно про себя решил, что необходимо будет обратить особое внимание врача на это обстоятельство. Но вслух он сказал:

– Иногда избыток здоровья принимается нами тоже за болезнь.

– Как бы то ни было, – продолжал клиент, – а я твердо решил страховаться только на случай смерти. Будьте так добры исчислить мне размер премий, которые я должен буду вносить вашему обществу пожизненно.

– Сколько вам лет?

– Тридцать два, хотя на вид я кажусь старше и многие мне дают тридцать шесть.

– Я не нахожу. Вот извольте ли видеть: по тарифу номер один (первая таблица) страхования на случай смерти с пожизненной премией вы платите за сто рублей, при тридцатидвухлетнем возрасте, два рубля шестьдесят две копейки в год, за, тысячу, стало быть, двадцать шесть рублей двадцать копеек, за десять тысяч двести шестьдесят два рубля и, наконец, за шестьдесят тысяч...

Он взял карандаш и на крахмальном рукавчике своей сорочки наскоро помножил 262 на 6.

– Тысячу пятьсот семьдесят два рубля, – сказал он вслух. – Но тут, изволите ли видеть, имеется в виду еще одна комбинация: если вы отказываетесь участвовать в пятидесяти процентах прибылей нашего общества, то мы, оценивая их минимум в двенадцать процентов годовых, делаем вам таковую же скидку.

Он снова засчитал на своей манжетке и вскоре заявил:

– Вам, стало быть, приходится вычесть сто восемьдесят восемь рублей шестьдесят четыре копейки, и годовая ваша премия равняется тысяче тремстам восьмидесяти трем рублям тридцати шести копейкам.

– Да, но я могу вносить ее и по полугодиям? – спросил Пузырев.

– Да, конечно, можете; это как вам самим будет удобнее, и общество наше в данном случае тоже не любит стеснять страхующихся.

– Так что мне придется уплачивать вам два раза в год по семисот приблизительно рублей?

– Да, около этого.

– Прекрасно. Теперь изволите ли видеть, в чем дело.

Господин Шельцер придвинулся еще ближе, предвидя высшие конфиденциальные открытия. В самом деле, Пузырев ему сообщил вещь, которую ему от

страхующего свою жизнь еще никогда не приходилось слышать.

– Я давно, – сказал он, – задумал одно благотворительное дело. Осуществить его у меня, к сожалению, не хватает материальных средств. У меня есть друг, которому мои цели и намерения известны. Ему я все открыл и все, безусловно, доверяю. В случае моей смерти он получит по бланковой надписи на полисе капитальную сумму страхования и, согласно своему обещанию, выполнит мой завет.

Господин Шельцер любил все возвышенное и благородное. Он был глубоко тронут и в приливе почтения к столь великой идее встал перед Пузыревым и сказал:

– Какая возвышенная цель! Но, ради Бога, именно потому, что цель ваша так велика, так возвышенна и чтобы приблизить момент исполнения вашей великой задачи, позвольте еще раз предложить вам страхование на дожитие. Смотря на вас, я уверен, что вы и сорок, и пятьдесят лет еще проживете...

– А я в это не верю, – снова поникнув грустно головою, сказал Пузырев. – Что-то гложет меня внутри, и боль эта с каждым днем меня более тревожит. В сущности говоря, она-то и является главной причиной моего поспешного страхования.

Теперь и обер-инспектор усомнился. Он невольно

на этот раз, при вторичном о том же заявлении самого клиента, подумал: «Почем знать? Может, он и в самом деле страдает опасным недугом? Врач наш это исследует; но только какая жалость, если такая выгодная сделка не совершится!»

– Тем не менее, – перебил его размышления Пузырев, – я вас попрошу сейчас же принять от меня задаток и поспешить со всеми остальными формальностями. Я бы желал, если возможно, еще завтра быть осмотренным и выслушанным вашим врачом.

– Пожалуйста! Мы никогда клиентов не задерживаем. У нас все это делается моментально. Позвольте мне с вас взять декларацию, то есть заявление и ответы на некоторые вопросы.

Он перешел к письменному столу и принялся за дело.

– Имя, отчество и фамилия ваши, если позволите?

– Илья Максимович Пузырев.

– Илья Максимович Пузырев, – повторил за ним Шельцер, записывая это имя на желтом листке большого почтового формата с отпечатанными вопросными пунктами. – Занятие?

– Науками, – ответил наугад Пузырев и внутренне улыбнулся наглости своего ответа.

Перед рубрикою о гражданском состоянии, или так называемом *état civil*, господин Шельцер, уже не спра-

шивая, написал:

– Холост.

Потом он пропустил несколько вопросов, на которые, в сущности, обязан ответить страхующий агент, и перешел прямо к параграфу пятому.

– Каковы ваши привычки, то есть какую, собственно, жизнь ведете вы, сидячую или деятельную, воздержную или наоборот?

– Самую нормальную, – ответил Пузырев, даже глазом не моргнув. – Я и встаю и ложусь всегда в одно время; не предаюсь никаким излишествам, и если я и занимаюсь науками, то восполняю сидячую жизнь аккуратным и вполне достаточным моционом.

– Умер ли кто из членов вашего семейства преждевременно?

– Мой отец скончался всего год тому назад, семидесяти трех лет от роду, а мать умерла в родах, на тридцать пятом году.

– Благодарю вас; остальное я уже сам пополню. Сколько вам будет угодно внести задатку?

– Да сто рублей пока, я думаю, будет достаточно.

– Вполне-с.

Он выдал квитанцию из особой, вроде чековой, книжки, принял деньги и еще спросил:

– Ваш адрес?

Пузырев назвал свое новое местожительство, так

как для совершения страховой операции он счел нужным переехать. Записав полученные указания, господин Шельцер хотел было уже освободить клиента от дальнейших расспросов, как вдруг вспомнил:

– А в какие часы вас удобнее всего будет застать нашему врачу?

– Я бы предпочел утром.

– Прекрасно-с, завтра до двенадцати часов он будет у вас.

Пузырев простился и вышел. Ему надо было повидаться с Хмурым. Так было условлено еще накануне, что прямо из страхового общества он приедет к нему.

– Вот что, – сказал Иван Александрович, внимательно осмотрев весь туалет своего компаньона, – одет ты весьма прилично; не хочешь ли поехать со мною вместе позавтракать и, так сказать, спрыснуть наше новое, уже начавшееся предприятие?

– С удовольствием. Я, кстати, голоден как волк.

Хмуров позвонил.

Вошел в номер коридорный Матвей Герасимов и в удивлении уставился глазами прямо в лицо гостя.

– Что, брат, узнаешь! – спросил его как ни в чем не бывало Пузырев.

– А что? – несколько удивился и Хмуров.

– Да, оказывается, мы с твоим номерным старые

знакомые, – находчиво ответил, впрочем уже подготовившийся к тому, Илья Максимович. – Мне надо было тут про одну барыньку справиться, так я на днях к нему обратился.

– И что же, разыскалась барынька? – поинтересовался узнать Хмуров, конечно ничего не подозревая.

– Нет, в других, должно быть, номерах остановилась, черт ее знает, нигде найти не могу.

– Что прикажете, Иван Александрович? – спросил Матвей, успокоенный на этот счет.

– Пальто дай, снеси плед в коляску и вели подавать: я еду.

Спускаясь по лестнице, он спросил Пузырева:

– Полагаю, к Тестову поедем? В «Славянском» очень модно, а у Тестова утром не слишком народу много; а уже накормят нас, так могу тебя уверить, что на славу.

– Что же? Я лично против Тестова ничего не имею: заведение приличное, первый сорт!

XI. У Тестова

В одном еще как нельзя лучше сходились достойные друг друга компаньоны: и Хмуров, и Пузырев любили покушать.

Иван Александрович, всегда, еще с детства, лакомый, за последние годы находил все большее наслаждение за трапезою и начинал уже, несмотря на сравнительную молодость свою, ставить тонко, но обильно сервированный стол на первый план перед всеми иными жизненными наслаждениями.

Бывало, даже и в тяжелые времена он, не задумываясь, жертвовал с трудом добытую красненькую на угощение своей требовательной персоны.

Что касается Ильи Максимовича, то и во всем остальном, а не только в этом одном, он обладал гораздо большею силою воли, нежели приятель и товарищ его по делам Хмуров.

Тем не менее при случае, да когда еще предлагалось покушать на славу не за свой собственный счет, он от приглашения и не думал отказываться.

В коляске Хмурова доехали они до знаменитого и всем известного ресторана.

Теперь Иван Александрович уже не стеснялся открыто показываться с Пузыревым, так как Илья Мак-

симович прилично оделся, правда не у первоклассного портного, а купил все готовое, но экипировка была новенькая и выглядела вполне удовлетворительно.

Приятели сняли свои пальто вниз, в швейцарской, и поднялись во второй этаж. Дверь со стеклами на лестнице точно по волшебству распахнулась перед ними сама, так как ее за шнур снизу потянул предупредительную рукою один из швейцаров, и они прошли мимо кланяющихся буфетчиков и распорядителей в общий зал, где стоял знаменитый Шварцвальдовский оркестрион.

Благообразные половые, в традиционных белых полотняных костюмах, высматривали точно на подбор, и Хмуров невольно подумал, что вид их куда опрятнее фрачных официантов других ресторанов.

Молодцы, сейчас же распознав в особенности в Хмурове, и ранее бывавшем здесь, хороших гостей, почтительно засуетились около избранного ими стола.

– Ну, как ты думаешь? – спросил Иван Александрович, взяв карточку и бегло просматривая ее.

– Заказывай ты, – ответил Пузырев, – а уж если что не так, я переменю.

– Изволь.

Он прочитал всю денную карточку от начала до конца внимательно, передал ее Пузыреву и сам сказал:

– Я бы не прочь сделать таким образом. Водку ты будешь пить, или нельзя ли без водки обойтись?

– Признаться, рюмку или много две не мешало бы по случаю осенней погоды пропустить, – ответил Илья Максимович.

– Хорошо. В таком случае только вот что, – обратился Хмуров к половому, – принеси нам листовочки на смородинных почках и дай нам английской горькой.

– Я хинную люблю, – сказал Пузырев, внимательно следя за распоряжениями товарища.

– И хинная вещь невредная, но тогда английской горькой, пожалуй, и не надо.

– К закуске балычка не прикажете ли, или, может быть, салат оливье? – спросил половой, желая прислужиться, но не попал во вкус.

– Надоел мне твой салат оливье! – ответил ему Хмуров. – Нет, ты вели нам несколько копчушек в духовой шкапчик на сковородочке поставить, да так горяченькие и тащи сюда.

– Слушаю-с.

– Постой, к закуске этого мало, тем более что с ними надо осторожно обращаться, не то на целый день воспоминания будут.

– Семги тогда не позволите ли? Отменная получена-с, – снова предложил половой.

– Нет, а вот что ты сделай: спроси мне на кухне шту-

ки четыре fonds d'artichaux, понимаешь?

– Понимаю-с, одни то есть донушки от артишоков-с изволите приказывать?

– Да, но холодные. К ним одно крутое яйцо, мелко нарубленное, и немножко эстрагону. Подашь масло и уксус, я сам заправлю по моему вкусу.

– Слушаю-с.

– Это что-то новое? – спросил не менее полового удивленный Пузырев.

– Ну, вот увидишь, какая это идеальная закуска к водке, – сказал Хмуров и снова, обращаясь к половому, продолжал свой прерванный заказ: – Другой закуски нам не надо никакой...

– Икорки зернистой тоже не прикажете? – спросил все-таки тот.

– Не прикажу. Слушай меня и не перебивай. На первое ты нам подашь лососину в соусе раковом, и чтобы соусу побольше было... Ты, Илья Максимович, против этого ничего не имеешь?

– Ничего.

– А на второе...

– Дупеля не позволите ли?

– Да оставь ты меня, пожалуйста, со своими советами и слушай, что я тебе говорю...

– Виноват-с...

– Ну вот то-то же и есть. Прикажи главному ва-

шему, старшему повару самому, наблюсти за этим: взять трех крупных сибирских рябчиков, грудки пополам разделить, из черного мяса, печеночек и так далее нарубить, протереть почти как пюре и сделать вроде маленьких котлеточек, немного сладкого мяса, шампиньонов и побольше крупных, толсто нарезанных трюфелей... Все заправить мадерой, но не перебодрить...

– Сальме, стало быть, из рябчиков? – переспросил половой.

– Ну да, сальме из рябчиков, только не забудь, как я люблю: и мясо сладкое, и шампиньоны, и трюфели...

– Салат прикажете?

– Салат? Нет, пожалуй, не надо. Иди, заказывай.

Обращаясь к Пузыреву, на лице которого блуждала улыбка одобрения, он спросил:

– Ты как думаешь?

– Заказано недурно, если так же будет исполнено, то и желать лучшего ничего нельзя. Но вот вопрос: пить что будем? Чем, то есть каким пойлом, ты меня угощать станешь?

– Видишь ли? Красное после рыбы не идет, непременно надо белое...

– Само собою...

– И я не знаю, как ты находишь, а хороший рейнвейн было бы недурно.

– Что же, пожалуй!

– Если бы ты на водке не настаивал, я бы совсем иначе распорядился.

– А например?

– Я предполагал сперва так сделать: хорошего сухого хереску полбутылочки, а именно рюмку, да за зернистой икрой, а вторую за рыбой, потом уже, при сальме из рябчиков, хорошего бургонского...

– Все равно, теперь заказано. Надо вино выбрать заранее. Рейнвейн в лед надо поставить. Терпеть я не могу, когда рейнвейн не достаточно холоден.

– Ну еще бы! – согласился и Хмуров. – Я тут пивал одну марку, отменное винцо, и не из самых дорогих. Помню, что-то около восьми рублей бутылка...

Он стал искать в карточке вин. Половые все с большим почтением готовили приборы и усиленно хлопотали. Обоим гостям хотелось есть, и они поторапливали их. Приказано было подать копчушки раньше, так как заказанные сердцевинки артишоков приходилось подождать. Но вскоре все было подано, и приятели чокнулись сперва листовкою, а потом и хинною. Решено было более двух рюмок не пить, а перейти к вину. Рыба оказалась прекрасною, соус к ней тоже, а в отношении сальме из рябчиков повар превзошел самого себя. Только заказано было слишком много, и Хмуров с Пузыревым всего доест не могли: доста-

точно было бы и двух рябчиков.

Между тем бутылка доброго старого рейнвейна была допита до дна, а от вкусной, несколько пикантной еды жажда только увеличивалась.

– А что бы ты сказал, – спросил Хмуров Пузырева, – если бы мы теперь с тобою распили бутылочку шипучки?

– Только не сладкого.

– Изволь.

Хмуров подозвал человека и приказал подать бутылку шампанского полусухого. Но он любил закончить еду по всем правилам и без последнего сладкого блюда ни в обед, ни в ужин обойтись не мог. Он заказал себе пунш глясе, тоже поданный превосходно, так что даже Пузырев, сперва утверждавший, будто все это бабьи капризы, соблазнился и последовал его примеру.

Все время еды приятели мало говорили о делах, а всецело предались испытываемому наслаждению. Но когда шампанское было окончено, когда все со стола прибрали и люди постлали новые, снежной белизны, салфетки, когда наконец был подан кофе и коньяк Мартель, у Хмурова развязался язык.

Порешив раз снова сойтись с Пузыревым и вместе с ним совершить обман для получения из страхового общества солидного куша денег, Иван Александро-

вич стал, так сказать, сам лхнуть к прежде отверженному другу, уже вследствие той простой причины, что сознавал в нем неоспоримую силу.

Да и Илья Максимович в самом деле ни на единую минуту не терял перед Хмуровым своего превосходства и держал себя с некоторою гордостью, вызывавшею в более слабой натуре и почтение и откровенность.

Вкусная еда с приличным возлиянием дорогого и неподдельного вина еще более расположили Хмурова к беседе, и за кофеем он вдруг сказал своему другу:

– Я и сам, брат, сознаю, что лучшее в мире все-таки свобода! Разве подобные нам с тобою натуры созданы для тихих радостей семейной жизни? Никогда! Нас манит неизвестность завтрашнего дня и новизна ощущений. Однообразие для нас с тобою равносильно смерти, и я уверен, что ты, как и я, сбежал бы от миллионов, если бы пришлось включить при них свою жизнь в рамки ежедневного семейного порядка и домашнего однообразия. Вот почему я себе простить не могу моей первой женитьбы...

– И вот почему, – добавил насмешливым тоном Пузырев, – ты готов бы был хоть сегодня развестись со своею первою женою и жениться на Мирковой!..

– Не говори, нет, не говори этого! – воскликнул Хму-

ров. – На Мирковой жениться было бы полезно только с одной целью: подхватить ее денежки да добиться тогда свободы, хотя бы в Америке, где бы то ни было, но свободы...

– Ты увлекаешься.

– Почему это? – спросил Иван Александрович, наливая и себе и компаньону по новой рюмке финьшампани.

– Вспомни только, что ты говорил и о чем мечтал при своей женитьбе на Ольге Аркадьевне!

– Так что ж из этого?

– Из этого следует, что думаешь поступить так, а выходит на деле-то, когда свяжешься с тобою, совсем иначе. Ты ведь и с Ольгой Аркадьевною храбрился да уверял, будто бы все к рукам приберешь, а вместо того сам ей так в руки попался, что она теперь только вот на пороге этого ресторана покажись – и пропала вся твоя веселость.

Хмуров хотел было что-то сказать в объяснение, но Пузырев ему говорить не дал и даже рукою махнул.

– Вот в том-то и дело, – сказал он, – что с бабами совсем не так легко связываться, как многие думают, и найдется немало женщин, которые в обиду себя не дадут...

– Ну, это мы еще посмотрим.

– Да чего смотреть-то? Живой пример налицо, сла-

ва Тебе Господи!

– Это кто, Ольга, что ли?

– Хотя бы и Ольга Аркадьевна! Разве я не правду говорю.

– Все от того зависит, как на вопрос смотреть, – сказал Хмуров. – Ольга Аркадьевна, начать с того, никогда никакими миллионами не обладала, а все состояньице ее, когда я на ней женился, равнялось восьмидесяти тысячам...

– Что ж из этого?

– А то, что игра не стоила свеч. Мне просто-напросто даже не стоило рисковать...

– И, однако, ты рискнул!

– Да, по моей собственной глупости и неосмотрительности, – ответил горячо Хмуров. – Но я теперь умнее и уже никак не попадусь...

Пузырев закурил дорогую ароматическую сигару и, помолчав несколько, сказал совсем иным, серьезным голосом:

– Во всяком случае, спекуляции на смерть я не одобряю и в благополучный их исход не верю.

– Я могу тебе назвать примеры, где люди с характером и твердою волею умели провести дело до конца и, даже при всеобщем подозрении, выйти сухими из воды. К тому же и твое страховое дело, что это, скажи мне на милость, как не спекуляции на ту же смерть?

– Извини, пожалуйста, – ответил, снова насмешливо улыбаясь, Пузырев. – Я в данном случае никакого зла не причиняю личности, а напротив, беру субъекта, которого к жизни вернуть невозможно, и всячески стараюсь облегчить его последние дни. Общество же, при своих колоссальных операциях, даже и не почувствует моей ковки на какие-нибудь жалкие шестьдесят тысконок!

– Ну, эту мораль ты пойдя прокурору докажи в случае, если дело не выгорит, и тогда увидишь, что он тебе скажет.

– Типун тебе на язык!

– А я, – продолжал Хмуров, – в моем деле с Мирковой совсем другого опасаясь.

– А например?

– Я потому не могу с нею привести в исполнение моих широких замыслов, что мне на пути стоит помехою моя первая женитьба, а не будь этого...

– Скажи мне, пожалуйста, одно, но только по чистой совести: Миркова до брака не сблизится с тобою?

– Она считает меня вполне свободным и независимым.

– Это не ответ.

– Напротив, из этого следует, что иначе как на жениха своего она на меня и не смотрит.

– В таком случае, – сказал Пузырев, – мой тебе со-

вет: все порвать и далее этой опасной игры не вести.

– А если я достану бумаги, чтобы с нею обвенчаться, и потом немедленно со свадьбы увезу ее за границу?

– Будь настороже.

– Легко сказать, когда соблазн так велик! – воскликнул Хмуров.

– Отойди от него, пока еще есть время. Ты берешь на себя слишком опасную роль. Двоеженство карается лишением всех прав состояния и ссылкой на поселение в Сибирь. То же, что я тебе предлагаю, безопаснее. Тут и комар носа не подточит...

– Конечно, оно так, – соглашался Хмуров, – только надо взвесить и другую часть вопроса.

– Какую это?

– Ту, что с одной стороны предполагаются миллионы, а с другой – всего тридцать тысяч. Разница заметная!

– Согласен. Но сам ты мне сейчас говорил о твоей ненависти к зависимости. Причем имей в виду, что тридцать тысяч будет не у одного тебя, но и у меня, а вдвоем, с такими деньгами, мы за границу чудес натворим и все карманы опустошим. Слушайся меня: бросай под каким бы то ни было предлогом свою Миркову, не то добра не выйдет...

– Пойми, что этого сделать нельзя! – сказал нако-

нец Хмуров.

– Но почему же?

– Я взял у нее денег.

– Сколько?

– Да сколько бы ни было, это все равно, только отдать я их ей не могу.

– Послушай, скажи мне только одно: сам-то ты понимаешь, какую опасную игру ты с нею ведешь?

– Да как не понять?

– Веришь ты, что со мною можно безнаказанно деньги нажить?

– Ну так что ж?

– В таком случае спасайся. Я берусь все устроить. Такие вещи надо делать безотлагательно.

– Не бежать же мне!

– Нет, именно бежать, и чем скорее, тем лучше! Спроси счет, поедем к тебе, и я тебе все разъясню.

XII. Против Мирковой

Если Пузырев вторично и все с большею настойчивостью требовал полного разрыва каких-либо отношений между Хмуровым и Мирковой, то уж, конечно, действовал он в данном случае не без особых расчетов.

Главные его опасения заключались в том, как бы Хмуров не ускользнул от него, так как исполнение всех его мошеннических планов требовало именно такого представительного компаньона.

По всем своим приемам и по действительно обольстительной наружности Иван Александрович располагал к себе с первого же раза.

Что же касается могущего повториться обмана, то Пузырев более не опасался такового со стороны компаньона, потому что дал ему в точности понять, что все ему известно относительно Ольги Аркадьевны, и этого было вполне достаточно, чтобы держать Ивана Александровича в ежовых рукавицах.

По возвращении от Тестова в номер, занимаемый Хмуровым, давешняя беседа возобновилась, но, сколько бы Пузырев ни был настойчив, Хмуров упорно старался ему доказать, что присутствие его здесь, в Москве, при Мирковой, пока не окончится дело стра-

хования, то есть до того даже момента, когда получатся им из общества «Урбэн» все деньги, куда безопаснее побега.

Пузырев хотел в точности определить только одно: привлекают ли Хмурова все еще надежды воспользоваться состоянием Мирковой, на что сам он, Илья Максимович, смотрел как на весьма сомнительную мечту, или же ему почему-либо нельзя и опасно теперь с нею прервать?

К этому он и повел свою беседу. Как человек ловкий и настойчивый, он вскоре добился толку. Хмуров, которого все эти расспросы утомляли и раздражали, притом еще под влиянием выпитого за завтраком вина, махнул на все рукою и чистосердечно признался товарищу:

– Ну, если хочешь, я тебе все расскажу, и ты сам поймешь, почему мне нельзя так бросить ее, не имея еще возможности уехать за границу.

– Я тебя к откровенности не вынуждаю, – сказал в притворном равнодушии Пузырев. – У каждого могут быть свои личные тайны.

Но это, как он и рассчитывал, только возбудило Хмурова к еще большей откровенности.

– Нет, – сказал он, – слушай. Я, видишь ли, голубчик мой, играю перед Мирковой роль человека совершенно обеспеченного. Иначе она могла бы отнестись ко

мне с недоверием. Но выдержать эту роль долго я бы не мог, а взять у нее же денег не было никакого предлога. Вот я и узнал, что у нее на руках хранится билет в пять тысяч рублей, проценты с которого назначены ее покойным мужем на прокормление прохожих бедняков мимо их дачи на шоссейной дороге. Ловко завел я речь о том, что капиталец этот не трудно бы было и увеличить разменом банкового билета и приобретением на эту сумму таких акций, биржевая цена которых значительно возвышается. Вполне мне доверяя, хотя и не понимая ровно ничего из всего мною сказанного, кроме разве желания с моей стороны принести делу, задуманному ее покойным мужем, возможную пользу, она отдала мне эти пять тысяч. Ты поймешь теперь, почему мне не особенно-то ловко уехать, не возвратив ей этих денег?

С другой стороны, Пузырев предвидел, что женщина, пожалуй, и еще сильнее привяжется к красавцу, и тогда даже то, что могло бы уронить его теперь в ее глазах, она сумеет оправдать, лишь бы не утратить его самого. Мигом сообразив, что делать, он сказал:

– Неужели ты полагаешь, что такая барынька, как твоя Зинаида Николаевна, может хоть на единую минуту заподозрить тебя в похищении у нее пяти тысяч, если бы даже ты и был вынужден сейчас уехать.

– А то как же?

– Какой вздор! – воскликнул тоном полнейшей искренности Пузырев.

– Не понимаю почему?

– Да ведь ясно, что она в тебя влюблена! Еще того яснее, – продолжал Илья Максимович, – что она тебе вполне доверяет. Твой внезапный отъезд ее огорчит, да, но ни на минуту не поколеблет ее чувств к тебе. Напротив, логика, простой здравый смысл говорят мне, что чувства ее к тебе упрочатся. С другой стороны, пойми еще вот что: допустим, что ты поступишь по-своему, что ты меня не захочешь послушаться и останешься. Сейчас же явится на сцену Ольга Аркадьевна, которая тебя разыскивает с целью мщения. Тогда все оборвется со страшным скандалом. Исчезая же теперь, ты запутываешь от твоей благоверной свой след, и, сбитая с толку, убежденная, что тебя уже в Москве иет, она и сама уедет обратно к себе.

Замечая действие, которое произвела эта часть его убеждений на Хмурова, Илья Максимович продолжал:

– Я бы тебе советовал так поступить: избери кого-нибудь из своих знакомых, но кого-нибудь такого, к которому и она могла бы отнестись с доверием, и снабди его письмом к ней с просьбою принять на расходы по кормлению бродяжек двести рублей, так как ты вызван внезапным известием о тяжелой болезни

своего дядюшки хотя бы в Петербург. Оттуда немедленно телеграфируй ей, потом напиши, вообще пиши чаще и только не дотяни до известного срока. А когда деньги получишь из «Урбэн», тогда совсем вопрос иначе поставится: можешь ей ее пять тысяч вернуть и даже ее с собою за границу пригласить. К той поре она по тебе до того соскучится, что куда хочешь за тобою вслед и без брачного союза пойдет. Поверь моей опытности, а то вся затеянная тобою игра более нежели опасна. Что же касается мечты о двоеженстве по дубликатам документов, то это просто сумасшествие, и чтобы тебя же спасти от Сибири, я готов сам на все, даже, если понадобится, готов предупредить ее.

Хмуров глубоко задумался.

Веселое настроение совсем исчезло, и ему казалось, что он прощается навсегда со счастьем своим.

– Что ж ты приуныл? Разве я неправду говорю! – спросил его ободряющим тоном Пузырев.

– Правду-то правду, да только мне-то от этого не легче.

– Ну это я просто называю сентиментальностью. По-моему, во всех делах нужна прежде всего сила воли, нужен характер, и если ты задумываешься, то мне остается предположить, что ты сам в нее влюблен и потому уехать не в силах.

– Вздор какой!

– В таком случае, если здравый смысл тебе говорит, что я прав, чего ж тебе еще задумываться?

– Я тут уже все наладил, все так хорошо подготовил...

– Да, подготовил для своей собственной гибели, – перебил его Илья Максимович. – Если на то пошло, так Миркова от тебя не уйдет. Умей только до конца нашего дела поддерживать ее хорошими письмами в уверенности, что и ты без нее страдаешь, и я ручаюсь тебе, что в каких-нибудь два-три месяца разлуки она по тебе совсем с ума сойдет.

– Ну, хорошо. А как же после, для получения денег ведь мне надо будет сюда вернуться? – спросил Хмуров.

– Нисколько! Тебе деньги выдадут, где бы ты ни находился. Документы представишь, тебе и в Петербурге уплатят...

– Пойдут еще проволочки!

– Ну нет, брат, не такое это общество, чтобы оттягивать платежи. У французской компании «Урбэн» первое правило: не задерживать ни в чем своих клиентов, избегать всяких процессов и честностью своих расчетов, быстротою уплат делать самому себе наилучшую рекламу.

– Хорошее правило!

– Смеяться, брат, нечего, – сказал Пузырев, – но

лучше вникнуть, что только благодаря этому обществу «Урбэн» и пользуется такую огромною повсюду популярностью.

– И так, ты считаешь бесповоротно неизбежным мой выезд из Москвы? – спросил еще раз Хмуров, уже, видимо, вполне склонный к послушанию. – Но куда же, скажи мне на милость, я поеду?

– Как куда? В Питер!

– У меня там столько долга, столько всяких пакостнейших дел и делишек, что за последнее время я по улице не мог безопасно пройти! – признался откровенно Хмуров.

– Поезжай в таком случае в Варшаву: город хороший, нескудный и, в довершение всего, недорогой.

– Но что я там буду делать? По-польски ни слова...

– И без польского языка обойдешься, – ответил Пузырев. – А ты, брат Иван Александрович, лучше вот мне что скажи: сколько у тебя останется всего в наличности с того момента, как ты мне за страховку отдашь семьсот рублей?

На этот раз Хмуров опять попробовал оттянуть что-либо. Он воскликнул:

– Неужели же мне одному вносить всю страховую премию?!

– Как мы условились, – спокойно отвечал Пузырев, – так оно и будет, конечно. Я же беру на себя

все расходы по поездке вдвоем с больным Григорием Павловичем Страстиным в Крым.

– У меня очень мало останется! – уныло заявил Хмуров.

– Да и у меня тоже, – сказал Пузырев. – Только все-таки интересно бы знать, сколько именно, чтобы рассчитать, как ты там в Варшаве можешь жить?

– Проживу как-нибудь!

– Вот видишь, до чего ты скрытен! – укоризненно ответил на это Пузырев. – Где и в чем новое товарищество, если ты постоянно из всего делаешь тайну?

– Никакой тайны! Изволь, я, пожалуй, при тебе сочитаю.

Он вынул бумажник и выложил на него все свои деньги.

Оказалось две тысячи сто семьдесят рублей.

– Что ж, это прекрасно! – заявил Илья Максимович.

– Ничего нет прекрасного! Я тебе еще из них за страхование должен дать семьсот.

– Ну так что ж? Останется почти полторы тысячи. Кажется, можно на это прожить в Варшаве два-три месяца, не нуждаясь?

– Да, если не держать экипажа, – с прискорбием согласился Иван Александрович.

– А на какой черт он тебе там нужен? Здесь я еще понимаю! Тебе надо пыль было пустить в глаза, а там

чем скромнее, тем лучше. Живи, ни в чем себе не отказывая, но и не шуми особенно много. Пошуметь мы еще успеем, – советовал Пузырев.

– Конечно, успеем! – согласился и Иван Александрович.

– В таком случае ты согласен? – спросил Илья Максимович.

– Нечего делать, приходится волей-неволей соглашаться. Теперь пятый час, я поеду к ней как будто ни в чем не бывало, проведу весь вечер с нею, буду строить планы, а завтра пошлю ей пресловутое письмо и уеду...

– С кем письмо-то пошлешь? – поинтересовался Пузырев.

– Думаю, с Огрызковым, – ответил Хмуров. – Есть у меня такой приятель. Сам человек богатый и репутации хорошей.

– Самое прекрасное дело!

Хмуров встал, считая все поконченным, и, пряча деньги в карман, сказал:

– В таком случае до завтра?

– Только постой, ты мне деньги-то, семьсот рублей, за страховку передай.

– Разве это сейчас нужно?

– А то когда же? Ведь завтра до двенадцати ко мне доктор приедет свидетельствовать.

– Я мог бы утром...

– Ну, глупости! Утром ты еще проспишь, да и не все ли тебе равно? – убеждал его Пузырев.

Хмуров нехотя достал снова бумажник и с прискорбием отсчитал семь сотенных. Отдавая их Пузыреву, он сказал:

– Денег уйма уходит, а что-то еще выйдет из этого.

– Положись на меня.

Они пожали друг другу руку и одновременно вышли. Илья Максимович отправился проведать своего больного Страстина, а Иван Александрович помчался в ожидавшей его коляске к Зинаиде Николаевне Мирковой.

Там уже начинали терять терпение. Хотя накануне, расставаясь, Хмуров и предупредил ее, что в этот день приедет позже обыкновенного, но начиная с двух часов она уже мучилась и не отходила от одного из зеркальных окон своего роскошного дома. Там, в кресле, сидела она с раскрытой книжкой в руках, но не читала и мучилась по своему ненаглядном и ни с кем не сравнимом Иване Александровиче.

Несколько раз уже порывалась она послать за ним гонца, но вспомнила, что разыскивать его будет трудно, потому что он предупредил ее о предстоящих деловых разъездах.

Время казалось невероятно долгим, и она воспол-

няла его только одним: думами и воспоминаниями о нем.

Он был всем смыслом ее жизни, печальной или, по крайней мере, безотрадной до сего времени.

В самом деле, Зинаида Николаевна Миркова представляла странный тип чисто русской, но в то же время, пожалуй, наиболее присущей нашей Москве-матушке прекрасной женщины.

Рано лишившись родителей, не имея ни братьев, ни сестер, но получив от отца двухмиллионный капитал, она росла круглою сиротою, под опекою старого дядюшки, выдавшего ее замуж за человека хотя и молодого еще, но нрава крутого. В ту пору ей едва минуло восемнадцать лет. Муж, будучи женихом, ей нравился, хотя о любви и речи не могло тут быть, но и дядюшка, и он сам, да и разные старушки-кумушки уверяли, будто бы любовь сама собою придет.

Слишком молодая, еще слабая и не сознавая силы, которую могло бы ей придать ее независимое состояние, она поддавалась общим увещаниям, в которых, впрочем, все были хоть сколько-нибудь да заинтересованы, и встала под венец.

Но любовь не пришла, а напротив, муж, сдерживавшийся во время жениховства, оказался человеком неуживчивым, тяжелым и в довершение всего страдавшим ужасным недугом.

Тем не менее Зинаида Николаевна сумела безропотно перенести с ним совместную жизнь в течение пяти лет.

Смерть его она не оплакивала, не могла, да и не умела притворяться, но и не закружилась, как могла бы сделать другая, более легкомысленная натура.

Почти год она вдумывалась в свое положение и наконец как бы пробудилась: стала понемногу выезжать, занялась своими туалетами, избрав себе серьезный торговый дом Lucie Macron, в Леонтьевском, и возобновила некоторые знакомства, те, по крайней мере, которые могли еще ее интересовать.

В эту же эпоху она вновь отделала весь свой дом и изредка стала принимать у себя.

Но никто не знал истинной причины всех этих крупных трат.

Предполагали даже, что она хочет избрать себе нового мужа, но не чаяли, не гадали, чтобы эта богатая женщина, жившая всегда как олицетворение скромности, влюбилась издали, в театре, в какого-то красавца, имя которого сперва ей даже не было известно.

XIII. В «Князем дворе»

Иван Александрович провел действительно весь вечер у влюбленной в него женщины и ничем решительно не встревожил Зинаиду Николаевну, а, напротив, вел себя таким образом и так говорил, будто бы теперь прочнее, нежели когда-либо, устанавливались добрые их отношения.

Поздним вечером, напутствуемый ее лучшими пожеланиями и в особенности просьбами на другой день не мучить ее и приехать хоть к двум часам дня, возвращался он домой, соблазняясь искушением: не поехать ли ему, в этот последний вечер своего пребывания в Москве, за город?

Где в другом городе найдет он веселье «Яра» или «Стрельны»? Где мыслима, кроме Москвы, эта разгульная ночная жизнь, начинающаяся, в сущности, тогда только, когда все театры кончаются и людям давно спать пора!

Тянуло его к этому электрическому свету в темноте ночи, но он вспоминал заданную ему Пузыревым трудную задачу посдержанности свои порывы до окончания дела и решил-таки ехать домой.

Но дома, в номере известных меблированных комнат, ему не спалось, а все думалось об одном и том

же, причем невольно старался решить окончательно вопрос: в чем менее опасности?

Рассудок говорил, что Пузырев был прав. Придя к этому сознанию и порешив на другое же утро побывать у Огрызкова, а затем и выехать в Варшаву, Хмуров наконец-таки заснул, хотя и беспокойно: всю ночь ему снилось, что он должен венчаться с Мирковой, но то под венцом рядом с ним в белом платье оказывался Пузырев, то почему-то снился Савелов, который вел к нему навстречу его первую жену Ольгу Аркадьевну и молча, но насмешливо улыбался.

Курьерский поезд на Варшаву отходил по расписанию в час сорок минут дня.

В номерах были немало удивлены, когда распространился слух, что из четырнадцатого Иван Александрович Хмуров уезжает.

Коридорный Матвей Герасимов укладывал по приказанию своего любимца барина вещи, но поминутно кряхтел и повторял: «Вот тебе и раз! Не пожил с нами хорошенько и уж опять в дорогу!»

Между тем уже в одиннадцать часов утра Хмуров выехал из дому.

Сперва он завернул к Пузыреву, где, не выходя из экипажа, послал ему наверх с швейцаром свою карточку с припискою:

«Еду сегодня в Варшаву с курьерским в час сорок

пополудни. Будь на вокзале».

Оттуда он промчался к Страстному монастырю, в контору общества интернациональных спальных вагонов, и занял себе отделеице первого класса до Варшавы.

Покончив с этим, он в три четверти двенадцатого подъехал к номерам Беклемишева, более известным под своим благозвучным наименованием «Княжего двора»

Слуга, в приличной, строгой, но и красивой ливрее совершенно барского тона, почтительно встретил его, принял его пальто и доложил, что Сергей Сергеевич Огрызков у себя.

Хмуров прошел широкими, чистыми коридорами, устланными коврами и дорожками, потом по широкой и отлогой лестнице, из-под драпированной ниши которой выглядывала художественная женская статуя, обнаженная до бедер, во второй этаж. Там встретил его такой же ливрейный слуга и так же почтительно проводил его до отделения, занимаемого Огрызковым.

Огрызков в качестве одинокого и богатого человека предпочитал жить беззаботно в «Княжем дворе», чем возиться дома с людьми и хозяйством, в котором сам ничего не понимал и по которому, конечно, его бы немилосердно обкрадывали.

Хмуров велел доложить о себе.

– Пожалуйте-с! – распахнул перед ним двери лакей, и тотчас же вслед за этим послышался добродушно-приветливый голос самого Сергея Сергеевича:

– Входи без доклада, Иван Александрович, тебе я всегда очень рад.

И в самом деле, он встретил гостя с распростертыми объятиями.

– Садись. Хочешь чаю, кофе? Может, позавтракаем вместе? – засыпал он его вопросами. – Здесь, брат, кормят идеально, и если я редко дома у себя питаюсь, то единственно потому, что одиночества не терплю. Давай-ка в самом деле я распоряджусь...

– Очень жалею, но времени мало: я сегодня, в час сорок минут, еду с курьерским в Варшаву...

– Что случилось?

– Есть у меня там дядюшка-старик; захворал. Сейчас телеграмму получил, вызывает; ну, а я его единственный наследник...

– Но позволь, – взмолился Огрызков, – ты говоришь – в час сорок, а теперь двенадцати еще нет.

– Все-таки надо будет мне еще домой заехать.

– К чему это?

– А как же вещи?

– Вещи, – пояснил очень разумно Огрызков, – мы сейчас прикажем отправить ко времени на вокзал.

Они, вероятно, уложены?

– Да, их там укладывает мой номерной Матвей.

– Человек надежный?

– Безусловно, – ответил Хмуров.

– Помилуй, – добавил Огрызков, – я здесь всегда так делаю: мне надо куда ехать, я говорю, в котором часу и что именно беру с собою: этого вполне достаточно, к назначенному времени все в наиисправнейшем виде на вокзале.

– В таком случае, – согласился Хмуров, – распорядись, пожалуйста, кого бы ко мне послать?

– И посылать никого не нужно; потрудись сам спуститься вниз и переговори обо всем, что нужно, в телефон, а я пока распоряджусь насчет завтрака.

Когда Хмуров вернулся в отделение, занимаемое Огрызковым, слуга уже накрывал стол.

– Вино у меня здесь свое, – заявил Сергей Сергеевич, – так как буфета, собственно говоря, при «Князем дворе» не полагается, но есть повар, и ты сейчас сам убедишься, что есть здесь хорошо и твоему брату избалованному москвичу.

– Все хорошо, только далеко немножко от центра.

– А мне эта некоторая отдаленность даже нравится, – сказал Огрызков. – Как хочешь, здесь спокойнее, да и во всем приличнее, нежели в этой сутолоке городского центра. Мне дом мой нужен для отдыха, это

мое убежище. Мне нужен у себя прежде всего комфорт, и здесь я его нашел даже по сравнительно дешевой цене с другими первоклассными гостиницами. Нет, как хочешь, а это преостроумное учреждение!

Осмотрев все помещение, похвалив его и удивившись роскоши и дешевизне, Хмуров выбрал момент, когда слуги не было, чтобы приступить к своему делу.

– У меня к тебе большая и в то же время весьма щекотливая, хотя и не денежная просьба, – сказал он.

– Пожалуйста! В чем дело?

– Ты кое-что уже знаешь из отношений моих к Зинаиде Николаевне Мирковой, – начал Иван Александрович. – Дело в том, что вчера еще я ничего не чаял, не гадал, а сегодня получил злосчастную телеграмму. Мне каждая минута дорога, и если меня уж решились вызвать депешей, то, значит, положение дядюшки отчаянное. Ехать мне лично к Зинаиде Николаевне и ей все рассказывать – могло бы только задержать меня. Я знаю ее: она меня не отпустит, и я вынужден, так сказать, бежать. Но вот что: я не хочу ни на единую минуту оставлять ее в сомнении. Я прошу тебя, съезди к ней и разъясни ей все. Постарайся быть у нее ровно к двум и вот передай ей это письмо; тут вложено двести рублей, – видишь, при тебе заклеиваю, – это деньги на ее приют, а остановлюсь я в Варшаве в «Европейской гостинице». Впрочем, конечно, с пути

буду ей телеграфировать, а едва туда приеду – напишу подробно.

Огрызков взял конверт и выразил полнейшее согласие на все.

Между тем время шло, и завтрак был подан.

– К закуске, кроме переяславльской сельди с гарнирчиком, я ничего не велел подавать, – сказал Сергей Сергеевич. – Давай выпьем по рюмочке.

Им подали паровую осетрину, соус к которой привел в восторг Хмурова, а на второе – по прекрасно изжаренному чирку. На сладкое дали пунш глясе с мараскинчиком. Вино пили крымское.

Пошел уже второй час, и было время ехать. Еще раз по телефону справились, отправлены ли вещи Хмурова на вокзал? Получив утвердительный ответ, приятели простились, и Иван Александрович не допустил Огрызкова проводить его на железную дорогу, прося аккуратно в два быть у Мирковой.

Ему не хотелось, чтобы Огрызков помешал их последней беседе с Пузыревым.

Действительно, Пузырев уже ждал и сразу накинулся на него:

– Ты чуть не опоздал!

– Какое! Еще более четверти часа времени, – невозмутимо ответил Хмуров.

– Да, но надо же тебе билет взять, сдать багаж.

– Не беспокойся, давно все сделано. Здесь где-то должен быть человек из наших номеров. Я туда телефонировал.

Действительно, на сцену явился молодой благообразный парень в черной суконной поддевке и в высоких сапогах со сборами.

– Пожалуйста-с, Иван Александрович, – доложил он. – Тут билет-с, тут багажная квитанция, а спальный билетик, должно быть, у вас?

– У меня; вот он.

– Слушаю-с; пойду купе вам заготовлять.

– Тут уж указано которое! – крикнул ему вслед Хмуров. – Малое отделение первого класса.

– Я пока что ваши вещи там разложу.

– Ну и отлично!

Пузырев смотрел несколько завистливыми глазами на товарища, но в то же время делал вид, будто презирает все это.

– Ты без шика не можешь обойтись! – сказал-таки он ему, не утерпев.

Но Хмуров на это ничего не ответил, а только улыбнулся.

Времени оказалось мало, а приятелям надо было перемолвиться о деле.

– Ты все уладил? – спросил Пузырев.

– Да, все, а ты?

– Тоже.

– Был у тебя доктор?

– Был доктор вместе с инспектором общества «Урбэн», – пояснил Илья Максимович. – Я подвергся самому строгому, самому тщательному осмотру, и, невзирая на еще раз повторенное мною замечание, что у меня в груди какая-то страшная и щемящая боль, их врач меня признал безусловно годным к страхованию.

– Чудак ты эдакий! – наивно воскликнул Хмуров. – Если бы они страховали одних здоровых, то никакой доблести за ними бы не было.

– Чепуху ты говоришь, а нам времени немного.

– Да, пора отправляться к вагону, – согласился Иван Александрович. – Пойдем-ка!..

– Где ты в Варшаве намерен остановиться?

– В «Европейской».

– Прекрасно, так я и буду знать. А я завтра еще побываю на Лубянке, ибо не знаю, когда полис получу.

– Пожалуй, из-за этого еще будет задержка!.. – усомнился Хмуров.

– Пустяки! Обо мне не беспокойся: я свои дела все справлю, а вот ты не сядь там в Варшаве на мели. У тебя страсть везде тону задавать.

– Ну, прощай. Сейчас третий звонок, – перебил Хмуров скучные нравоучения приятеля. – Пиши же обо всем.

– Конечно, и вот еще что! – вспомнил вдруг Пузырев. – Писать я буду двух родов письма: одни, так сказать, показные, а другие для тебя лично, то есть с подробным изложением наших дел.

– Прекрасно. Вот звонят! Обнимемся. Прощай.

– То есть до свиданья!

– Ну, еще бы!

Хмуров щедро расплатился с рассыльным из номеров, еще раз махнул рукою приятелю-компаньону, и через полминуты поезд тронулся.

Тогда Пузырев вздохнул с более облегченным сердцем. Огромная забота свалилась у него с плеч. Он считал прямо-таки необходимым порвать существовавшие между Хмуровым и Мирковой отношения. Он знал, что, пока Иван Александрович будет находиться при ней, полезным для его дела ему не быть, и, как крайне зачерствелый эгоист, Илья Максимович смотрел на все в жизни только с точки зрения своей личной выгоды.

Он возвращался к себе домой со Смоленского вокзала, чувствуя себя победителем в трудной задаче и улыбаясь силе своих мыслительных способностей. Ему, в качестве человека бездушного, было даже весело представлять себе картину того горя и тех слез, которые будут вызваны в доме Зинаиды Николаевны известием о внезапном выезде из Москвы Хмурова.

Пузырев пострадал единожды в жизни от коварства женщины и навеки возненавидел их всех. Мало того: он поклялся всегда и во всем им причинять одно только зло. Обладая огромною силою воли и даже редким по выдержке характером, он не поддавался никаким женским искушениям и если подчас и сближался с какою-либо представительницею прекрасного пола, то причинял ей одно только горе за ее ласки и внимание.

Он лгал Хмурову, когда говорил ему, запугивая его, об Ольге Аркадьевне. Но он мог бы действительно в случае надобности вызвать ее и воспользоваться всем тем, что ему было известно из жизни этого супружества, чтобы обратить месть покинутой женщины в опасное против Хмурова оружие.

Впрочем, то, что испытывала Ольга Аркадьевна к своему негодяю мужу; нельзя было даже назвать жаждою мести.

Так смотрел, быть может, на вопрос Хмуров; взгляд этот разделял и Пузырев.

Она же стояла выше подобного чувства и если бы даже и сочла своею священнейшею обязанностью предупредить против Ивана Александровича любую женщину, в особенности же богатую, с которою бы он постарался сойтись, то в данном случае ей пришлось бы руководствоваться скорее долгом человеколюбия и обязанностью по совести своей.

Ольга Аркадьевна поверила когда-то клятвам любви этого изверга и согласилась выйти за него замуж. В первые два-три месяца супружества он до того был с нею и добр, и нежен, и ласков, что она отписала все свое состояньице в его пользу на случай смерти, хотя умирать, конечно, и не думала, разве только от блаженства. Но она сочла нужным это сделать, чтобы он знал и считал все ее за свое.

И вдруг она случайно сделала ужасное открытие. Это открытие подтвердилось химическим анализом и вдобавок подтвердилось старою нянею, все видевшею: муж ее отравлял, ежедневно подсыпая ей в питье какой-то медленный яд.

XIV. Зинаида Николаевна

Огрызков сдержал слово.

Вообще почтеннейший Сергей Сергеевич принадлежал к разряду людей, решительно ничего не делающих. Ему, как известно, было даже лень жить своим собственным домом, хотя средства и позволяли это вполне. Он предпочитал «Княжий двор» и полнейшую беззаботность. Но поручение, и даже довольно щекотливое, полученное им от Хмурова, его занимало. Он считал себя действительно призванным к исполнению весьма важной миссии и ровно в два часа, как было условлено, звонил у подъезда Мирковой.

Зинаида Николаевна давно уже поставила свой дом на вполне приличную и серьезную ногу.

У нее, точно в барских домах, заведен был во всем безукоризненный порядок и прислуга, как мужская, так и женская, была на подбор.

Едва успел он дотронуться до электрической кнопки у подъезда, как дверь распахнул человек в черном фраке и белом галстуке. Лицо лакея, бритое и только окаймленное черными ниспадавшими бакенбардами, сразу изменило радостное и приветливое выражение, вероятно вследствие обманутых ожиданий, на строго официальное; сам он вытянулся и сухо доложил:

– Зинаиды Николаевны дома нет-с, они не скоро будут.

Огрызков этому не поверил.

Он понял, что здесь сделано распоряжение, именно ввиду ожидания Ивана Александровича, никого не принимать, и настойчиво сказал лакею:

– Это все очень хорошо, но меня Зинаида Николаевна примет. Пойди доложи и подай им мою карточку.

Он достал из красивого бумажника, с массой наклепленных на нем золотых, серебряных и эмалированных вензелей, лоскутков картона с изображением своих имени, отчества, фамилии и адреса и совал его в руку слуге.

Но тот упирался. Видно, ему было строго-настрого приказано никого не допускать.

– Доложить-то некому, – отнекивался он и в то же время поглядывал в раскрытую дверь на улицу, боясь, как бы не подъехал запоздавший и ожидаемый гость.

В самом деле, стоило бы им тут встретиться, чтобы его госпожа была скомпрометирована.

Но Огрызков понял, что таким простым путем тут ничего не поделать. Он сказал:

– Поди, говорю я тебе, доложи обо мне Зинаиде Николаевне, что я прошу меня принять по делу Ивана Александровича Хмурова. Я знаю, что они дома и что

Иван Александрович должен был сегодня, около двух, быть здесь, но ему никак нельзя, и он поручил мне. Теперь понял?

Едва было произнесено имя Хмурова, как лицо лакея снова преобразилось и заулыбалось почти радостно, такое магическое действие производил этот человек вообще на слуг: лакейство трактиров и клубов и всяческих собраний, даже и частных домов, в нем души не чаяло.

Он пошел с докладом и вернулся почти бегом.

– Пожалуйте-с, – попросил он, помогая Огрызкову снять пальто.

В едва сдерживаемом волнении сидела молодая, красивая вдова в своей гостиной. С минуты на минуту ожидала она прибытия того человека, который как солнце освещал отныне путь ее жизни, и вдруг этот доклад... Чужой вместо него!.. Что могло это означать?.. Огрызков? Да, она помнит, она знает его, он был ей однажды представлен и даже когда-то сделал ей визит...

Страшно перепуганная, предчувствуя беду, ощущая в буквальном смысле слова физическую боль в сердце, до такой степени она была встревожена, Зинаида Николаевна устремила взор своих прекрасных глаз прямо на дверь, и ей казалось, что гость страшно мешкал, мучительно долго томил ее в ожидании.

Но вот на пороге остановился с поклоном Огрызков.

«К чему эти формальности? – думала она. – Скорее бы, скорее к делу!»

Но в то же время она привстала с диванчика, на котором ждала, и, протягивая ему руку, сказала, стараясь сдержать себя:

– Здравствуйте, Сергей Сергеевич. Прошу вас садиться.

Он сел.

Чувствуя ли или по добродушию своему догадываясь только, смотря на это красивое и теперь взволнованное лицо, какую муку бедная женщина должна была испытать, Огрызков тотчас же, не медля и без лишних фраз, приступил к делу.

– Иван Александрович внезапно вызван из Москвы телеграммою, по случаю болезни его дядюшки...

Миркова побледнела.

Сергей Сергеевич, тотчас подметив это, счел долгом прибавить:

– Он так перепуган содержанием депеши, что я же должен был его успокоить. Но ему пришлось выехать немедленно, тем более что в час сорок минут отходил курьерский поезд...

– И он не мог сам ко мне заехать на минуту? – спросила она с укором.

– В такой поспешности, страшно взволнованный, – попробовал было оправдать его Огрызков.

– Так как же к вам, Сергей Сергеевич, он успел? Он догадался и солгал:

– Не он ко мне ездил, а я был у него в минуту получения депеши. Он даже хотел к вам, но тогда уж не попал бы на курьерский поезд...

В глубокой скорби поникла она головой, но почему-то все это казалось ей игрою, шуткою, если не обманом. Она спросила:

– Где же это больной дядя? Никогда ранее он мне ни о каком дяде не упоминал...

– Его дядя в Варшаве...

– В Варшаве? – переспросила она. – Так он уехал в Варшаву... Да только проехать туда и обратно нужно четверо суток.

– Самое большое через неделю он будет обратно, – попробовал Огрызков утешить ее добрым, мягким тоном.

– Через неделю! – повторила она с такою грустью, что ему стало ее невероятно жаль.

Он позволил себе придвинуться к ней несколько ближе и, понизив голос, вкрадчиво, но ласково, как говорят с малыми детьми, которых хочется успокоить, сказал ей:

– Ради Бога, Зинаида Николаевна, не тревожьтесь

и не огорчайтесь даже. Неделя быстро промчится...

– Где быстро? – перебила она его. – В ожидании...

– Вы каждый день, еще сегодня же ночью с пути, будете получать от него известия, сперва телеграммы, потом письма...

– Письма?! – воскликнула она почти с негодованием. – Да разве вы не знаете, сколько времени нужно, чтобы ко мне дошло оттуда его первое письмо?

– А может быть, он и сам, приехав на место, убедится, что можно обойтись без него, и сейчас же вернется. Разве ему-то легко было отсюда уезжать? Прочтите, вот что он вам пишет.

– Давайте, давайте скорее!

Нервную рукою разорвала она конверт и развернула кругом исписанный лист почтовой бумаги. Оттуда выскользнули две сторублевые. Ничего не понимая, она только успела проговорить:

– Это что такое?

Огрызков попробовал было ей пояснить, но она не слушала, а жадно читала, и глаза ее наполнились слезами.

Он смотрел, как одна из них, переполнив веки, сорвалась жемчужинкою и скатилась по щеке... Но она продолжала читать и прочла все до конца. Тогда только поднесла она платок к глазам и сказала:

– Зачем это все?

Огрызков не совсем ясно понял, в чем дело и о чем она говорила. Из вежливости он счел долгом сказать:

– Мне и его-то было ужасно жалко. Уехать в такую минуту, оторваться от всего сердцу дорогого...

– Да зачем, зачем все в жизни так устроено, – повторила она более ясно и определенно свою мысль, – что едва человек приближается к счастью, к радости, оно с насмешливою улыбкою отходит от него?

– Не жалуйтесь, Зинаида Николаевна, из-за нескольких дней грусти и ожидания на судьбу и на недостаток счастья! – сказал в ответ на это Огрызков. – Вы скорее избалованы жизнью, нежели обижены ею.

– Я-то избалована?

– Простите великодушно, – продолжал он, – но я и сам-то себя считаю в некотором роде избранником фортуны, а про вас и говорить нечего. Вы прямо любимица ее.

– Легко судить со стороны!

– Помилуйте! – настаивал он вполне убежденно. – Вы молоды, красивы, свободны, богаты... Стоит вам пожелать – и десять, двадцать достойнейших людей Москвы будут искать вашей руки...

– Достойнейших! – повторила она почти с горечью. – В чем же это достоинство? Не в том ли, что у них такое же, как и у меня самой, состояние или еще

того больше? Не в том ли, что они обороты колоссальные ведут и погружены в дела, которых я не понимаю и которыми я никогда интересоваться не буду?

– Почему же брать непременно таких, Зинаида Николаевна? – спросил Огрызков добродушно. – Я, признаться, и на них смотрю с почтением, так как они двигатели торговли, промышленности, они великое значение имеют и в вопросе народного благосостояния, хотя, может быть, и не особенно интересны для дам. Но в Москве много людей, вполне соответствующих именно вашим требованиям, и вот из тех-то, я говорю, каждый счел бы себя самым счастливым в мире человеком, посвятив всю свою дальнейшую жизнь вам.

Она ничего не ответила, но после некоторого молчания решила спросить:

– Скажите мне одно только: вы друг Ивана Александровича, если вам именно, а не кому-либо другому он поручил приехать ко мне?

– Да, я с ним в самых приятельских отношениях.

– В таком случае вы, конечно, все о нем знаете, – продолжала она. – Вы знаете тоже, не кроется ли в его внезапном и столь быстром отъезде какая-либо совсем иная причина?

– Одна только причина мне лично известна, – отвечал Огрызков, – а именно та, которую я вам сообщил. Поспешность же его объясняется тем обстоятель-

ством, что дядюшка Ивана Александровича очень богат, а он его единственный наследник.

– И больше ничего? – спросила она еще настойчивее. – Тут нет никаких особенных других дел, в которые, например, была бы замешана, – договорила она застенчивее, – какая-либо женщина?

– Нет, этого нет, я вам ручаюсь! – горячо запротестовал Огрызков. – Да, наконец, подумайте только сами, Зинаида Николаевна, мыслимо ли было бы ему, пользуясь вашим расположением, – такой женщины, как вы, не то что в Москве, а, я полагаю, и во всей России не сыскать, – мыслимо ли ему и думать-то о ком ином?!

Это было так искренно высказано, что Зинаида Николаевна, взглянув на Огрызкова, невольно улыбнулась. Вообще он располагал к откровенности. Ей же так нужно было говорить о любимом человеке, что она была рада высказаться.

– Я знаю, – заговорила она, – что Иван Александрович сам по себе честнейший и благороднейший человек. Я верю ему во всем, и лучшее доказательство тому – это согласие мое выйти за него замуж. Для вас, по-видимому, это не секрет, хотя мы официально еще не обручались, так как он ждет какие-то бумаги. Но Иван Александрович представляет для многих женщин соблазн, а женщины хитры и могут так запутать

человека, что он и сам не будет знать, каким образом попал к ним в западню.

– За него я смело могу поручиться, – ответил Огрызков. – Насколько я знаю Хмурова, он далеко не из увлекающихся первой встречной женщиной. Напротив, он и осторожен, и осмотрителен.

Лучшего утешения, конечно, ему нельзя было подобрать. Разговор продолжал, разумеется, держаться все на темах исключительно близких уехавшему, когда вдруг, как-то нечаянно, Огрызков упомянул о том, что у Хмурова не мало завистников, в особенности же с той поры, как явилось предположение о скорой его женитьбе на Зинаиде Николаевне.

Услышав это, молодая женщина снова встревожилась и спросила:

– Завистников? Но почему же?

– Вы спрашиваете еще почему? – удивился Огрызков. – Разве дело и так не совершенно ясно?

– Для меня, по крайней мере, нет, – ответила она. – Вы сейчас сами мне говорили, что Иван Александрович прекрасный товарищ, что у него приятный, уступчивый и уживчивый в компании характер, что он весел, остроумен и всех ободряет в обществе. У такого человека, мне кажется, врагов даже не может быть?..

– К сожалению, Зинаида Николаевна, на деле оно совсем иначе! – воскликнул действительно с прискор-

бием Огрызков. – Хмуров – человек, которому, по-видимому, в жизни все легко дается; а есть завистливые натуры на свете Божиим, и вот этим-то завистливым натурам удача другого всегда поперек горла стоит. Что меня лично касается, я вам откровенно свое мнение высказал и всегда готов подтвердить, что Иван Александрович человек очень милый и симпатичный. Я его люблю. Но другие... Есть такие господа, которые готовы бы были его на ключья разорвать, в особенности с тех пор, как стало известно, что вскоре состоится ваша с ним свадьба.

– Вы меня пугаете! Как бы в самом деле ему не нанесли какого вреда? Может быть, вся эта внезапная поездка, болезнь дяди – все это вымысел, чтобы только удалить его на время от меня?

– Этого я не думаю, но что враги его, узнав теперь о необходимости ему неожиданно поехать в Варшаву, будут злорадствовать по этому поводу, – в этом я не сомневаюсь.

– Но кто же эти враги? Ради Бога, умоляю вас! Это слишком важное дело! Этим нельзя шутить! Вы должны, по крайней мере, предупредить меня, предупредить его, чтобы и он, и я – мы могли бы остеречься. Это ужасно!

Огрызков был очень рад хоть раз в жизни сыграть важную роль. По свойственной ему вообще болтливо-

сти он наговорил более, нежели следовало, а теперь, конечно, удержаться уже не мог.

– Главный и самый опасный его враг, – сказал он, – не кто иной, как ваш квартирант во флигеле...

– Как?! Степан Федорович Савелов? Да не может быть? Человек такой порядочный.

– Порядочный, аккуратный, если хотите, даже очень честный, – подтвердил Огрызков, – но помешанный на каких-то скучнейших принципах и вечно всем читающий мораль. В каждом деле, в каждом человеке он старается доискаться самой основы, а это редко когда до добра доводит, и лучше всего жить, как мы все живем, просто веря друг в друга и допуская, что если сами мы с изъязцем, то и в других недостатки простительны. А Степан Федорович Савелов уж кого невзлюбит, того так или иначе да доконает, и называет он это «на чистую воду вывести».

– Но почему же он Ивана Александровича невзлюбил? – в удивлении спросила Миркова.

– Как почему? Да по той весьма понятной причине, что вами он взыскан.

– По какому праву? – гордо спросила она. – Кто такой господин Савелов и как смеет он даже говорить о моем выборе?

– Вот то-то же и есть, Зинаида Николаевна! – согласился Огрызков. – Савелов всегда так претенду-

ет там, где бы ему и думать и мечтать не следовало бы. А впрочем, все это выеденного яйца не стоит-с... Сегодня ночью ждите с дороги депешу, завтра другую, а едва Иван Александрович в Варшаву прибудет и толком положение дел разузнает – сейчас же вам подробнейший отчет.

– Нет, подождите, Сергей Сергеевич, я вас не пущу. Мне еще надо все это выяснить.

Он сел покорно и ждал.

XV. Твердое решение

Сергей Сергеевич Огрызков вообще был болтлив по природе. В данном же случае он настолько симпатизировал Мирковой, что счел даже своею священнейшею обязанностью точнее определить самых опасных врагов ее возлюбленного Хмурова.

Таким образом, он явился вдруг помощником отсутствующего Ивана Александровича, и помощником даже весьма полезным.

– Степан Федорович Савелов, – заговорил он снова, когда Зинаида Николаевна уговорила его еще остаться, – не без причины ненавидит, по крайней мере теперь, Ивана Александровича.

– Неужели же, – воскликнула она в крайнем удивлении, – Степан Федорович хоть минуту единую считал себя вправе думать, что я когда-либо обращаю на него особое внимание?

– По-видимому, оно так, – подтвердил Огрызков. – Я даже уверен, что и флигель-то в вашем доме он снял не без цели.

– Какая же цель?

– Он надеялся на более близкое знакомство, на более простые, то есть не столь официальные, отношения, на прием у вас в доме в качестве почти своего

человека...

– Да? – переспросила она. – В самом деле! Смешно даже подумать! Господин Савелов в конце концов рассчитывал, что смирно и одиноко существующая еще молодая вдова если не влюбится в него за его личные достоинства, то хоть от скуки выйдет за него замуж. Не так ли!

– По-видимому.

– Жестокое разочарование! – с почти злобною усмешкою сказала она. – Вы можете ему это передать, Сергей Сергеевич. Для меня господин Савелов никогда ничем иным не был, как еле-еле знакомым и отнюдь не интересным человеком. Теперь он мой квартирант, но надеюсь, что и от этой чести он меня скоро избавит. Мне, признаться, неприятно знать, что в двух шагах от меня живет личность, ненавидящая того человека, который скоро будет моим мужем. Что же касается его злобы против Ивана Александровича, то в моих глазах она совершенно бессильна, и я только не советовала бы господину Савелову особенно громко клеветать на человека, который всегда сумеет за себя и за свою честь заступиться.

Огрызков смотрел на Зинаиду Николаевну и был поражен столько же твердостью ее речи, сколько и всем ее видом.

В эту минуту она была не только хороша, а даже

обольстительно прекрасна.

Щеки ее запылали румянцем, чудные глаза заискрились и как бы еще расширились. Не было сомнения, что в случае чего – она сама сумела бы отстоять честь того человека, которого любила и в честь которого, разумеется, верила. С другой стороны, она сразу расположилась в пользу Огрызкова только потому, что он явно был на стороне ее избранника. Желая выразить это и поблагодарить его за участие, она, прощаясь, просила его приезжать сколько можно чаще. Она сказала ему:

– Кроме того, вы мною уполномочены объявить всем и каждому, кто бы ни вздумал заинтересоваться мною и Иваном Александровичем, что вопрос о нашей свадьбе решен между нами бесповоротно и что официальное обручение состоится тотчас же по возвращении его в Москву.

Огрызков откланялся и уехал.

Он едва дождался вечера, то есть обычного обеденного часа в Эрмитаже, чтобы все разболтать поскорее и поделиться со знакомыми и приятелями пикантными, интересными новостями.

И в этот, и в два-три последующих дня он всем и каждому повторял от начала до конца всю историю, причем от одного только Савелова скрыл ту часть своей беседы с Мирковой, которая касалась его.

Таким образом, Степан Федорович, ничего не подозревая, знал только факт внезапного отъезда Хмурова и объявления Мирковой о предстоящем ее браке с ним.

– Тут что-то странное во всей этой истории, – сказал он и стал расспрашивать Огрызкова, особенно интересуясь подробностями его беседы с Иваном Александровичем.

– Эх, – заметил ему в конце концов тот, – тебе бы судебным следователем быть, право!

Но Савелов ему ничего на это не ответил, а, встревоженный более, нежели когда-либо, поехал к своему приятелю полковнику.

– А я к тебе собирался, – встретил его тот у себя.

Когда они уселись, Савелов рассказал ему все, что сейчас слышал от Огрызкова, и прибавил:

– Хоть убей меня, а я чую тут какую-нибудь подлость. Этот гусь неспроста уехал, именно в такой момент, когда присутствие его при Зинаиде Николаевне, казалось бы, становилось наиболее необходимым.

– А я кое-какие сведеньица, со своей стороны, тоже получил.

– Что ты говоришь?

– Очень просто, – с невозмутимым хладнокровием ответил полковник. – Говорю, что сам вот сейчас собирался к тебе ехать. К обеду тебя поджидал...

– Никак не мог. Заговорился с Огрызковым. Все его расспрашивал. Ведь, оказывается, Хмуров его к Зинаиде Николаевне посылал. Никак я приехать к тебе раньше не мог.

– А напрасно. Нет, в самом деле! Была каша гречневая, какую ты любишь, рассыпчатая; борщ, а потом на жаркое телячьи котлеты отбивные...

Не это интересовало Савелова. Он спросил:

– А какие известия ты получил? Не томи, пожалуйста.

– Зачем томить, да и волноваться опять-таки дело вредное, – вразумительно пояснил он. – Вот давай чайку попьем, и я тебе все по порядку расскажу.

Но Савелов выходил из себя. Он встал с широкой оттоманки и, подойдя к письменному столу, за которым сидел полковник, сказал ему:

– Твоя флегма хоть кого из терпения выведет! Ведь ты отлично знаешь, что каждый вопрос, касающийся этого человека, для меня чрезвычайно важен. Ты слышишь, что он куда-то поспешно бежал из Москвы, даже и не простившись лично с женщиною, готовою ему доверять и все свое состояние, и всю свою жизнь! А, ты улыбаешься...

– Я улыбаюсь твоей поспешности, – сказал полковник. – Садись и слушай, если тебе чаю еще не хочется.

Савелов сел, но полковник не сразу еще приступил к делу. Он поправил свечи на письменном столе, закурил папиросу, два раза затынул полную грудь и, наконец, глядя прямо на приятеля, сказал:

– Хмуров действительно оказывается бродягой, да еще высшей руки.

– Но факты, факты!

– Есть и факты.

– Например? Что же именно?

– Для начала хотя бы то, что он давно женат законнейшим образом...

Савелов так и привскочил на оттоманке, так сильно поразило его это известие.

Полковник как ни в чем не бывало продолжал со свойственным ему хладнокровием:

– Жену его зовут Ольгой Аркадьевной, она еще молодая женщина, всего двадцати шести лет, дворянка, дочь помещика в Тамбовской губернии, имеет капиталец, но он, то есть сам Хмуров, никогда в Тамбовской губернии имением никаким не владел. Три года, как разошелся с женою; ходят какие-то смутные слухи, будто бы он даже пытался ее отравить, но доказать этого нельзя. Сейчас живет она в Тамбове.

– Да ведь это прямой каторжник! – воскликнул Савелов, до глубины души возмущенный.

– Чего говорить! Хуже бродяги! – согласился и пол-

ковник.

– Нельзя терять ни минуты времени! – решил Степан Федорович.

– Что ж ты хочешь делать? – спросил его полковник.

– Как что? Понятно, предупредить прежде всего Зинаиду Николаевну.

– А удобно ли это будет?

– В таком случае, когда человеку угрожают обманом, преступлением, – воскликнул Савелов, – я полагаю, нечего думать об удобствах, в какой именно форме ее предупредить, а надо действовать, надо торопиться ее спасти.

– Прекрасно, – все так же невозмутимо сказал полковник. – Ты, стало быть, пойдешь к Зинаиде Николаевне и прямо ей так и выложишь все, что от меня сейчас слышал?

– Конечно...

– А я полагаю, что это будет несколько преждевременно, – воспротивился полковник.

– Но почему же?

– Женщина, друг мой, прежде всего действует под влиянием своих чувств...

– Допускаю, – перебил речь своего разумного друга Савелов, – но когда женщине честно и открыто говорят, что она на краю пропасти, когда перед нею срывают смелую рукою маску, в которой нагло щеголял

негодяй, тогда – уж извини меня – никаким любовным чувствам не может быть места, и на смену им являются ненависть, презрение, даже жажда мщения.

– Извини меня, – ответил с обычными расстановочками полковник, – но я, не говоря, конечно, о Зинаиде Николаевне в частности, а обо всех женщинах, так сказать, в целом, придерживаюсь совершенно противоположного взгляда...

– То есть как это? Я что-то не совсем тебя понимаю.

– Да вот как: барыни, на мой взгляд, могут наказывать презрением, ненавистью или могут жаждать мести только за измену им лично. Все остальное, пока мил человек сам по себе, в их глазах никакого серьезного значения не имеет, и я мог бы назвать тебе миллион случаев, в которых женщины еще сильнее привязывались к человеку после того, как узнавали о нем даже ужасы...

– Все это я тоже допускаю, – сказал Савелов, – но при одном условии...

– А именно?

– Оно возможно и почти всегда даже так бывает в тех случаях, когда женщина уже отдалась совсем человеку, то есть когда она всецело принадлежит ему. Тут же...

– Ты полагаешь, этого еще нет? – спросил с расстановочкой полковник, пристально поглядывая на при-

ятеля.

– Конечно, нет.

Полковник опустил глаза и, взяв карандаш в руки, начал что-то машинально чертить по лежащему на столе листу бумаги.

Молчание, однако, продолжалось недолго, и первым нарушил его Степан Федорович.

Он спросил:

– А как бы ты думал поступить, если не предупредить ее? Неужели так и оставить дело? Неужели так и дать ей впасть в обман заведомого нам с тобою мошенника?

– Зачем же? Выручить барыньку очень даже следует:

– Но как?!

– По-моему, так очень просто. Надо нам выписать из Тамбова законную супругу этого господина, и пусть она самолично явится к Зинаиде Николаевне да и выложит перед нею свое метрическое брачное свидетельство.

Предложение несколько озадачило Савелова. Он задумался, помолчал немного, даже встал с дивана и прошелся по комнате. Наконец, остановившись перед письменным столом, за которым полковник продолжал невозмутимейшим образом чертить какие-то арабески, он сказал:

– Предложение твое было бы хорошо, если б не два препятствия.

– Например?

– Первое заключается в невольном вопросе: кто же именно и по какому праву напишет в Тамбов несчастной, покинутой жене?

– Как кто? Да ты же.

– Это невозможно.

– Почему?

– Да я не вправе...

– Однако ты считаешь себя не только вправе, – возразил полковник, – но, кажется, даже обязанным предупредить Зинаиду Николаевну?

– Это дело другого рода.

– А именно?

– Зинаида Николаевна – наша общая знакомая, – пояснил Савелов. – Зинаиде Николаевне угрожает обман, и предварить ее от таковых следует, тогда как по отношению к жене этого негодяя мы ведь только можем одно сделать: констатировать факт обмана, уже совершенного ее предателем мужем.

На этот раз полковник помолчал и, пораздумав спросил:

– Ты упоминал о двух препятствиях: каково же второе?

– А второе, на мой взгляд, заключается в том, что

время в подобных случаях вообще дорого и терять его по-пустому ни в каком случае не подобает. Почему мы знаем, чего там успел уже натворить этот ужасный человек?!

– Как знаешь, – сказал полковник, бросая карандаш и вставая из-за стола.

И сразу, чтобы переменить разговор, в котором, повидимому, другого мнения, кроме высказанного, у него быть не могло, он предложил:

– Что же чаю, хочешь?

– Нет, спасибо, – отказался Степан Федорович. – Притом я так устал, что хочется домой, лечь пораньше и привести в порядок все эти мысли мои...

– Как знаешь, – повторил еще раз полковник, дружески пожимая протянутую ему на прощание руку.

Савелов действительно уехал к себе в сильном волнении.

Еще не было поздно. Всего девятый час вечера в начале. Но дорогою уже он принял решение и дома немедленно же приступил к его исполнению. Он взял лист своей лучшей почтовой бумаги, плотной, как пергамент, украшенной действительно художественным вензелем, и написал следующее:

«Милостивая государыня Зинаида
Николаевна!

Дело огромной важности, в зависимости с

которым, как я слышал, находится вся будущая жизнь Ваша, приняло столь серьезный оборот, что я считаю обязанностью моей совести немедленно же предупредить Вас о предстоящей Вам опасности.

Весь завтрашний день я не выйду из дому, по крайней мере до получения от вас извещения, в котором часу Вам будет угодно меня выслушать.

С чувством самого глубокого уважения и совершеннейшей преданности имею честь быть, милостивая государыня, Вашим покорнейшим слугою.

С. Савелов».

Вложив письмо в столь же изящный конверт и подписав адрес Зинаиды Николаевны Мирковой, Степан Федорович приказал своему слуге доставить его немедленно по назначению.

Признаться, он ждал ответа сейчас же. Он даже слуге своему так и ответил на вопрос: дожидаться ли или нет? – чтобы он сказал, будто бы не знает и барин-де ничего не говорил.

Но человек вернулся с пустыми руками и только доложил:

– Снес-с.

– Что же тебе сказали?

– Ничего не сказали-с.

– Не может быть. Да ты письмо кому отдал? – спро-

сил еще Савелов.

– Ихнему человеку отдал-с, Степан Федорович. Агафону прямо в руки отдал.

– Ну и что же?

– Он спрашивал: ответа, что ли, говорит, будете дожидаться?

– А ты так и ушел?

– Никак нет-с. Говорю: барин мне ничего не сказывал, там увидите, как прикажут Зинаида Николаевна: дожидаться ль мне от них ответу или не нужно.

– Ну а потом?

– Агафон снес письмо туда в комнаты к Зинаиде Николаевне, потом, так немного погодя, вышел ко мне и говорит: можете идти-с.

– Ты и ушел?

– Ушел-с, Степан Федорович, сами изволили приказывать, – оправдывался лакей.

Но оправдания его были излишни: Савелов и сам его ни в чем не обвинял, хотя и был в тревоге. С час прождал он еще ответа и лег наконец: он старался успокоить себя тем, что ответ будет завтра.

XVI. Ответ Мирковой

Но тщетно прождал весь следующий день Степан Федорович Савелов известий или ответа на свое послание к Зинаиде Николаевне.

По временам ему казалось, что она письма его совсем не получила. Нельзя было, полагал он, обойти молчанием его честное предложение. К тому же время было дорого, и он понять не мог, как в данном случае поступить?

У Зинаиды Николаевны происходило в это время следующее.

Действительно, как предупреждал ее о том Огрызков, она получила в первую же ночь по отъезде Ивана Александровича Хмурова подробную депешу. В ней и в последующих телеграммах выражено было столько любви, столько горя от внезапной разлуки и столько мольбы не забывать его, отсутствующего, что молодая женщина откинула всякие подозрения и верилась избраннику своего сердца более нежели когда-либо. Чистая душою, она ездила молиться за путешественного и, коленопреклоненная, лила тихие слезы перед святыми иконами о здравии и благоденствии того, кого любила больше всего на свете.

Так прошло три дня, в течение которых было полу-

чено четыре телеграммы и еще раз Огрызков проведal ее.

На этот раз Миркова приняла Сергея Сергеевича радушно и любезно, словно ближайшего родственника и, во всяком случае, как весьма дорогого гостя. А дорогой гость, с целью, вероятно, доказать, что все это им вполне заслужено, счел долгом вновь ей отпартовать о тех слухах, которые вызвал внезапный отъезд из Москвы его друга. Конечно, он сообщал при этом и о своем заступничестве за отсутствующего.

Посещение же Огрызковым Мирковой совпало как раз с тем третьим днем по отъезде Хмурова, когда он встретился с Савеловым и продолжительно беседовал с ним по сему поводу.

Зинаида Николаевна, более нежели когда-либо настроенная в пользу человека, которого любила и, благодаря этому, считала для всех остальных на недосягаемой высоте, только улыбалась презрительно, когда Огрызков ей сообщал о том несомненном волнении, которое выказал в этот день перед ним жилец ее флигеля, Савелов.

Таким образом, ничего не было особенно мудреного в том, что к письму жильца из флигеля она отнеслась с чрезвычайным равнодушием и даже не ответила на него.

Савелов же, со своей стороны, прождав целые сут-

ки, терпеть долее не мог, тем более что провел все это время у себя дома в полнейшем одиночестве. В девятом же часу, как и накануне вечером, он вторично послал своего слугу к Зинаиде Николаевне, приказав почтительнейше просить на вчерашнее письмо ответа.

На этот раз слуга долго не возвращался, а когда явился наконец, то доложил, что Зинаида Николаевна приказали сказать, что ответ будет завтра.

Крайне удивленный, Савелов всю ночь не находил себе покоя. То казалось ему, будто бы в этом ответе слышалась угроза или, скорее, бравада перед ним, то он представлял себе в самой яркой форме все, что должно произойти, едва Миркова узнает свою ужасную ошибку.

Но Зинаида Николаевна вещи понимала несколько иначе. Была ли она сама чересчур уж уверена в Иване Александровиче или просто-напросто не хотела и опасалась услышать о нем что-либо чересчур дурное, только она не без умысла отмалчивалась на странное и в то же время несколько смелое послание Савелова. Она поджидала Огрызкова с целью посоветоваться с ним, а так как Степан Федорович настаивал на ответе, тогда как Сергей Сергеевич не приезжал, она и решила послать к нему и на другой день пригласить его к себе.

Вечно праздный Огрызков чрезвычайно гордился своим участием в деле Мирковой. Едва явился к нему в «Княжий двор» посланный от Зинаиды Николаевны и доложил о ее просьбе пожаловать, как он заторопился и радостно заволновался от предчувствия чего-то нового.

Всего ведь за два дня перед тем он сам просил ее в случае малейшей надобности немедленно присылать за ним нарочного гонца.

Гонец явился, значит, встретилась и надобность, чего было достаточно вполне для возбуждения его любопытства.

– В чем дело? Что случилось? – по приезде к Мирковой вопрошал он запыхавшимся голосом еще за две комнаты и так поспешно шаркая короткими толстыми ногами, что при всей его тучной фигуре оно выходило особенно комично.

Невольню Миркова улыбнулась, и, протягивая ему навстречу руку, она сама почти шутливо ответила:

– Из неприятельского лагеря делают нападение. Я к вам за советом.

Он поцеловал ручку и сел в глубокое кресло. Однако же он долго еще не мог отдышаться, до того поспешно стремился сюда.

Она же рассказала ему, в чем, было дело, и в подтверждение своих слов передала ему подлинное

письмо Савелова.

– Позвольте взглянуть, – сказал он, принимаясь читать уже известное послание.

Потом, не выпуская его из рук, он сказал: – Странная вещь! Много нужно в самом деле смелости, чтобы брать на себя такого рода дела.

– Не правда ли? – подтвердила и она.

– Конечно! Но с другой стороны – а ведь я знаю Савелова, – он человек, быть может, несколько скучный, педант, человек вообще тяжелый, но безусловно честный. Многие же, даже в нашем кругу, считают его умным. Как совместить со всем этим такого рода бестактное письмо?

– Самомнение, – сказала Миркова, – и больше ничего, верьте мне.

– Да, иначе трудно объяснить, – согласился Огрызков. – Или же разве...

Но он сам остановился, точно возмущенный своим предположением. Тем не менее тон этих последних слов не ускользнул от Мирковой, и, как бы испугнутая, она спросила:

– Или же это?..

– Нет, я не смею, я не хочу допустить подобной мысли, – отнекивался он.

– Но в чем же дело? Умоляю вас, говорите! – воскликнула она.

– Я просто хочу сказать, – набрался он наконец храбрости, – что для такого человека, каков Савелов, должны существовать какие-либо уж очень серьезные данные, если он считает себя вправе предупредить вас о какой-то предстоящей вам серьезной опасности.

– Вы верите?

– Я не верю, Зинаида Николаевна, нет, не верю, чтобы опасность действительно существовала; но чем более вдумываюсь в это дело, тем более убеждаюсь, что Савелов не мог написать вам подобного письма по глупости и что для него, по его личным понятиям и убеждениям, какая-то опасность и существует, иначе он никогда бы не посмел...

Но на этот раз речь Огрызкова перебила сама Миркова. Она встала с места и, в гордой позе стоя в двух-трех шагах от своего гостя, сказала ему твердо и отчетливо:

– Существует ли, нет ли для меня опасность в воображении какого-то господина Савелова, для меня безразлично. Я никогда не унижусь даже до любопытства узнавать, что именно он хотел мне сказать этим глупым письмом. Я считала бы позором для себя и оскорблением для Ивана Александровича малейшую попытку с моей стороны узнавать или выслушивать в его отсутствие от кого бы то ни было какие-то откоро-

вения или тайны, касающиеся его лично. Я знаю его одного и верю одному ему. Даже вам, Сергей Сергеевич, если бы вы вздумали сегодня или когда-либо измениться по отношению к нему, если бы вы тоже сочли нужным, для моего же якобы спасения, мне что-нибудь о нем сообщать, даже вам в таком случае я бы отказала от дома. А чтобы раз навсегда лишить господина Савелова охоты вмешиваться в дела, его не касающиеся, я сейчас же сделаю необходимое распоряжение.

Твердую поступью подошла она к электрической кнопке, вделанной в стене, и позвонила. Вошедшему слуге она приказала:

– Послать ко мне сейчас же управляющего. Он должен быть в конторе.

– Слушаю-с.

Огрызков любовался Зинаидою Николаевною и думал про себя:

«Вот это любовь! И счастливцев же в самом деле ты, Иван Александрович, если такая баба, можно сказать, первая на всю Москву, так в тебя беззаветно втюрилась».

Но вслух он говорил:

– Господи Боже мой, Зинаида Николаевна, вы даже и меня-то уж готовы заподозрить в измене. Клянусь вам...

Он клялся в своей преданности отсутствующему другу и ей самой, пока не явился управитель. То был высокий, седой, плотный и несколько строгий на вид старик. Смотрел он всегда прямо на того, с кем говорил, не отвлекаясь ничем по сторонам. Миркова относилась к нему с уважением и называла его всегда не иначе как по имени-отчеству.

– Здравствуйте, Кирилл Иванович, – встретила она его, приветливо отвечая на его почтительный поклон.

– Изволили требовать? – спросил он, не сводя с нее глаз и как бы даже не замечая присутствия в комнате стороннего лица.

– Вот в чем дело, – заговорила она поспешно, точно с ним ей было несколько неловко. – Я вас попрошу лично самому отправиться во флигель к Степану Федоровичу Савелову и сообщить ему мое желание в возможно ближайший срок очистить помещение...

Управитель точно вздрогнул, до такой степени поразило его распоряжение домовладелицы.

– Имеется контракт, – доложил он, – даже с неустойкою...

– Что ж делать, – ответила она, отворачиваясь от него и отходя в другой конец комнаты. – Мне это помещение теперь самой и безотлагательно нужно. Неустойку вы ему внесете...

– Господин Савелов, можно сказать, немало потра-

тились при въезде к нам на квартиру и даже многое переделывали и отделявали за свой собственный счет.

Миркова очень внимательно рассматривала какие-то цветы в жардиньерке и ответила равнодушно:

– Что же? Возместите ему все его убытки, вот и все.

Но управляющий не уходил. Все молчали, и даже Огрызков чувствовал какую-то неловкость.

– Может, позвольте им самим к вам явиться для объяснения? – спросил Кирилл Иванович, видимо желавший избавиться от полученного поручения.

– Боже вас упаси! – воскликнула Миркова так горячо, что оба присутствующих даже вздрогнули. – Я поручаю вам исполнить это сегодня же, сейчас же даже, так как он ждет, чтобы я прислала к нему...

– Слушаю-с, – поклонился управитель в знак прощания и направился к двери.

Но не успел он еще перейти в следующую комнату, как Зинаида Николаевна вернула его.

– Еще попрошу вас вот о чем, Кирилл Иванович, – сказала она. – Если бы господин Савелов вздумал вас расспрашивать о причинах такого решения с моей стороны, то вы скажите ему, что это ответ на его письмо. В доме же всем слугам и всем служанкам строго-настрого сейчас же воспретите принимать от него на мое имя какие-либо новые письма и тем более его

самого.

Управитель невольно подумал, что Савелов позволил себе непростительную выходку по отношению к Зинаиде Николаевне, и, стоя всегда и во всем на страже интересов своей доверительницы, он на этот раз убежденнее прежнего сказал:

– Слушаю-с.

Едва он вышел, Миркова обратилась к Огрызкову.

– Послушайте, – сказала она. – Я не знаю, какую интригу приготовили против Ивана Александровича, но я знаю одно: кто раз допустил в сердце свое сомнение, тот станет жертвою самых мучительных подозрений. Пусть даже Савелов и знает нечто такое, о чем и я, по его мнению, должна была бы знать. Если оно так, если это что-либо дурное, даже страшное, Иван Александрович сам мне все, несомненно, откроет. Я верю ему одному, и никакая клевета, никакое обвинение не может и не должно нарушить то чувство безграничной любви, которое этот чудный человек сумел пробудить во мне к себе.

– Счастливец!

– О да, я бы желала, чтобы он навсегда был счастливецом! – горячо воскликнула она.

Ее чудные глаза предвещали не только надежду на счастье, но и уверенность в нем. Помолчав немного, она добавила:

– Об одном прошу вас, Сергей Сергеевич, сумейте и вы стать выше окружающей вас толпы. Сумейте не только не расспрашивать о сущности тех обвинений, которые люди из зависти, злобы и досады хотят обратить на него, но имейте мужество, если бы даже кто из них сам пришел к вам с рассказами, сказать им, чтобы они все это высказали бы ему в глаза. Дайте мне вашу руку, Сергей Сергеевич, и оставайтесь честным другом человека, который в серьезную минуту жизни обратился к вам, а не к кому другому, с доверием.

Он не только взял протянутую хорошенькую и холеную женскую руку, а даже решился поцеловать ее. И так ему было хорошо от этого поцелуя, что в данную минуту он действительно мнил себя призванным на защиту честного отсутствующего товарища, который временно лишен возможности сам за себя постоять.

Огрызков уехал от Мирковой с гордостью в душе, ибо он сознавал все свое благородство и готовился первому, кто только невыгодно заговорит в его присутствии об Иване Александровиче Хмурове, зажать рот резким и ловким ответом.

А в то же время доложили Степану Федоровичу Савелову о приходе к нему управляющего по поручению Зинаиды Николаевны.

В несказанном волнении вышел он сам навстречу к старику и, приведя его в свой кабинет, просил садить-

ся.

Но Кирилл Иванович не сел. Глаза его неприветливо, по обыкновению и строго, и с укоризною, смотрели прямо в лицо Савелову, и, выждав с добрую минуту, как бы всматриваясь впервые в эти черты, он наконец спросил:

– Вы писали Зинаиде Николаевне?

– Да, писал по крайней важности и жду с минуты на минуту от нее ответа.

– Ответ я принес...

– Позвольте, в таком случае, – нетерпеливо обратился к старику снова Савелов.

Кирилл Иванович еще более выпрямился, отчего показался вдруг совсем уж огромного роста, еще строже уставился глазами в Степана Федоровича и сказал строгим голосом:

– Зинаида Николаевна просит вас по возможности немедленно очистить квартиру...

– Что? Что такое? – переспрашивал, словно не услышав, Савелов.

Старик повторил и даже прибавил с особенною отчетливостью:

– Кроме того, доверительница моя приказала вас просить не беспокоить ее впредь никакими письмами и лично ее не посещать. Что же касается относительно неустойки и понесенных вами убытков от отделки

этой квартиры вами за свой счет, то мы согласны будем вам все сполна уплатить.

– Но что же это, что это такое? – воскликнул в несказанном отчаянии Савелов. – Зинаида Николаевна себя губит, она не знает, что творит.

– Не могу знать, – ответил старик, – мне приказано только передать вам ответ на ваше письмо. Просим квартиру немедленно очистить.

И, поклонившись, он вышел.

XVII. В театре Шелапутина

Остальную часть дня Огрызков провел у Кисы, которую видел часто с той встречи у Марфы Николаевны. Только перед вечером заехал он к себе домой, освежился, умылся, переоделся и, расфранченный, в новом сюртуке от лучшего московского портного, отправился в Шелапутинский театр.

Кресло первого ряда было им взято еще заранее, с утра, так как он по опыту прекрасно знал, что оперетка Блюменталь-Тамарина с дирекцией Шиллинга и симпатичной г-жой Никитиной делает такие сборы, что к началу представления почти никогда приличного места не достать.

Давали в этот вечер оперу Леонкавалло «Паяцы» с г-жой Милютиной и гг. Форесто в роли Тонио, Фигуровым в роли Сильвио, Стрельниковым в роли Беппе и, наконец, известным тенором Кассиловым в роли несчастного ревнивца Канио. После «Пяцев» шла оперетка «Наши Дон-Жуаны».

В особенности в этом театре его интересовали оперы, и от предстоящего спектакля он ждал много любопытного.

Когда в первый раз шли «Паяцы» у Блюменталья-Тамарина, Огрызков не мог быть, так как вечер этот сов-

пал с каким-то другим первым представлением. Наконец на этот вечер ему удалось заполучить билет.

Он вошел в четверть девятого, когда увертюра только что была сыграна и едва успели поднять занавес.

Зрительный зал был, по обыкновению, переполнен сверху донизу. Все ложи, все кресла были заняты, а с верхов смотрели на сцену тысячи блестящих глаз, по преимуществу учащейся молодежи.

Кресло Огрызкова было почти крайним в первом ряду у среднего входа.

Едва успел он занять свое место, как раздались из-за кулис звуки рожка, оповещающего приближение странствующих комедиантов, и на сцену въехала тележка, в которой, как куколка, сидела хорошенькая блондинка с огромными, дивными глазами. Толпа на подмостках приветствовала рукоплесканиями прибытие комедиантов; толпа в зрительном зале присоединилась горячо и единодушно к ней, приветствуя артистов.

Сергей Сергеевич в качестве истого жуира и прожигателя жизни любил бывать в театре при переполненном сверху донизу зрительном зале. Успех представления становился еще очевиднее от громких восторгов массы собравшегося народа. Но он осмотрелся кругом, по креслам первых рядов, по ложам, нет ли

где знакомых?

Невдалеке от него сидел полковник, приятель Савелова, и Огрызков сразу счел лучшим совсем с ним в антрактах не разговаривать – ввиду данного Мирковой обещания.

Первый акт шел своим порядком. Партию Недцы и заключительную арию Канио пришлось артистам повторить по настойчивому требованию всей публики. Единодушным вызовом, казалось, не будет конца. Даже и тогда, когда большинство благоразумных зрителей остепенилось и разбрелось по обширным фойе и буфетным залам, даже и тогда оставались многие, настойчиво вызывавшие г-жу Милютину и г. Кассилова.

Огрызков вышел.

В прилегающих к зрительному залу помещениях двигалась и журчала, словно морская волна, густая толпа разношерстного люда. Спустились сюда и с верхов.

Сергей Сергеевич здоровался с знакомыми, но полковника избегал.

И странно было, что эти два человека знали каждый сам по себе столь много любопытного о третьем, отсутствующем, что стоило бы им только сойтись, разговориться – и дело приняло бы сразу совсем иной оборот.

Огрызков в данном случае, так сказать, самого себя боялся. Он чувствовал, что, пожалуй, не утерпит и сболтнет, а потому и держал себя в отдалении.

Между тем спектакль продолжался все с тем же успехом. Развившаяся в первом действии драма «Паяцев» окончилась, как известно, трагедией во втором. Занавес снова опустили под гром рукоплесканий.

Но вот прошел и второй антракт. Оркестр заиграл легкий опереточный мотивчик, как-то странно звучащий после музыки Леонкавалло. На сцене пошло веселье. Хохот не умолкал в зрительном зале, и Огрызков, забыв все свои важные дела, смеялся не хуже других.

Направо, в литерной ложе бенуара, против директорской, сидела веселая компания.

То были также прожигатели жизни, довольно известные в веселящемся кругу москвичей, но лично неизвестные Огрызкову.

Когда, в конце второго действия, со сцены в зрительный зал и от публики на сцену были пущены серпантины и таким образом образовалась видимая связь между артистами и толпой, – веселье последней еще более возросло, и артистам сделаны были прямо-таки овации.

Но до конца Огрызков не досидел. Он уехал несколько усталый от этого дня и вернулся к себе до-

мой ранее обыкновенного.

Все время, пока сон наконец не сморил его, раздумывал он о Мирковой и вспоминал ее строгую и пламенную речь. Как должна любить подобная женщина, чтобы, идя наперекор присущему вообще всем женщинам любопытству, не допускать никаких слухов об отсутствующем женихе?.. Огрызков умилялся этим и все время только одно слово повторял, явно относившееся к Хмурову:

– Счастливец!

И сам он, раздумывая таким образом, решил, что, конечно, лучше всего, коль веришь в человека, не позволять никому говорить о нем дурно, не то долго ли поколебать веру и допустить сомнение. Как яд разрастется оно быстро и охватит всю душу. Тогда уже будет поздно, и доверие вновь не вернется, а с его утрату придется проститься и с собственным спокойствием.

Пофилософствовав на эту тему, Огрызков заснул с чистой совестью.

Но каково же было его удивление, когда на другой день утром человек стал его будить с докладом.

– Вас по очень важному делу желает сейчас видеть Степан Федорович Савелов.

– Что такое? В чем дело? – не сразу опомнился Сергей Сергеевич, вообще любивший поспать.

Человеку пришлось дважды повторить то же самое. Наконец Сергей Сергеевич проговорил:

– К чему ты меня будишь? Разве не мог сказать, что меня будить вообще воспрещено?

– Они просили-с. Говорят, что дело самое безотлагательное.

Огрызкову и лень было вставать, и предчувствовалась неприятность беседы о щекотливых вопросах, казавшихся ему теперь еще более запутанными, после строгого воспрещения Зинаиды Николаевны в них вмешиваться. Но делать ничего более не оставалось, и он приказал лакею:

– Приведи Степана Федоровича в кабинет, а я сейчас кое-как поприоденусь и к нему выйду.

Действительно, через десять минут он уже здоровался с гостем.

– Прошу извинить, что задержал, – говорил он, усаживаясь, – да и туалет мой...

– Я, в самом деле, несколько рано, – ответил Савелов. – Но чрезвычайная важность моего посещения может служить мне оправданием.

– Я тебя ни в чем и не виню, – успокоил его Огрызков, бывший и с ним, как со всеми знакомыми по пьяному делу, на *ты*.

– Без особых подробностей, – заговорил снова Савелов, – я должен сказать тебе, что посещение мое

связано с интересами, даже с честью и со счастьем женщины, которую ты знаешь и доверием которой ты пользуешься.

«Ну, так оно и есть!» – подумал Огрызков, все еще почему-то надеявшийся, что дело у Савелова к нему иное.

– Я убедился теперь, что Хмуров затеял с Зинаидой Николаевной чересчур опасную игру.

Огрызков чувствовал себя чрезвычайно неловко. Он боролся между любопытством и данным Мирковой обещанием, но, к чести его надо упомянуть, в конце концов последнее взяло верх, и он все-таки попробовал сказать:

– Все, что ты мог бы мне сообщить о Хмурове, конечно, одни только смутные слухи о каких-то его долгах или вообще пустяках, не играющих никакой роли в моих глазах, а еще того менее в глазах женщины, любящей так, как его любит Зинаида Николаевна.

Савелов попытался было перебить его, но Огрызков этого не допустил. Он продолжал:

– Извини, пожалуйста, я не договорил, кроме того, должен тебя предупредить, что Зинаида Николаевна напрямик вчера мне заявила, чтобы я и не думал и не осмеливался бы ей никогда, ни при каких условиях передавать то, что мне скажут о ее женихе.

– Но что же это, наконец? – воскликнул Савелов. –

Она окружает себя какую-то каменной стеною. К ней правда не имеет доступа, она ходит с повязкою на глазах и предпочитает ринуться в пропасть, нежели узнать истину. Это ужасно!

– Говори что хочешь, – вздохнул Огрызков. – Это ее логика, и я, пожалуй, сам с нею вполне согласен.

– Ты согласен?

– Совершенно. Посуди сам: допусти только раз сомнению пробраться к тебе, и кончено с доверием, даже к предмету самой пламенной любви.

– Доверие! – почти вскрикнул Савелов. – Да посуди ты, напротив, сам, о доверии к кому идет речь?

– Как к кому? Он ее жених, он избранник ее сердца...

– Но он мерзавец!

– Может быть, в твоих глазах, но не в ее мнении, да и не в моем. Ты смотришь на него несколько страстно.

– Ему место на поселении...

– Уж и на поселении? Нет, друг, ты в самом деле увлекаешься.

– И не думаю. Хочешь тому доказательства, так слушай.

– Говори.

– Иван Александрович Хмуров, не поминая уж о том, что никогда не был помещиком Тамбовской гу-

бернии, давным-давно женат и, претендуя на вступление в новый брак, является двоеженцем...

– Не может быть!

– Я ручаюсь тебе за достоверность этого факта. Мало того, я могу указать тебе, где его законная жена и как ее зовут! – Ввиду молчания и оцепенения, в котором находился Огрызков, Степан Федорович продолжал: – Она в Тамбове, и зовут ее Ольгою Аркадьевною... Теперь ты что скажешь?

– Что сказать? Если это действительно так, то оно, конечно, ужасно...

– Вот видишь, – с каким-то торжеством ответил Савелов. – Оно ужасно, да; но ужаснее еще то, что Зинаида Николаевна, которой я счел долгом и, верь мне, бескорыстным долгом, открыть глаза, ответила мне оскорблением! Поверишь ли ты, что она прислала ко мне Кирилла Ивановича, своего управителя, с заявлением, чтобы я немедленно очистил ее квартиру...

Конечно, Огрызков должен был этому поверить, так как приказание накануне было отдано в его же присутствии.

– Но я не остановлюсь перед подобною ее необдуманностью, – продолжал Савелов...

– Конечно.

– Да, положение слишком серьезное, и мое личное самолюбие в данном случае должно уступить место

нашей обязанности ее спасти...

– Но как?

– Господи, ты еще спрашиваешь?! Понятно, с какой целью я приехал к тебе. Ты у нее принят. Ты пользуешься ее полным доверием. Тебе одному и можно ей открыть глаза.

Но Огрызков с сомнением качал головою. Он сказал:

– Не знаешь ты ее. Едва я заикнусь в невыгодных выражениях о Хмурове, как она прикажет мне замолчать и выгонит меня из дома так же легко, как тебе она отказывает от квартиры.

– Да разве то, что ты должен ей передать, один только пустой слух? Разве это не факт, не доказательство его вопиющего обмана?

– И все-таки я не знаю, как к ней приступить. Я никогда не решусь!

– Что за малодушие! Ты прости меня, пожалуйста, но твой долг, долг честного человека, предостеречь ее от преступления, задуманного этим негодяем. Допустим даже, что лично выразиться ты стесняешься. Напиши ей в таком случае. Ведь не можешь же ты допустить, чтобы она вышла замуж за заведомо женатого человека?

– Позволь, пожалуйста, – заметил после маленькой паузы Огрызков. – Ей я ничего не скажу и не напи-

шу. Снова повторяю тебе: она и высказаться-то мне не даст до конца. У меня другая мысль.

– А именно?

– Я вполне согласен с тобою, что если дело действительно так, если Хмуров женат и хочет ее обмануть, то на нашей совести лежит сделать все, лишь бы обман этот не удался.

– Но говори – как, как? – нетерпеливо торопил его Савелов.

– Я считаю совершенно лишним до поры до времени тревожить ее, тем более что это может оказать на женщину в ее состоянии совсем обратное действие. Я предлагаю вот что: давай, сейчас вот при тебе, я пошлю Хмурову в Варшаву телеграмму. Я спрошу его прямо, чем объяснить этот слух. Если он замышляет обман и если только история с его первою женитьбою не сказка...

– Какая сказка? Помилуй!

– Ну, и прекрасно... Тогда ведь он сейчас же перепугается и себя выдаст.

– Это идея.

– Так давай составим депешу...

Огрызков волновался от радости, что придумал такой исход. Он и сам-то от себя не ожидал подобной сметливости. Он сел к письменному столу и написал несколько строк.

– Вот так, я думаю, – сказал он, читая вслух набросанную им депешу: «Варшава, „Европейская гостиница“, Хмурову. Прошел слух, что женат. Узнает невеста. Что делать? Огрызков».

– Прекрасно, – одобрил Савелов.

Огрызков позвонил и в его же присутствии, сейчас же приказал отправить телеграмму.

– Так будет лучше, – добавил он в гордости от своей находчивости. – В подобном деле надо много сдержанности и обдуманности, а ты сразу загорячился. Вот погоди, к вечеру же явится ответ, и я немедленно тебе его сообщу.

XVIII. Дела Пузырева

Пока с одной стороны волновались Савелов и Огрызков, с другой – продолжал свои хлопоты Илья Максимович Пузырев – главное действующее лицо описываемой истории.

Оказывалось, что застраховать себя, да еще в довольно значительной сумме, совсем уж не так-то легко.

Начать с того, что в обществе «Урбэн» существовало правило подвергать каждого страхующегося в более или менее солидной сумме предварительному осмотру двух врачей.

Правда, оба представителя науки, невзирая на предупреждение инспектора Шельцера о двукратно сорвавшемся с уст нового клиента замечании относительно какой-то тревожной боли в груди, нашли его совершенно здоровым; но полис все-таки не мог быть сейчас же выдан.

– Почему же? – поинтересовался узнать Пузырев, которому не терпелось выехать с больным Григорием Павловичем Страстиным в Крым.

На вопрос этот инспектор Шельцер дал следующее вполне понятное объяснение:

– Мы здесь в Москве представляем только, так

сказать, агентство французской компании страхования жизни, резиденция которой в Париже, а управление для всей России – в Санкт-Петербурге. Теперь мы пошлем акт вашего медицинского осмотра в Петербург на утверждение, оттуда он будет переслан в Париж, и уже из Парижа вы получите подлинный полис.

– Но позвольте, – взмолился Пузырев. – Это может продлиться Бог весть сколько времени!

– В любом случае не более двух недель, – ответил господин Шельцер.

– А пока я связан по рукам и ногам? Я никуда из Москвы двинуться не могу?

– Напротив, вы свободны как ветер. Мы выдадим вам так называемое временное свидетельство, столь же действительное в случае какого-либо несчастья, как и самый полис.

– Я, стало быть, могу ехать в Крым? – спросил Пузырев.

– Куда вам заблагорассудится и куда только прикажете, туда мы вам и вышлем полис.

– Это прекрасно. Но вот еще вопрос: вы как-то говорили мне, что именная передаточная надпись на полисе может вызвать осложнения при получении страховой суммы в случае смерти застраховавшегося.

– То есть затруднения эти зависят не от нас, то есть не от общества «Урбэн», – пояснил инспектор, – а от

тех формальностей, которые требуются подлежащими властями при засвидетельствовании этого получения.

– То есть какие же формальности именно нужны?

– Бывали случаи, что требовалось, например, утверждение в правах наследства.

– А как же лучше сделать?

– Лучше всего, Илья Максимович, и уж, конечно, совершенно бесспорным является полис с бланковой надписью застраховавшегося. Этой надписи совершенно достаточно, чтобы застрахованная сумма была выдана предъявителю полиса.

– Стало быть, на этом и порешим. Позвольте вам внести деньги за полугодие и получить это так называемое временное свидетельство.

Между тем в конторе все было кончено, заготовлено и Пузыреву оставалось только уплатить деньги да получить свое временное свидетельство.

Его поздравили с окончанием дела, и он уехал, во всяком случае еще более довольный, нежели те, с кем он простился.

Теперь ему уже незачем было оставаться в Москве. Подлинный полис ему перешлют, куда он укажет. С радостной вестью отправился он к своему больному.

Григорий Павлович Страстин в качестве больного такого рода недугом, при котором человек до послед-

ней минуты все еще живет надеждою и самообманом, ждал с нетерпением, когда наконец Пузырев объявит ему радостную весть об отъезде в Крым.

В последние же дни, вероятно благодаря уверенности в скором переселении на юг, Григорий Павлович чувствовал себя значительно лучше.

По крайней мере, он ободрился и повеселел, а теперь, при входе к нему Пузырева, глаза его искрились ярче, хотя и пылали, по мнению опытного наблюдателя, болезненным блеском.

– Ну что, Илья Максимович? – спросил он с плохо скрываемым любопытством. – Как ваши дела?

Он дышал тяжело, прерывисто. Но Пузырев с умыслом заметил ему, прежде чем ответить на вопрос:

– Вы сегодня, чтобы только не сглазить, слава Богу, выглядите молодцом. Видно, ночь поспокойнее провели?

– Да, я спал после ваших порошков, – ответил больной. – Хорошие порошки, успокоительные. Где вы их добыли?

– Знакомый доктор прописал. Ну, батенька Григорий Павлович, радуйтесь теперь. Все дела мои кончены, деньги на нашу дорогу мною получены, и завтра же мы с вами двинемся по Курской дороге.

– Илья Максимович! Да неужели? Боже, какое облегчение! Благодарю, благодарю вас!

– Не меня надо благодарить, – скромно ответил Пузырев, – а другого...

– Конечно, вы правы, но все-таки все сделано вами. Богач-благотворитель обо мне и не знал бы ничего без вашего участия. Итак, завтра мы отправляемся!

– Да, в три часа дня, с почтовым поездом. Он идет несколько дольше скорого, но вам и не совсем здорова была бы чересчур быстрая езда.

– Конечно, конечно.

Больной заволновался и, вставая с кресла, в котором проводил эти последние дни, как надежды вновь придали ему хоть немного силы, сказал:

– Надо укладываться.

– И не думайте! Все сделаю я сам. Вам совершенно лишне себя утомлять.

– Какой вы добрый! Брат родной не мог бы выказать более заботы, нежели вы. Чем и когда отслужу я вам это?

В последних словах Страстина вдруг зазвучало сомнение. Пузырев поспешил успокоить его.

– Полноте, пожалуйста! Случай приведет – и отблагодарите, да еще как.

Сам же он думал в это время про себя не без иронии: «Знал бы ты только, какую я от тебя благодарность жду, так сомнение скоро бы тебя оставило. Да к чему только тревожить тебя? Живи хоть последние

недели, отсчитанные тебе здоровьем и судьбою, в покое и холе, бедняга!»

А вслух он спросил:

– Где ваше белье? Вы сидите в кресле и только приказывайте да присматривайте, как я буду ваш чемодан добром вашим упитывать. Вот в комодке мягкое белье, – продолжал он, доставая вещи. – Оно пойдет на дно чемодана; крахмальное же сверху.

Он подумал, что вряд ли в крахмальном встретится надобность.

– Затем сюда уложим вашу одежду. Что вы в дорогу хотите надеть?

– Я думаю так и ехать, в чем я сейчас, – ответил Страстин.

– И прекраснейшее дело! Стало быть, все остальное можно укладывать?

– Да, пожалуйста! Но, право, мне ужасно перед вами совестно.

– Это вы бросьте.

Он продолжал свое дело и по окончании его несколько раз переспросил, все ли и не забыто ли что? Потом он запер чемодан и присел.

– Хозяйке за квартиру я сейчас все уплачу. Вы же сегодня займитесь чем можете, почитайте хоть, если вам лучше и это вас не слишком утомляет...

– Я бы хотел проехаться по Москве. Так хочется до

отъезда побывать в тех улицах, по которым я прежде, бывало, совсем здоровым бегал бодро и весело, – пояснил он свое желание.

– Холодновато сегодня.

– Я закутаюсь потеплее, притом дорогою не буду говорить.

– Хорошо. Только в таком случае я найму вам извозчицью карету...

– Что вы, что вы? Опять какой расход из-за моей прихоти! – испугался Страстин.

– Расход пустой, о котором и говорить не стоит, – остановил его Пузырев. – Через четверть часа у ворот вас будет ждать карета. Смотрите не простудитесь. Да не хотите ли, чтобы и я с вами поехал?

– Пожалуйста!

Интонация была не только искренняя, но в ней слышалась даже радость предложению. Явившееся было у Пузырева подозрение мигом исчезло: он уже не опасался более, как бы его больной куда не заехал, и через полчаса они катили вместе по Арбату в наемной карете.

Потом кучер свернул в один из многочисленных переулков.

Станным показалось Пузыреву, зачем это Страстину понадобилось сюда ехать? Но вскоре дело разъяснилось.

– Прикажите кучеру остановиться, – попросил больной.

– Что вы хотите делать? – спросил его Пузырев. – Кто тут живет?

– Не беспокойтесь, я из экипажа не выйду, нет. Я только хотел показать вам дом, в котором жила девушка, взявшая мое сердце и, быть может, мою жизнь... Теперь она замужем, а я...

Он не выдержал и, взяв руку Пузырева, в сильном волнении сказал:

– А теперь пускай кучер едет. Я еще раз хотел увидеть этот дом, в котором тщетно надеялся найти счастье. Поедемте.

Григорий Павлович Страстин более не распространялся о пережитом им горе, да и Илья Максимович не расспрашивал его. Он давно уже знал кое-что из его романа и предполагал даже, что вся эта печальная история и являлась главной причиной его неизлечимого недуга.

Кучеру наемной кареты было приказано ехать домой, но дорогою Страстин попросил своего спутника:

– Нельзя ли, Илья Максимович, еще проехать нам по всему Кремлю? Хочется хоть ночью, при лунном свете, взглянуть и полюбоваться на гордость и красу Москвы.

Конечно, и это желание было исполнено. Наконец

вернулись домой. Больной даже от столь короткой прогулки в закрытом экипаже, а может быть, и от волнения чувствовал некоторое утомление и вскоре лег.

– Постарайтесь заснуть, – советовал ему Пузырев, – и если есть, то примите-ка на ночь еще один мой порошок. Завтра в путь, и надо для этого быть бодрым. Я тоже отправлюсь к себе, уложу с вечера мои скудные пожитки да завалюсь пораньше.

– Какой вы добрый! Чем и когда отблагодарю я вас за все? – повторял уже неведомо в который раз расчувствовавшийся Страстин.

На другой день действительно с почтовым поездом Курской железной дороги ровно в три часа дня они оба выехали на благодатный юг. Места у них были во втором классе, и дороною Пузырев старался окружить больного возможным комфортом.

По приезде на место Илья Максимович немедленно побежал искать приличное помещение, не желая жить все время в гостинице.

Он удачно попал, по указаниям местного извозчика из крымских татар, на недурную квартирку со скромной, но приличной обстановкой. Квартирка помещалась в совершенно особом флигельке, состояла из трех комнаток, к ней прилегал небольшой садик, а что касается продовольствования, то хозяева взялись доставлять своим постояльцам обед из двух блюд и

ужин из одного за сравнительно добросовестную цену.

Хозяева эти состояли из вполне приличной семьи, поселившейся сюда ради благоприятных климатических условий. Он, то есть глава семьи, что-то писал и куда-то каждый месяц отсылал под заказною бандеролью, взамен чего обыкновенно недели через две им получались по почте книги и денежные повестки почти всегда рублей на двести. Она, то есть хозяйка, была молода, симпатична и всегда улыбалась. По утрам она хлопотала по дому и, видимо, много времени посвящала кухне, а вечером она либо уходила с мужем, либо сидела перед домом рядом с ним и любовалась на море, быстро чернеющее и загадочно шумящее с наступлением ночи.

– Я должен вас предупредить, – сказал ей Пузырев, когда они порешили все остальные вопросы, то есть о деньгах, о пище и т. д., – что мой сожитель – мой друг и что на обязанности моей лежит охранение его от всяких беспокойств. Вот наши паспорта. Меня зовут Григорием Павловичем Страстиным, а его Ильей Максимовичем Пузыревым. Да, да, я именно об этом вас предупреждаю, чтобы как-нибудь не перепутать, и прошу вас, как лично, так и через прислугу, всегда за всем обращаться исключительно ко мне. Мой бедный больной друг, Илья Максимович Пузырев, должен на-

ходиться вне каких бы то ни было забот, и я даже не намерен допускать к нему прислугу, тем более что в его болезненном состоянии так возможна раздражительность. Прошу же всегда и во всем иметь дело исключительно со мною, вашим покорнейшим слугою. Меня зовут Григорием Павловичем Страстиным.

XIX. Перекрестные огни

Любарские – фамилия домовладельцев в Ялте, где Пузырев нанял квартиру, – жили своею жизнью и более возвышенными интересами, нежели праздное любопытство о соседях.

Если Пузырев особенно напирал на то, что его фамилия Страстин, то действовал он из осторожности. Эта настойчивость, впрочем, нисколько не удивила молодую хозяйку. Она сочла нужным сказать своему жильцу, что вообще и он, и его больной друг будут во флигеле предоставлены всецело самим себе и что без зова даже горничная никогда не переступит порог их домика.

Пузырев внес ей деньги за месяц вперед и поехал в гостиницу за больным, переселять его во флигель.

Но отныне для тех немногочисленных людей, с которыми и то изредка приходилось иметь дело Пузыреву, он уже не считался Ильею Максимовичем Пузыревым, а был не кем иным, как Григорием Павловичем Страстиным.

Это, конечно, требовалось для задуманного страхового вопроса. Но, само собою разумеется, больной ничего не знал.

Для удачного выполнения преступного плана Пузы-

реву нужно было поступить именно так. В этом и заключался весь его план. Но в исполнении его встречались некоторые затруднения, вследствие чего он всегда – с момента приезда в Ялту – находился как бы на страже. Малейший, пустяк вызвал бы подозрения...

Так, например, горничная в его отсутствие могла бы зачем-либо сама войти или даже просто понадобиться больному. Неминуемо она назвала бы его по имени-отчеству. Это было бы достаточно для замечания с его стороны, что она ошибается и что не он Илья Максимович, а тот, другой.

И Пузырев решил сразу, с первого же шага, принять необходимые меры к устранению подобного случая.

Он спросил служанку:

– Как тебя зовут, милая?

– Дуняшей.

– Это ты будешь прибирать наши комнаты да одежду нашу чистить и обед нам подавать?

– Я-с, барин. Опричь меня-то и некому-с. Кухарка-то по своей части.

– Вот и отлично. Я только должен тебя об одном предупредить: и меня, и товарища моего ты никогда по имени-отчеству не называй, а зови всегда «барин». Понимаешь?

– Понимаю, барин.

– Ну да, вот так, а то мы с ним этого терпеть не

можем. Затем имей в виду еще, чтобы ни за чем, ни за малостью, ни за серьезным, никогда к нему не обращаться. Всегда со всем, что понадобится, приходи прямехонько ко мне. Письмо ли придет, что бы там ни было, все ко мне. Поняла?

– Поняла-с, барин. Мне и барыня моя так же наказывала, потому, говорит, они у вас товарищ очень расстроены, и опять-таки болезнь такая...

– Ну, вот и хорошо. Помни это, а я за хорошую, исправную службу никогда тебя не забуду. И вот тебе даже для начала рублевка...

– Благодарю вас, барин. Буду стараться. Надеюсь, останетесь довольны.

А больной с дороги действительно был очень расстроен и, главное, уж очень утомлен. Первые два дня отдыха, впрочем, оказали на него столь благотворное влияние, что ему целый день хотелось проводить на воздухе.

Пузырев не сдерживал его.

Он в данном случае руководствовался соображением, что если Страстину суждено прожить еще месяц или много два, то пусть уж за это время жизнь будет ему и легка, и приятна.

Ошибочным было бы предположить, будто бы Пузырев умышленно позволял больному вредное ему, лишь бы силы его окончательно подорвались и он бы

скорее скончался.

Нет, Илья Максимович не был убийцею и ни за что в мире не согласился бы им быть.

Напротив, как оно ни странно, а даже в своих отношениях к Григорию Павловичу он несколько сентиментальничал и, во всяком случае, считал свою совесть по отношению к нему совершенно чистою.

Но что касалось, собственно говоря, дела, то есть исполнения задуманной задачи, то Пузырев держал ухо востро.

Он ни на шаг не отходил от больного друга, всегда сам во всем ему услуживал и никого к нему не допускал. Не заводя никаких знакомств, под тем предлогом, что Григория Павловича чужие люди могут только утопить, – он говаривал ему тоном нежнейшей дружбы:

– Притом я желал бы, чтобы мое общество вас вполне удовлетворяло.

Конечно, Страстин, глубоко тронутый всеми его пощениями, мог только соглашаться с ним и вновь изливаться в выражениях самой трогательной признательности.

Иногда, в весьма редких случаях, когда Страстин спал и если именно в это время Пузырев встречал молодых владельцев домика и флигеля, он непременно вскользь говаривал им:

– Мой бедный друг Пузырев причиняет мне серьез-

ные опасения.

Из чувства деликатности они его выслушивали, так же как из того же чувства сами никогда ни с чем не обращались к нему. Его спрашивали, обращался ли он к местным врачам? Он отвечал отрицательно, взваливая всю вину на упорство больного, и в подобных случаях каждый раз повторял:

– Но кто бы из знавших Пузырева еще всего два месяца тому назад мог поверить, что болезнь в такой короткий промежуток скрутит этого здоровяка!

Во всем остальном он тоже поступал обдуманно.

Едва он прибыл и устроился на месте, как приступил к корреспонденции.

Первое его письмо было в страховое общество «Урбэн», в московское отделение, помещающееся на Большой Лубянке, и заключалось оно в следующем. Он писал:

«Милостивые государи!

Прибыв в Ялту, куда я выехал, все опасаясь за серьезность тех грудных страданий, о которых я как-то вскользь упомянул, еще в бытность мою в Москве, уважаемому инспектору вашего общества господину Шельцеру, – считаю долгом сообщить вам мой адрес, с просьбою немедленно мне выслать сюда мой полис по получении такового из Парижа.

С совершенным почтением

И. М. Пузырев.

*Место жительства – там-то; ноября 7-го дня
189* года».*

Следующее письмо начиналось так:

«Дорогой друг Иван Александрович!

Вот я и прибыл в Ялту с моим другом Григорием Павловичем Страстиным, которым не могу нахвалиться до сего времени. Все мои надежды на него он вполне оправдывает... Что же касается хода моего недуга, так сильно тревожившего меня последний месяц в Москве и вследствие которого я даже застраховал свою жизнь, то напишу тебе об этом подробнее завтра. Пока ограничусь сообщением, как мы здесь устроились».

Далее он в подробностях описывал все жизненные условия в Ялте. И это первое письмо к товарищу по задуманному мошенничеству, если бы оно даже когда-либо попало в руки кому-нибудь, то ни в чем Пузырева скомпрометировать не могло – до такой степени каждое выражение в нем было заранее взвешено и обдуманно.

В конце письма была приписка такого рода:

«Надеюсь, что в Варшаве ты сносно устроился и не слишком скучаешь по Москве, с которой тебе пришлось проститься для изучения на месте интересо-

вавших тебя вопросов».

Но на другой день он все-таки сдержал слово и вновь писал Ивану Александровичу Хмурову:

«Дорогой друг!

Еще до отъезда твоего из Москвы и даже почти за целый месяц я часто жаловался на странную, глухую, ноющую боль в груди. Я высказал тебе однажды мои серьезные опасения, несмотря на кажущееся блестящее здоровье. Но я в особенности боялся не довести до конца задуманной мною благотворительной мечты, о существовании которой ты один кроме меня только и знаешь. Вскоре после этого мне пришла благая мысль застраховать свою жизнь в такой именно сумме, которой вполне бы хватило на исполнение моего плана. Тебя я избрал исполнителем моей воли, одному тебе известной, в случае если бы я вскоре умер. Ты же дал мне слово отнестись к делу с тою же верою, которую и я сам в него вкладываю.

По собранным мною справкам оказалось, что общество «Урбэн» дает наиболее льгот своим клиентам, и, не долго думая, сделка была совершена.

Только по отъезде твоём я стал чувствовать себя все хуже и вскоре поддался увещаниям одного моего доброго приятеля, Григория Павловича Страстина, – с которым, к сожалению,

мне так и не удалось тебя познакомить, – уехать от нашей суровой московской осени на юг, и вот я в Ялте.

Странное дело! Никогда в жизни большие переезды не производили на меня столь разрушающего, столь утомительного действия! Вот уже третий день, как мы со Страстиным здесь, а я все еще не могу прийти в себя. Он ухаживает за мною, как брат, скажу прямо: как брат милосердия. Я в качестве больного капризничаю, но я стараюсь не огорчать его. Тебе же не могу не признаться: неведомо, что будет дальше, а пока – южный климат оказывает на здоровье мое далеко не благотворное действие. К тому же моя душевная рана, о которой опять-таки только тебе одному известно, болит, и я чувствую, что эта жгучая, настоящая боль в груди – в связи с нею: она ею-то и причинена.

Но бросим об этом. Да и вообще мне трудно писать: чувствую огромную усталость; даже на лбу выступил пот.

Прощай, дорогой мой! Как только мне из страхового общества «Урбэн» пришлют полис, я отправлю его тебе с моею бланковой надписью. Не жури меня за преувеличение болезни, но бывают в жизни предчувствия, которые не обманывают.

Твой

И. М. Пузырев.

P.S. Как еще только согласились меня застраховать, и постигнуть не могу!»

Пузырев перечитал письмо и остался им вполне доволен. Каждое выражение было у места, а общий тон отзывался искренностью. Кто, какой в мире эксперт или судья, прочитав эти четыре странички убористого, мелкого почерка, мог бы заподозрить тут подделку?..

Притом каждая строчка имела свое особое значение и была призвана сыграть свою роль, если бы когда-либо понадобилось Хмурову представить письмо друга в страховое общество.

Декларация, или заявление при страховании, было подписано Ильею Максимовичем Пузыревым. Он же отправил в общество уже известное письмо из Ялты. Пускай со временем, когда получится свидетельство о его кончине, сличат эти почерки с почерком писем к Хмурову, из Ялты в Варшаву, и все убедятся в их тождественности.

Он взял конверт и сделал соответствующую надпись:

«Его Высокоблагородию

Ивану Александровичу Хмурову.

Варшава. „Европейская гостиница“».

Между тем, что в Варшаве Хмуров тоже должен был отписываться, да не столько еще сюда, в Ялту, отвечая на письмо Пузырева, сколько в Москву, Зинаиде Николаевне Мирковой, с целью успокоить ее.

Сперва, как известно, она могла получать с дороги только депеши от него. Но потом, едва приехав на место, он должен был ей написать подробнее и в особенности стараться держать ее в надежде, что вот-вот он сейчас вновь вернется в Москву, к ее ногам.

Так он, конечно, и поступал, хотя находил это крайне скучным.

Он писал на целых страницах длинные жалобы на горькую участь, разлучившую их, и еще более был щедр на клятвы в своей любви.

То было его единственным занятием, и оно хоть сколько-нибудь да пополняло праздну протекавшее время, хотя обязательность выполнения тяготила его,

привыкшего творить только то, что его забавляло.

Помня советы Пузырева, Иван Александрович был осторожнее прежнего в расходах.

Жизнь в Варшаве и на самом деле стоила ему куда менее денег, нежели в Москве. Он не держал экипажа, о кутежах у «Яра» и в «Стрельне» тут и понятия не имели. И все-таки дня не проходило, чтобы он не израсходовал двадцати-двадцати пяти рублей. С первого же вечера своего прибытия в Варшаву он наткнулся в театре на старого знакомого кавалериста, часто бывавшего в Москве и в Петербурге.

Ротмистр Кломзин ему обрадовался и почти тотчас же ввел его в круг своих довольно-таки состоятельных товарищей и друзей.

Каждый день встречались за завтраком или в крайнем случае за обедом, вечер проводили вместе, причем все собравшиеся платили свою долю расходов, и в общем все пошло бы прекрасно.

Миркова писала трогательные письма и, видимо, уверилась вполне в его любви, так как обещала покориться судьбе и ждать, пока ее счастье вернется к ней снова.

С минуты на минуту ожидал Хмуров известий из Крыма, но не дошло еще до него и первое из писем Пузырева, как однажды вечером, заехав домой с намерением переодеться, он был словно громом пора-

жен уже известною телеграммой Огрызкова.

В первый момент он страшно перепугался. Да и было чему, не шутя.

Тайна его женитьбы на Ольге Аркадьевне открыта. Что делать?

Конечно, лучше было бы посоветоваться с Пузыревым. Находчивость и испытанная вдумчивость Ильи Максимовича не подлежали никакому сомнению для Ивана Александровича...

Но где найти его? Где его адрес? В пути ли он теперь? Покончил ли он с обществом «Урбэн» все требовавшиеся формальности для страхования и выехал ли уже из Москвы?

Вот вопросы, зароившиеся в его воспаленном мозгу, сменявшиеся быстро один другим без точного, определенного ответа хоть на любой из них.

«Да, наконец, прекрасно, – думал в растерянности Хмуров, – допустим даже, что мне адрес Ильи Максимовича и был бы известен. Что же тогда? Не могу ведь я слетать к нему и попросить его совета, попросить его научить меня, как в данном случае поступить? Там, в Москве, Огрызков ждет с минуты на минуту ответа, а слетать в Крым даже и со скорым поездом немало времени нужно. Но что делать, что делать? Скандал неминуем. Тогда все набросятся и в ключья раздерут. Знаю я их, этих друзей-приятелей!»

Между тем компания его ждала, и нельзя даже было придумать повода, чтобы отказаться, отделаться от нее.

Не будучи в силах что-нибудь придумать путное и надеясь, что спасительная мысль явится потом, Хмуров стал поспешно переодеваться, как вдруг в его номер извне постучались.

– Войдите! – крикнул он, сам прячась за перегородку.

Кто-то вошел, но из-за драпировок Иван Александрович еще не мог разглядеть, кто именно? Он снова окликнул:

– В чем дело?

– Вам, барин, письмо, – ответил знакомый голос номерного лакея.

– По почте или посыльный принес? – спросил Хмуров.

– Нет, барин, по почте. Вот пожалуйста-с.

– Давай сюда.

Нервным, быстрым, порывистым движением схватил Хмуров конверт, и слуга вышел.

Но Иван Александрович никогда не умел различать почерк, притом глаза разбегались, и на штемпеля он не догадался посмотреть.

Конверт он поскорее раскрыл и бросил на пол... Наверху, в заголовке письма стояло: «Ялта».

Почему-то ему показалось, что в этом письме заключалось его спасение.

XX. По телеграфу

Содержание полученного Хмуровым от Пузырева письма повторять не приходится: оно и без того известно. То было первое послание к компаньону от Ильи Максимовича, написанное им, едва он успел устроиться во флигельке Любарских в Ялте.

Ничего особенного оно не говорило Ивану Александровичу, и тем не менее он обрадовался ему, точно спасению.

Да, быть может, и в самом деле в нем заключалось то, чего в эту минуту искал и ждал более всего Хмуров.

В письме был адрес.

Молнией пронеслась в голове Ивана Александровича мысль.

Он быстро закончил свой туалет и, выйдя на улицу, приказал извозчику ехать не прямо в театр, а сперва – мчаться во всю рысь на телеграф.

Лихой возница – как в Варшаве их называют, «друшкаръ первой кляссы», – щелкнул бичом, и пара добрых разгонных лошадей, в польской сбруе, почти с места пошла полным ходом.

На главной телеграфной станции Иван Александрович впопыхах, точно за ним гналась погоня, начер-

тал следующую депешу:

«Ялта, набережная, дом Любарских. Срочная.
Ответ оплачен 40 слов.

Сейчас получил следующую телеграмму:
Прошел слух, что женат. Узнает невеста. Что
делать? Огрызков. Отвечай мне в Варшаву, как
поступить?

Хмуров».

Ему это дорого обошлось, но, по крайней мере, он
успокоился. Выходя с телеграфа, он взглянул на ча-
сы. Было четверть восьмого.

– Пошел в «Европейский отель»! – скомандовал он
друшкарю, стараясь выговорить по-варшавски на бук-
ву «о», то есть на первый слог, и не зная еще, что по-
польски следовало бы сказать просто: «Отель „Евро-
пейский!“»

Там, не выходя из экипажа, он приказал выбежав-
шему швейцару из немцев:

– Если мне будет телеграмма, сейчас послать в
Большой театр. У меня кресло первого ряда, номер
семь. Если до конца спектакля не будет мне достав-
лено депеши, я поезду в Стрелецкий клуб ужинать.

– Будет доставлена, – почтительно ответил швей-
цар, приподняв немного свою ливрейную фуражку с
козырьком, после чего Хмуров уехал.

В Большом театре шла опера «Джиоконда» и от-

рывки из балета. Там ждали его приятели, в числе которых более близким знакомым был один только ротмистр Кломзин.

Иван Александрович немного запоздал и на распросы ответил, что в гостинице было получено на его имя несколько важных писем.

Он старался скрыть свое волнение, но на этот раз ему это плохо удалось. Волнение и нетерпеливое ожидание ответа, напротив, возрастали с каждым действием, и он все чаще поглядывал на часы.

– Что с тобою? – спросил его ротмистр, давно все это подметив. – Можно подумать, что ты чего-то ждешь?

– Действительно жду! – ответил Хмуров, подавляя вздох нетерпения.

– У тебя rendez-vous? Вот как! Поздравляю. Уж успел подцепить какую-нибудь шикарную варшавянку?

– Далеко не то!

– А что же в таком случае? – засмеялся кавалерист. – Да притом разве кто из нас, и в том числе я первый, тебя за это осудит? Помнишь, в какой это оперетке поется: «Наша жизнь есть царство женщин»?..

– В «Бродягах», – отвечал Хмуров, большой знаток по этой части. – Повторяю: ты ошибаешься. Меня беспокоит ответ на одну депешу...

– А когда послал?

– Да вот как сюда к вам в театр приехал, – сказал Хмуров.

– Господи! И ты уже хочешь получить ответ! Опомнись, мой милый!

И депеша, и ответ мною оплачены срочно, по тройной цене.

– А куда телеграфировал?

– В Ялту.

– Ну, вот видишь! Послал ты свою телеграмму уже после восьми.

– Да, немного позже.

– А теперь одиннадцать. Всего три часа прошло. Немного еще.

– Конечно, немного. Хотя для срочной телеграммы уже мог бы быть ответ.

– Ты рассчитай время доставки телеграммы со станции в Ялте на дом, время на отсылку ответа на телеграфную станцию и, наконец, здесь...

– Все-таки уж пора бы.

Они направились из буфетной комнаты, где курили, в зрительный зал. Шел последний акт.

Вдруг кто-то склонился над Иваном Александровичем. Он оглянулся. То был капельдинер, тихим голосом спрашивавший его:

– Не к вам ли пришел посыльный из «Европейской

гостиницы»? Приказано спросить кресло номер семь в первом ряду.

– Да, ко мне. Где он? Он должен был доставить мне депешу.

– Пожалуйте-с.

Капельдинер подал Хмурову сложенный пакетиком листок бумаги, но во время действия огни были настолько убавлены, что в партере ничего нельзя прочитать. Иван Александрович проговорил сидевшему с ним рядом ротмистру Кломзину: «Извини, пожалуйста!» – и тихонько, стараясь не шуметь, вышел в коридор.

Там, при входе в партер, стоял человек, которого он узнал за рассыльного из отеля. Кивнув ему слегка головой в ответ на его подобострастный поклон, Хмуров подошел к свету, развернул депешу и прочитал следующее:

«Телеграфируй немедленно Огрызкову так: „Давно невесте все известно, сама хлопочет о разводе“».

Следовала подпись опытного во всяких житейских делах Пузырева.

Прочитав эти простые слова, Хмуров сразу понял, что действительно лучшего ничего не придумать. Одно оставалось средство: бравировать. Только этим еще и возможно было обезоружить врагов. К тому же он понимал, что Огрызков уже никак врагом по отно-

шению к нему не являлся. Напротив, он выказал себя товарищем, предупредив его об опасности.

Не долго думая и еще ранее того твердо порешив во всяком случае, каков бы ни был ответ, смело повиноваться указаниям Пузырева, Иван Александрович снова помчался на телеграфную станцию, отдав приказание капельдинеру доложить ротмистру Кломзину по окончании спектакля, что он приедет в Стрелецкий, то есть в Охотничий, клуб ужинать.

Правда, дорогою Хмуровым овладело беспокойство, как бы, пожалуй, бравада, или, попросту, по-русски сказать, наглость, не зашла бы через край. Как бы Огрызков, успокоенный столь положительным ответом, сам не вздумал бы посетить Миркову вновь и заговорить о бракоразводном процессе.

Ему хотелось придумать средство к устранению подобной возможности, но – с другой стороны – он боялся изменить текст телеграммы, указанный опытным другом, и он вошел на станцию уже в состоянии значительного сомнения.

Он написал сперва на форменном синем бланке слово в слово то, что советовал ему Пузырев.

Прочитав эти строки, он решил, что в них слишком много недосказанного. Он разорвал написанное и стал обдумывать новый текст депеши, вполне согласный с ответом Пузырева, но и дополненный по отно-

шению к вопросам, его беспокоящим.

И две, и три пробы показались ему неудачными, пока наконец он не додумался до вполне удовлетворившей его формы ответа:

«Москва, „Княжий двор“, Огрызкову.

Давно невесте все известно. Сама обязала меня хранить тайну и сама хлопочет о моем разводе. Подробности письмом.

Хмуров»

Таким образом, Пузырев дал ему первый толчок, да и главнейшее указание, в каком именно тоне отвечать. Не надо было выказывать своего перепуга или своей сконфуженности, а требовалось прежде всего на смелый вызов ответить столь же смело. Остальное Хмуров придумал сам довольно удачно, быть может благодаря тому что у него было больше времени на обсуждение вопросу, нежели у почтеннейшего его советника.

В Москве же Сергей Сергеевич Огрызков с нетерпением ждал ответа.

Сообщенная ему Степаном Федоровичем Савеловым тайна о давнишнем законном браке Хмурова произвела на него огромное впечатление, и с наступлением вечера он уже начинал думать, что Иван Александрович ему совсем не ответит, а получив запрос, растеряется, струсит и, пожалуй, чего доброго, либо

за границу ударит, либо, еще того хуже, совсем с лица земли сотрется.

В ожидании ответа он даже лишний час вечером в своих роскошных комнатах просидел и только в десятом часу попал в цирк Саламонского, где в этот модный субботний вечер собиралось все шикарное общество Москвы.

Все огромное помещение цирка было переполнено сверху донизу. В первых рядах кресел и в ложах сидели давно знакомые лица, считающие долгом своим являться сюда каждую субботу аккуратно во время сезона. То были лица, встречаемые на каждом первом представлении, на конских состязаниях, на скачках. Если все они и незнакомы друг с другом, то все давно друг к другу пригляделись.

Представление было в самом разгаре, хотя и не окончилось еще первое отделение. Тысячи электрических лампочек ярко освещали арену и собравшуюся вокруг нее тысячную толпу.

Программа щеголяла лучшими номерами своего богатого и разнообразного репертуара, в котором особо приманкою на этот вечер служило личное участие в представлении самого директора цирка, А. Саламонского. Он должен был вывести дрессированных им на свободе многотысячных жеребцов, и любители конного спорта ожидали этого момента с нетерпением.

ем.

Все было особенно нарядно и торжественно. Начиная от ливрей служащих и кончая туалетами собравшихся.

Проходя в свое кресло первого ряда, Огрызков кланялся поминутно, так как большинство сидевших на его пути были с ним лично знакомы.

Савелов сидел с противоположной стороны. Они увидели друг друга, обменялись поклонами, но до антракта не вышли. Там наконец, в толпе, удалось Степану Федоровичу подойти к Огрызкову и спросить его:

– Ну что, ответ есть?

– Ничего еще нет, сейчас нарочно домой заезжал.

– Да он и не ответит.

– Во всяком случае, – предложил Огрызков, – нам надо будет завтра серьезно переговорить.

Они расстались на том, что Савелов снова завтра утром приедет в «Княжий двор».

Другие подходили к Огрызкову, спрашивали его, куда он намеревается ехать из цирка, звали его с собою, кто в «Эрмитаж» – ужинать, кто за город, в «Стрельну» или к «Яру», но он отказывался; озабоченность его относительно Хмурова не давала ему покоя. Прямо из цирка вернулся он к себе, но депеши все еще не было.

Он спросил себе чаю, потом разделся и лег с фран-

цузскую книгу в руках. Но роман не занимал его и не был в силах отвлечь его мыслей от их главного направления. Он бросил книжку, задул свечи и попробовал заснуть.

Много ли, мало ли прошло времени, он бы не мог точно определить, но его вдруг разбудило настойчивое постукивание в коридорную дверь. Опомившись со сна, он отпер дверь и быстро снова прыгнул в постель, под теплое одеяло. Нашарив спички на ночном столике, он зажег обе свечи и взял поданную телеграмму. Человек дал ему перо для расписки и с нею удалился. Тогда Огрызков в неимоверном волнении прочитал уже известный нам ответ. Но ему недостаточно было прочитать эти строки раз. Он повторил их, точно желая заучить наизусть. И потом в глазах у него еще долго стояли начертанные в ней карандашом слова:

«Давно невесте все известно. Сама обязала меня хранить тайну и сама хлопочет о моем разводе. Подробности письмом».

– Так вот оно что! – почти вслух воскликнул удивленный Огрызков. – Понятно теперь, почему она мне прямо заявила, что никакие сообщения об Иване Александровиче ею приняты не будут! Она все знала, и я не мог сам об этом ранее догадаться! Я поддался глупости этого Савелова, который всегда во все

сует нос и со всею своею пронизательностью творит ошибку за ошибкою. Дело теперь ясно как Божий свет; давно Хмуров во всем признался очаровательной вдовушке, чем, может быть, и тронул наиболее ее сердце. Вот она и взялась за его развод с первою женою, и вполне понятно, если она не хочет, чтобы об этом вопросе с нею говорили сторонние!..

Таково было впечатление, произведенное на Огрызкова остроумным ответом, вышедшим из-под пера двух отъявленных плутов.

Но Сергею Сергеевичу этого было мало. Вообще не особенно-то симпатизируя Савелову, а по внутреннему своему, далеко, впрочем, не глубокому и не вдумчивому, убеждению считая Хмурова и молодцом, и достойным всего лучшего, он с нетерпением ожидал на другое утро приезда Савелова и даже проснулся по этому случаю ранее обыкновенного.

Но и Степан Федорович не замедлил явиться. Он приехал ровно к десяти часам, как было условлено, и на этот раз застал Сергея Сергеевича уже за утренним кофе.

На столе красовался изящный сервиз, в корзине – разнородный, только что испеченный белый хлеб, потом прекрасное сливочное масло. Для ожидаемого гостя предупредительно поставлен был стакан, тогда как сам Огрызков пил всегда из огромной чашки, даже

больше бульонной.

– Ну-с, Сергей Сергеевич, – повторил, входя и здороваясь, Савелов свой вчерашний вопрос в цирке, – есть ответ?

И тут только, опустив взор, он заметил лежавшую на столе около чашки Огрызкова телеграмму. Но Сергей Сергеевич уже протянул к ней руку и, передавая ее гостю, сказал:

– Вот ответ, и как оба мы сами об этом не догадались, ума не приложу?

Совсем другого ожидал Савелов.

Прочитав депешу, он как-то растерялся, вдруг осунулся, и разом побледневшее лицо его выразило не только удивление, а прямо-таки пристыженность.

Огрызков преспокойно налил ему стакан кофе, подвинул к нему сливки, булки и масло и заговорил тоном неподражаемого глубокомыслия:

– Меня не то удивляет, что Миркова давно об *этом* знала, что она, как говорят французы, «была в секрете»; нет-с! Я удивляюсь, как это мы оба, все-таки не дети и знающие женщин вообще, не могли ранее догадаться, почему она не допускает к себе никаких слухов о своем избраннике? Дело между тем вот как просто! Теперь для нас многое и многое объясняется совсем иначе.

– Но чем, чем только он ее обворожил? – в каком-то

отчаянии воскликнул Степан Федорович.

– Это уже вопрос совсем другого рода, mon cher! – ответил Огрызков и пустился в подробное разъяснение своего взгляда на женщину вообще и на Миркову в особенности.

XXI. В течение времени

Ответ Хмурова, таким образом, действительно оказался удачным. Но чтобы самому в этом убедиться, он пошел, так сказать, навстречу событиям: он прождал два дня не без тревоги каких-либо новых вестей от Огрызкова или, пожалуй, прямого запроса от Мирковой, совершенно основательно полагая, что Зинаида Николаевна, если только ей все-таки доложат о циркулирующих слухах, обратится к нему первому за разъяснениями.

Но все было тихо и спокойно. Огрызков, по-видимому, терпеливо выжидал обещанного в телеграмме подробного письма, а от Мирковой никаких известий или запросов не получалось.

Тогда-то Иван Александрович и послал своего рода вызов, так как тревога и опасения все-таки не покидали его.

Он всегда любил краткость телеграфных объяснений и на этот раз послал Зинаиде Николаевне следующего рода запрос:

«Невыразимая тоска, словно горькое предчувствие несчастья, гложет сердце.

Ради Бога, успокойте меня, не случилось ли

чего?

Jean».

Она любила, когда он рассказывал ей, что этим именем, бывало, называла его мать, никогда не говорившая с ним иначе как по-французски. Потому-то в письмах своих к Мирковой и даже в телеграммах подписывался он так.

Его тревожный запрос доверчивая женщина, в действительности ничего не слышавшая определенного, приняла за тоску по ней, за любовную истому в разлуке и, глубоко тронутая, поспешила ответить:

«Ничего не случилось, здорова, конечно, скучаю ужасно и жду возвращения».

Ему это только и нужно было. Опасность миновала, стало быть, ответ, посланный по научению Пузырева и с своею собственною прибавкою, имел желанное воздействие.

Конечно, он продолжал писать Мирковой, как глубоко тоже, с своей стороны, он страдает в разлуке, а Огрызкову на другое же утро отправил длиннейшее послание с целой историей на романической подкладке, причем главная цель письма заключалась в том, чтобы Сергей Сергеевич отнюдь не вздумал затрагивать перед Зинаидой Николаевной этого щекотливого вопроса, так как вся гордость ее будто бы в том состоит, чтобы добиться развода для него в секрете от

кого бы то ни было. Затем жизнь продолжалась все та же. Жизнь вне каких-либо возвышенных целей, пошлым идеалом которой служили одни только эпикурейские наслаждения. Ради них можно было жертвовать всем, не только своим, но в особенности чужим.

В Варшаве, как, впрочем, и везде, Хмуров с обычной легкостью завязывал знакомства в кругу тех людей, которые пользовались популярностью по клубам, театрам и трактирам.

Внутренней домашней, то есть семейной, жизни, с ее тихими, но возвышенными радостями, с благородством ее целей, он не признавал.

Он ставил выше всего раболепное поклонение суетящихся перед ним ресторанных слуг, обильную еду с обильными возлияниями, развязывающими даже неговорливый язык; он любил зрелища, толпу нарядную и фешенебельную с виду, судя по туалетам, по внешности, и ненавидел толпу серую, простонародную, праздничную, ищущую в воскресные дни развлечения после недельного тяжелого труда и слоняющуюся по улицам непривычной к прогулке поступью.

Хмуров писал Мирковой в Москву, что болезнь его дяди осложняется, дабы только затянуть время, и вскоре вновь вошел в обычную свою жизнь.

Пословица говорит: «На ловца и зверь бежит». В данном случае она во всех отношениях оправдалась:

Иван Александрович чего искал, то и нашел. Без женщин для него не могло быть полного блаженства, и он завел знакомство, развлекавшее его, в образе пикантной и даже весьма хорошенькой балетной танцовщицы Брончи Сомжицкой.

Бронча Сомжицка только что была покинута одним из поклонников, выехавшим к месту своего нового назначения. По духу, по грации, по обворожительному шику и уменью одеваться Бронча Сомжицка была чистокровной варшавянкой и гордилась этим, сознавая себя – впрочем, недаром, за исключением одной маленькой подробности, о которой из скромности умолчим, – ничем не хуже парижанки.

Бронча Сомжицка в тот же вечер, как рассталась со своим прежним поклонником, выглядывала во время антракта сквозь таинственное отверстие занавеса на собравшуюся в зрительном зале публику, как бы рассчитывая, кому из этих элегантных кавалеров всех возрастов и положений предложить открывшуюся при ней вакансию поощрителя таланта?

Ротмистра Кломзина она знала давно и не могла обратить на него особые виды по той простой причине, что давно он прослыл в мире дам, ищущих прочной привязанности, за кавалера, ищущего кратких и мимолетных встреч.

Но рядом с ротмистром недавно стал всюду по-

являться – и в особенности часто у них в балете – какой-то красивый, молодцеватый брюнет, с военной выправкой, но элегантными манерами, всегда одетый безукоризненно и, вероятно, приезжий. Брюнет ей нравился, и по фигуре, и лицом он подходил к ее вкусам, тем более что отбывший бригадный командир был белобрыс, яко чухонец, и не мешало

Немножко переменить,
Немножко освежить,
Чтобы польза была...

Да, но не мешало также распознать сперва, приезжий ли он или приезжий, получивший, быть может, в Варшаву прочное и достойное его осанки назначение?

Случай для знакомства не преминул представиться, и Бронча Сомжицка, сама обвороженная Хмуровым, не замедлила обворожить и его.

Таким образом, пробел, еще открытый в репертуаре варшавских развлечений Ивана Александровича, вскоре пополнился, но с появлением в программе его жизни этого нового персонажа вполне понятно, что его расходы значительно увеличились против прежнего.

Правда, Бронча Сомжицка сперва разрешила только, чтобы ей был нанесен визит, да и то еще вдвоем, то есть в сообществе ротмистра Кломзина. Уже этим

одним она намекнула довольно ясно на то, что первого доступа к ней в дом недостаточно для воображения себя победителем. Приняла она гостей очень мило и очень ловко выпрашивала, надолго ли и зачем именно прибыл в Варшаву Иван Александрович? Впрочем, ловкость ее вопросов значительно парализовалась твердым решением двух приятелей, принятым еще дорогою к ней, не говорить ей ни единого слова правды, коль скоро она заинтересуется вещами, на которые почему-либо невыгодно отвечать. Они лгали ей, будто бы Хмуров находится в Варшаве по весьма важным делам и что пребывание его здесь может продлиться чуть ли не годы. Бронча Сомжицка этому верила и улыбалась, мысленно решив про себя, что в таком случае знакомство может продолжаться.

Однако прошло еще добрых четыре дня, пока она приняла первое приглашение Хмурова на ужин в «Европейскую гостиницу». Да и то добился он этой чести и столь лестного к себе доверия только благодаря ежедневному подношению очаровательной танцовщице довольно дорогих букетов во время спектакля, цель которых была возбудить зависть в кругу ее товарок.

Если до этого времени Иван Александрович и довольствовался номером в одну большую комнату с от-

гороженным отделением для спальня, то с этого вечера подобная скромная обстановка, по его тщеславному мнению, была уже немислима.

Помещение было переименовано на более шикарное: был занят огромный номер с окнами на Саксонскую площадь и состоящий из передней, гостиной, спальни и уборной. Был заказан заранее ужин на двоих, так как обещано было самую Брончею Сомжицкою столь желанное Хмуровым tête-à-tête. В этом ужине, конечно, все было предусмотрено, начиная от закусок, продолжая блюдами, сдобренными трюфелями, и заканчивая винами, причем, на польский лад, было отведено особо почетное место венгерским сухим винам, до сих пор еще славящимся в Варшаве, где, например, в одном погребе Фукера можно найти бутылочки, которым сто лет с лишним.

И здесь, как, впрочем, везде, отельное лакейство сразу распознало Ивана Александровича за щедрого барина, а потому распиналось перед ним с видимою готовностью не только на словах, но и в действительности пасть к его ногам. К тому же, по всем его приемам, никто еще не знал, что это за гусь, а напротив, и расходы его, и даже общество, в которое он попал, все говорило как бы в подтверждение его богатства.

Иван Александрович и не любил и не умел делать вещи кое-как. Ему всегда и во всем нужен был прежде

всего шик. Так, например, театр, в котором плясала его плясунья, отстоял в трех-четыре минуты пешего хождения от «Европейской гостиницы», но Хмуров, для того чтобы привезти к себе новый предмет своих ухаживаний, уже не мог обойтись простой парной извозничьей коляской, даже первого класса: ему понадобилась шикарная наемная карета. Зато он был награжден несомненным выражением удовольствия на лице Сомжицкой, едва она увидела роскошный экипаж. За ужином она даже попросила прислать ей на другой день, в часы модного катанья, эту же карету, и, таким образом, принесены были на алтарь легких любовных приключений первые более или менее крупные жертвы, которым отныне, конечно, суждено было разрастаться с каждым днем.

Но зато в Уяздовской аллее и в Лазенковском парке при встрече с каретою, в которой грациозно улыбалась и природе, и всем встречным милостивая Бронча Сомжицка, шикарные представители варшавского общества уже знали, что счастливое при ней положение занял теперь приезжий из Москвы молодой русский барин, живущий в «Европейской гостинице», по фамилии Хмуров.

– Что, он богат? – спрашивали друг друга здесь, как и в прочих местах мира сего.

– Говорят, очень! – отвечали иные.

– А кто его знает, – говорили другие. – Бесспорно только одно, что он деньги тратит...

– И даже умеет их тратить...

– Ну, на это небольшое еще нужно умение! – заметил кто-то не без зависти.

– Не говорите, – поправил его другой. – Проживать деньги с шиком тоже не всякому дано.

– Первое условие для проживания денег, – заметил глубокомысленно еще кто-то, – заключается в очень простой вещи.

– А например?

– Надо иметь их.

– Что ты этим хочешь сказать?

– Ни более ни менее как то именно, что я и сказал. Если Хмуров проживает деньги, значит, они у него имеются.

– Да, но сколько?

– Это вопрос другой. Не считал.

Все засмеялись не столько даже ответу, сколько интонации, с которой он был дан.

Между тем сам Хмуров примечал, что на него все больше и больше обращается внимание общества и что ему удалось в короткое время стать на первый план. Часто теперь подходили к группе, в которой он стоял, с просьбой познакомиться с ним такие лица, что польщенное тщеславие его еще более раздувалось.

Зато деньги летели с невероятной быстротой. Если сперва он сдерживался, то теперь словно плотину прорвало – и каждый день ему обходился во сто целковых.

Но он не унывал!

Кругом, в гостинице все раболепствовало, и, по-видимому, во всем доме его считали за первого постояльца. Общество располагалось к нему все больше, и все выказывали самую искреннюю радость при встрече с ним. Бронча Сомжицка, которую он уже называл коротко одним именем Брончи, вполне соответствовала именно тому типу шикарной, задорной и вечно оставляющей еще чего-то желать варшавянки, о котором он мечтал. А в конце концов он присматривался к окружающему и уже решал, что, в случае недохвата денег, в Варшаве, тем более заняв столь выгодное положение, как он, не пропадешь.

В особенности ухаживал за ним, насколько позволяли и различие положений, и все остальные условия, фактор отеля.

Тип прежнего фактора, когда-то дивно описанный Чужбинским, а потом даже и Всеволодом Крестовским, давно изменился, по крайней мере в крупных центрах Царства Польского, и факторы с пейсами да в лоснящихся лапсердаках встречаются теперь разве только еще в маленьких местечках.

Но самое, так сказать, *амплуа* сохранилось во всей своей неприкосновенности и при таком выдающемся учреждении, какова издревле славящаяся в Варшаве «Европейская гостиница», состояло даже несколько лиц в этой должности.

Впрочем, в основе своей фактор не что иное, как наш комиссионер, и только гениальная изворотливость, ловкость, умение из всего извлечь пользу и из всякого положения вывернуться могли сделать из еврея-фактора совершенно самостоятельного, безусловно полезного и в высшей степени интересного субъекта.

Каждый день, по несколько раз, Хмуров встречал то в коридорах отеля, то по преимуществу внизу, в швейцарской, все одно и то же лицо.

То был человек неопределенных лет, скорее старый, нежели молодой, одетый в коричневое пальто с бархатным воротником, в темное нижнее одеяние и всегда снимавший с особенною поспешностью свой несколько потертый котелок с головы, едва хоть издали показывался Иван Александрович.

Хмуров им не мог особенно интересоваться да по привычке своей к жизни в гостиницах решил, что это должен быть комиссионер.

Однажды ему понадобилось послать записку. Он позвонил, и на его требование прислать к нему в но-

мер посыльного был откомандирован к его услугам этот самый субъект в темно-коричневом пальто и с котелком в руках.

– Вы комиссионер? – спросил его Хмуров, удивляясь подобострастию, выразившемуся на его лице.

– Я фактор, ваше превосходительство...

– Почему вы называете меня «вашим превосходительством»? Я совсем не генерал.

– Но бардзо пшепрошем, ежели таперечки такой ясновельможный пан, – заговорил себе в оправдание услужливый фактор.

– Ну, хорошо, – перебил его Хмуров, в сущности против величания ничего не имевший. – А вас как зовут?

– Меня зовут, ваше превосходительство, Леберлех, а по имени Мойше, Мойше Леберлех.

– Вот и прекрасно, Леберлех, – сказал Хмуров, не в силах удержать улыбки. – Можете вы мне по этому адресу снести записку панне Брониславе Сомжицкой?

– Панне Брониславе Сомжицкой? – переспросил фактор, сделав такое лицо, будто он ослеплен от солнечного блеска. – То велька артистка, то наша наиперша танцовчичка в балету...

И он распространился о том, что он все может: и денег достать, и бриллиантов на подарок для пани Брониславы Сомжицкой, и все, все.

Хмуров приказал ему идти, но сам подумал: «Это будет мне человек полезный!..»

XXII. Фактор Леберлех

Иван Александрович Хмуров, сообразив, какую огромную пользу ему может оказать фактор Леберлех, с этого же дня, не теряя дорогого времени, принялся за подготовку почвы, как сам он это называл.

Леберлех вернулся с ответом от панны Брониславы Сомжицкой и, стоя у двери, считал нужным улыбаться с видом некоторой игривости и даже шаловливости на своем морщинистом лице.

– Ну, вот тебе, Леберлех, целковый на чай! – сказал Хмуров весело, отдавая ему рублевку и почему-то считая более шикарным говорить фактору «ты».

Еврей схватил деньги и, припав к плечу ясновельможного пана, запечатлел на нем поцелуй.

– Что ты, что ты? – даже опешил Иван Александрович. – Если ты вообще будешь мне служить как следует, я всегда сумею тебя наградить. Ты давно состоишь комиссионером при здешней гостинице?

– А давно, ясный пан, – ответил Леберлех, снова отходя к двери.

– И ты хорошо знаешь Варшаву, то есть все дела, условия жизни и так далее?

Еврей выразил на лице своем некоторую гордость.

– Спросите Леберлеха, – сказал он, – про какого угодно вам гешефту, он все знает.

– Вот как!

– И какой же, пожайте, пожалуйста, ясний пане, ми могли бы быть фактор, ежели теперички ничего бы не знали!

– А деньги любишь наживать?

– Деньги? – переспросил нараспев Леберлех. – Ясний вельможный пан ражве не любит деньги? А я мыслям же, ясний вельможный пан тоже любит деньги!

– С тою маленькою разницею, что я люблю их давать и сорить, а ты подбирать и прикапливать. Не так ли, Леберлех?

Хмуров прошелся по комнате и вдруг, круто остановившись, заговорил совсем другим тоном:

– Ну вот что, шутки в сторону. Мне не хочется давать наживать и без того богатым ювелирам. Пусть уж лучше ты наживешь. Я хочу сделать подарок, пока безделушку какую-нибудь: брошь хорошенькую, браслет или что-нибудь в этом роде. Можешь мне достать?

Леберлех страшно засуетился. Лицо его от волнения все съежилось, сам он как-то весь изогнулся, а глаза прищурились.

– Чи ясний пане позволит, – заговорил он быстро, – я в одну минуточку слетаю и привезу сюда целый ма-

газин. Через полчаса тут будут на столе перед ясным паном лежать и бронзелетки, и часики, и брошки, и шережки... Все, что только пану будет угодно, и даже можно бриллиантового колье или бриллиантового короны, которого на голову в бал дамы надевают?

– То есть диадему, ты хочешь сказать? – поправил его Хмуров, невольно улыбаясь вдруг появившемуся в этом услужливом человеке оживлению.

– Чи диадему, чи корону – увше равно? Я могу для ясного вельможного пана и диадему, и корону...

– Ну, ладно. Ничего этого мне не нужно, а ты...

– Як же уж не нужно, когда сами сейчас приказывали...

– Не горячись и слушай меня внимательно. Я тебе сразу сказал, что мне нужно. Поезжай и, если можешь, привези мне каких-нибудь безделушек на выбор. Вперед говорю тебе, что ни диадем, ни ожерелий, ни каких-то там корон твоих я покупать не стану. Ну, живо, так как больше часу я ждать тебя не буду. Ступай.

– В минуту, – ответил фактор и из-за двери еще прибавил: – Через полчасака будет увше!

– Жарь! – крикнул ему вслед Хмуров, которому от задуманной новой плутни стало вдруг особенно весело.

Он посмотрел на свои богатые, массивные золо-

тые часы, купленные тотчас же по получении денег от Мирковой, и принялся за газеты. В это утреннее время никто из знакомых не мог к нему прийти, и он был спокоен, что ему не помешают. Он рассчитывал, что Леберлех пробегает, по крайней мере, с час. Но добрый, услужливый Мойше сам спешил более его и, весь запыхавшийся, едва переводя дух и от волнения, и от беготни, уже через сорок минут стучался к нему в номер.

– Ну что, принес? – окликнул его из гостиной Хмуров.

– Привез, ясный пане, привез все, что велели. Только пшепрошем, ежели тут...

– Да войди сюда, что ты там бормочешь? Ничего не пойму.

Еврей вошел.

Его сморщенное лицо, на котором каждый опытный глаз давно бы прочитал неусыпные заботы, лишения аскета и безусловную трезвость, выражало теперь и огромную радость, и все-таки страх или опасения за окончательные результаты начатого гешефта.

– В чем дело? – переспросил его еще раз Хмуров, едва он успел войти.

– Все привез, ясный пане...

– Ну, покажи.

– Там со мной еще одно лицо...

– Кто такой?

– Там приехала одна старая еврейка, что торгует золотом, бриллиантами...

– Так где же она?

– А чи ей можно войти? – спросил несколько боязливо Мойше, видимо давно привыкший к грубым и часто циничным окрикам своих клиентов.

– Отчего же нельзя?! Зови ее сюда!

Ответ словно пушечный выстрел подействовал на Мойшу. Он не вышел, даже не выбежал из гостиной, а его точно выстрелило из комнаты. Через полминуты он уже вводил сюда пожилую женщину в парике, с сафьяновым мешком вроде саквояжа в одной руке и с довольно объемистой шкатулкой, к которой были приделаны ручки для ношения, – в другой.

Старуха поклонилась Хмурову и молча, не произнося ни единого слова, остановилась у двери за фактором.

– Что ж, – сказал Хмуров, – пусть покажет. Какие у вас вещи? – обратился он тут же непосредственно к ней.

Старуха переглянулась почему-то с Леберлехом, точно спрашивая его взглядом, не рискованно ли открывать свою сокровищницу? Он же замотал головой, замигал с невероятною учащенностью глазами и что-то ей пробормотал такое, чего не понял Хмуров, но что,

по его мнению, звучало очень забавно. Тогда старуха подошла к столу и поставила на него свои обе ноши.

Она хотела сперва раскрыть саквояж, но Леберлех почему-то этого не допустил и потребовал энергичными знаками и настойчивою скороговоркою на неведомом Хмурову языке или просто жаргоне, чтобы она показала сокровища шкатулки.

Медленно и неоднократно вскидывая глазами то на Хмурова, то на Леберлеха, повиновалась она последнему. Когда же шкатулка была открыта, Хмуров невольно вскрикнул от удивления.

Без футляров, а в особо устроенных углублениях здесь были собраны ожерелья и другие украшения из бриллиантов, представлявшие в общей сложности действительно весьма крупную стоимость. Однако, опомнившись, Хмуров сказал:

– Ведь я говорил тебе, что мне нужны безделушки, а не такие вещи. Куда мне все это?

– Може, ясний вельможный пан пожелает и это купить? – все-таки спросил Леберлех.

– Нет, не пожелаю.

– Тут есть и недорогие ожерелки, все на две тысячи рублей...

– Все равно не возьму...

Леберлех обратился к старухе.

– Покажь, – сказал он ей, – ожерелок на две тысян-

цы рублей...

Она вынула одно из них и протянула Хмурову, но он даже рассердился.

– Говорю вам обоим, что не надо мне этого! – воскликнул он. – Откройте, саквояж и покажите, что там у вас есть?

Медленно, осторожно прибрала еврейка ненужное ожерелье обратно, заперла шкатулку и тогда уже взялась за саквояж. В нем хранилось множество футляров, крытых и бархатом, и кожей, с огромным выбором ювелирных изделий.

«И как только такая старая еврейка, – подумал невольно Иван Александрович, – не боится ходить по городу со всеми этими драгоценностями? В одной шкатулке у нее, на худой конец, наберется бриллиантов тысяч на полтораста».

Между тем и старуха, и Мойше Леберлех поочередно раскрывали футляр за футляром, расставляя вещи для выбора на огромном круглом столе.

К тому, что нравилось, Хмуров приценивался, причем внутренне признавал, что все было куда дешевле, нежели у ювелиров.

Наконец, остановившись на хорошеньких бирюзовых серьгах с брошью, усыпанных кругом крупными розами, он спросил:

– Ну вот что: говорите самую последнюю цену, про-

тив которой уступки уже быть не может, чтобы мне не торговаться?

– Двести рублей.

– Хорошо. Я это беру.

Оба, и торговка, и Леберлех, чрезвычайно обрадовались, но начали снова приставать со своими предложениями.

– Може, ясний пан, еще цо возьме? Може, бронзелетки альбо перстенек? Може, ожерелок? За ожерелок не дрого, две тысянцы рублей...

– Ничего больше не возьму и прошу меня теперь оставить в покое, – строго сказал Хмуров. – Деньги, двести рублей, я отдам завтра Леберлеху. Можете идти.

Старуха медленно укладывала обратно вещи, предварительно взглядываясь в каждую из них, точно опасаясь – не подменили ли ее? Мойше ей что-то нашептывал быстро-быстро на своем жаргоне, и в то-не его скороговорки слышалось желание в чем-то ее убедить или успокоить.

Когда все было уложено, она все-таки не стерпела и спросила:

– Може, ясний пан тераз хоть сто рублей даст?

– Ничего не дам. Завтра.

И, сказав это, Хмуров взял футлярчик и ушел в другую комнату. Но и оттуда он слышал, как Леберлех

продолжал ее уговаривать, причем неоднократно повторялись слова «затро», то есть завтра, и «як Бога кохам» – известная форма польской божбы.

Прошло минут пять; наступило затишье: и еврейка, и еврей замолкли, послышался только тяжелый ее вздох. Хмуров выжидал, что будет дальше? Вдруг Леберлех произнес вслух:

- Ми можем уже уходить?
- Конечно.
- Больше ничего не прикажете?
- Ничего.
- Благодарим вам.
- С Богом.

Опять кто-то тяжело вздохнул, и, наконец, оба они вышли.

Но Хмуров не подарил Бронче Сомжицкой приобретенных им сейчас вещей. Он спрятал их к себе в письменный стол до поры до времени и на другой день утром куда-то вышел из отеля пешком.

Леберлех уже стоял в швейцарской и залебезил, едва в конце широкого коридора показался ясновельможный его пан. Сперва он снял котелок и заулыбался, видимо готовый получить двести рублей; потом, когда заметил, что Хмуров намеревается пройти мимо без внимания, кинулся к нему за приказаниями; наконец, даже на площадь вышел с целью позвать ему

извозчика, но и тут оказался некстати. Крайне удрученный такими неудачами, он долго стоял на подъезде и смотрел вслед удалявшемуся пешком должнику, пока тот не завернул за кондитерскую «Люрси» за угол.

Но через полчаса Хмуров вернулся и на этот раз прямо обратился к фактору с приказанием:

– Минут через десять приди ко мне в номер. Ты мне будешь нужен.

– А то, може, ясний пан пожелает, чтобы и сейчас?

– Через десять минут, слышал?

– Слышал, ясний пан, слышал...

Но едва успел Хмуров скинуть у себя в номере пальто и выйти зачем-то в коридор, как он наткнулся на фактора, уже прислушивавшегося к чему-то у входной к нему двери.

– Подожди, – кинул он ему.

– Чекам, пан ясневельможний, буду ждал. Я тилько так, бо десент минут не бардзо велько время...

Когда же наконец Хмуров позвал его к себе, Леберлех остановился у двери и сделал такое лицо, будто бы и ума не приложит, зачем он тут мог понадобиться?

– Вот что, дружище, – сказал ему Хмуров, – я вчера взял у твоей знакомой торговли бирюзовые серьги с брошкой за двести рублей. Так ведь?

У Леберлеха сердце замерло и душа в пятки ушла. Но он промолвил:

– Так, ясный пане, так...

– Ну, так вот тебе деньги!

Хмуров протягивал к нему уже две развернутые сторублевые, а Леберлех от радостного волнения не сразу мог тронуться с места: у него дух замер. Но усилие было сделано, и он кинулся к протянутым деньгам, за которые не преминул поцеловать щедрую руку дающего.

– Что ты, что ты, Леберлех? – воспротивился этому раболепству Хмуров. – Я не люблю, когда мне руки целуют. Ступай и неси эти деньги твоей старой приятельнице. Да скажи ей от меня, что вещи очень понравились и я всегда, когда что мне понадобится, буду тебя за нею посылать.

Леберлех в этот день был суетлив: он заработал, бедняга, двадцать процентов с суммы, то есть две красненьких, а для него, отца десяти душ и мужа изнуренной родами и нуждою жены, для него, питающегося пятиалтынными за побегушки по городу, две красненьких составляли великую вещь.

Не знал только бедный доверчивый еврей, куда метил ясновельможный пан Хмуров, гордо третировавший его en canaille и про себя обзывавший «жидюгою»!

Дней через пять Ивану Александровичу снова понадобились вещички для подарка, и, конечно, он снова обратился к фактору.

По-прежнему обрадовался Леберлех хорошему гешефту, по-прежнему привел он старую торговку перекупными с просроченных залогов бриллиантами, и по-прежнему стали Хмурову навязывать более дорогие вещи. Но он, как и в первый раз, ограничился пустячками и купил всего только колечко в сто рублей.

– Леберлех, – сказал он, остановив свой выбор на этой вещице, – объясни ей, пожалуйста, что деньги она получит только в понедельник, то есть через три дня.

На этот раз даже старуха не сомневалась; напротив, она все упрашивала его взять еще что-нибудь и особенно настаивала на крупных, дорогих предметах.

В субботу обыкновенно в гостинице подавали счет. Ни разу еще Хмуров не задерживал уплаты. В эту субботу у него были еще деньги, но он с умыслом сказал номерному:

– Поди, заяви в конторе, что до понедельника я платить по счету не буду. До понедельника мне не хочется в банк ехать.

Леберлех, прознавший об этом, несколько не смутился. Магическое слово «банк» действовало на него ободряюще. И в самом деле, в понедельник утром он

был свидетелем того, как Хмуров в одиннадцатом часу вышел, велел позвать извозчика и приказал везти себя в это учреждение. А через час он вернулся и, как в первый раз, сказал ему на ходу:

– Зайди ко мне немного погодя.

Когда же Леберлех вошел, Иван Александрович как раз рассчитывался по счету.

Таким образом, он искусственно создавал себе кредит и несколькими удачными маневрами раздул его до значительной степени. Покупаемые вещи он закладывал в ломбарде, причем терял половину их стоимости, но это все-таки его устраивало лучше, нежели потеря всего. После перстенька он купил еще браслет с сапфирами и бриллиантками за триста семьдесят пять рублей и деньги эти внес сейчас же наличными.

Время все-таки шло быстро, а из Ялты никаких положительных сведений не получалось; Миркова начинала выражать какие-то сомнения; деньги окончательно иссякали, и уплаченные триста семьдесят пять рублей за браслет составляли все его имущество, причем при залоге купленной вещи Хмуров выручил всего полтора.

Пора была действовать, и Иван Александрович приказал фактору явиться к нему на другой день ровно к десяти часам утра.

XXIII. Сделка

Нечего и говорить о том, что в назначенное Хмуровым время к нему аккуратно и без опозданий стучался в номер фактор Леберлех.

– Вот какого рода дело, – Иван Александрович приступил прямо к сути, едва вошел еврей и, по привычке, остановился в почтенном расстоянии, около двери. – Я хочу не только удивить панну Брониславу Соужицку, но хочу поразить и всю Варшаву своею щедростью. Сходи за твоею приятельницею, и пусть она сейчас же, с тобою вместе, явится сюда со всеми своими сокровищами. Я решаюсь-таки наконец купить у нее хорошее бриллиантовое кольцо тысячи в три...

Можно было подумать, что Леберлеху свалилось с потолка к ногам состояние, так низко поклонился он ясновельможному пану. Через минуту он уже пересекал Саксонскую площадь и лупил, хотя и пешком, что было силы, куда его послали.

На продажу Хмурову бриллиантов в столь крупную стоимость он смотрел как на лучшее дело в мире, ибо вряд ли когда доводилось бедняге зарабатывать за одну комиссию целых триста рублей.

Но, вернувшись в гостиницу менее чем через полчаса, разумеется, в сообществе с известною торгов-

кою драгоценностями, Леберлех был встречен рядом разочарований. Начать с того, что Ивана Александровича он в номере уже не застал. Конечно, и Леберлех, и его спутница для совершения столь серьезной сделки готовы были прождать в коридорах хоть до ночи, но вскоре им было объяснено, что они более не нужны.

Это последнее заявление привело Леберлеха в такое глубокое уныние, что бедняга чуть не лишился рассудка.

Он все еще надеялся на какое-либо недоразумение и уговаривал свою спутницу не удаляться, а ждать, так как должен же был ясновельможный пан когда-нибудь вернуться к себе в отель и тогда все не замедлит выясниться.

Старуха и сама-то не желала уходить от покупателя, уже трижды оправдавшего возложенные на него надежды, и со свойственным ее нации терпением решила последовать приглашению Леберлеха. С видом невозмутимейшего подчинения воле судьбы и обстоятельств присели они в одной из оконных ниш огромного коридора и поставили на пол, у ног своих, с одной стороны ящик с крупными драгоценностями, а с другой – с более мелкими.

Леберлех то похаживал по дорожке, тянувшейся длинной лентой по всему коридору, и в томительном неведении вздыхал, то подходил к старухе и совер-

шенно бесполезно повторял вопрос о том, что же все это может означать?

Так прошло, во всяком случае, более часа, показавшегося, впрочем, волнующемуся Леберлеху полуднем. Он укорял себя, и ему все думалось, что он слишком долго бегал за старухой, тогда как по важности случая не грех бы было взять и извозчика.

Вдруг размышления его были прерваны появлением в нескольких шагах от него того, кого столь нетерпеливо ждал.

Чувства огромной радости и страха, чем же это все кончится, и усиленного сознания своей личной виновности сразу овладели бедным фактором. Он залез перед ясновельможным паном, точно жалкий преданный пес, чующий, что хозяин не в духе, и готовый перенести от него всю жестокость его ударов. А ясновельможный пан был действительно чем-то недоволен.

По знаку Леберлеха еврейка встала на его пути, но он даже и головой-то не кивнул в ответ на ее поклон, а самому фактору только строго сказал:

– Я велел тебе передать, что ты мне больше уж не нужен.

И, не обращая ни малейшего внимания на припадания Леберлеха, Хмуров вошел к себе в номер.

Не прошло и пяти минут, как Леберлех стал прислу-

шиваться к происходившему в номере через дверь, но, ничего не слыша, он припал к замочной скважине и столь же бесполезно стал туда глядеть. Наконец, он решился и сперва тихонько, а потом сильнее постучался.

Не скоро послышался ответ. Номер состоял из передней и трех комнат. Но Леберлех хоть и трусил, а вошел-таки и откашлялся.

– Кто там? – окликнул его Иван Александрович из гостиной.

– То я, ясный вельможный пан, то фактор Леберлех.

– Чего тебе еще надо? Ведь я сказал тебе, что ты можешь уходить.

– А Сарра с бриллиантами тоже должна уходить или может еще вас подождать в коридоре?

– И Сарра пусть уходит: мне бриллианты более не нужны.

– За что ж пан ясный так прогневался на нас?

– И не думал гневаться! Дело совершенно просто: едва ты ушел, ко мне заехал один приятель и, когда я ему рассказал, что хочу купить ожерелье тысячи в три, он повез меня к своему ювелиру, где я нашел не только прекрасные вещи, но и кредит на какое хочу время.

– Кредит? – переспросил как-то нараспев Леберлех. – Да разве Сарра не сделает ясному пану какой

угодно кредит?

И, не дождавшись ответа, он отпер дверь и позвал в номер терпеливо ожидавшую старуху. Едва она вошла, как Леберлех стал быстро-быстро ей рассказывать на своем жаргоне, должно быть, ужасные вещи, потому что она неоднократно менялась в лице.

Наконец она спросила:

– А ясний вельможный пан уже купил бриллианты у того ювелира?

– Нет еще, но ездил смотреть. Я обещал решить дело после завтрака, часа в два.

– То ясний пан пусть у меня сперва еще посмотрит, – сказала еврейка и прямо направилась со своими ношами к столу, где, не долго думая, и раскрыла известный ящик.

Она вынимала из него одну вещь за другою и поочередно передавала их Хмурову.

Он уже успел присмотреться к ним и знал их приблизительную цену. Потому-то он и держал долее остальных в руке именно то ожерелье, которое наиболее соответствовало его требованиям. Еврейка с одной стороны, Леберлех с другой восхищались предметом и уговаривали его купить.

– Ну да, – заметил как бы мимоходом Хмуров, – свяжись с вами, а потом будете надоедать каждый день.

Еврей с еврейкою переглянулись, и потом оба сра-

зу заботились, что они знают, с кем имеют дело, и верят ясновельможному пану, как самим себе.

Хмуров положил ожерелье на стол, отошел в сторону, сел в кресло и сказал:

– Все это прекрасно! Сущность в том, что хотя у меня и есть деньги в банке, но они заключаются в ценных бумагах, на которые теперь огромный спрос. Вследствие этого мои бумаги повышаются, и, по мнению опытных банкиров, они еще месяца два будут повышаться и могут дойти до баснословной цены. Мне нет никакой охоты терять от их продажи.

– Як же можно! – воскликнули разом и Сарра, и Леберлех.

– Вот то-то же и есть! – продолжал Хмуров. – А ювелир, которого мне рекомендовали, ждать готов сколько я сам ему назначу.

– И мы готовы.

– Да, но весь вопрос в том, можете ли вы ждать уплаты целых два месяца? – спросил тоном сомнения Хмуров.

Быстро переглянулся Леберлех с Саррою и столь же быстро ответил:

– Сколько сам ясный вельможный пан прикажет, столько мы и будем ждать.

– Я напишу вексель.

– Можно и вексель.

– На два месяца.

– Можно и на два месяца.

– В таком случае, – заключил Хмуров, – я, пожалуй, готов взять вот это ожерелье за три тысячи и даже думаю, что ювелир за такие же камни взял бы с меня дороже. Леберлех, беги за вексельной бумагой.

– В одну минуту.

Старуха осталась в номере с глазу на глаз с ясно-вельможным паном, но никакие дурные мысли уж не тревожили ее ум. Она перебирала вещи, перетирала их замшею и прятала в шкатулки, даже и не подозревая того, о чем думал теперь Хмуров, издали поглядывавший на нее.

Он думал о том, как легко бы было человеку сильному и смелому воспользоваться доверием старухи и ограбить ее. Но тут же он сознавал, что мудрено бы было скрыть следы преступления, и продолжал смотреть на нее, удивляясь ее доверию, ее спокойствию.

Вскоре вернулся Леберлех, и, еще раз полюбовавшись на некоторые вещи, но все-таки остановившись на уже избранном колье, Хмуров принялся за писание векселя.

– Условие, – сказал он строго, передавая документ еврейке, – до срока мне даже и не напоминать о долге: я этого не люблю.

Старуха поклонилась и вышла, но Леберлех подо-

шел к Хмурову поближе и тихим шепотом спросил:

– Може, мне что будет за мои труды и верную службу?

– Тебе? Изволь!

Хмуров достал из бумажника десятирублевку и протянул ее фактору.

– Падам до ног, ясный вельможный пан, – стал тот рассыпаться в благодарностях.

– Ну, хорошо, хорошо. Можешь теперь идти. Да и мне самому пора.

Едва Леберлех удалился, как Хмуров тоже снова оделся и вышел из гостиницы. Он громко крикнул извозчику адрес Брончи Сомжицкой и действительно поехал к ней, но, конечно, никакого ожерелья ей не подарил, а только просидел у нее часа полтора, и сделано это было для отвода глаз. Он рассчитывал прямо из дома пройти в ломбард.

Между тем отношения его к Бронче Сомжицкой становились все сердечнее. По крайней мере, с ее стороны уже замечалось серьезное увлечение. Молодой танцовщице нравился этот щеголь, и, давно наскучившая его предшественником, она отдавалась возрастающему чувству увлечения совершенно беззаветно.

Хмуров если и тратил много денег на ее глазах, то ее самое, собственно говоря, не особенно баловал в этом отношении. Правда, у нее было все, что требова-

лось. Роскошные туалеты, сделанные прежде, конечно, не успели обноситься. Карету или коляску, смотря по погоде, Хмуров присылал ей аккуратно ежедневно. Обедали они часто вместе, а ужинали уж положительно в одном из лучших варшавских ресторанов. Както еще в самом начале Бронча Сомжицка упомянула, что вся жизнь обходится ей в месяц в триста рублей, и, когда ушел от нее Хмуров, она нашла на своем столике эту сумму. Таким образом, ей казалось, что щекотливый денежный вопрос раз навсегда улажен и что Хмуров догадается отныне сам ежемесячно повторять этот необходимый для нее взнос.

Помимо этих мелочей, каковыми она сама считала все эти вопросы, остальное шло прекрасно.

Начать с того, что панне Сомжицкой жилось куда веселее с Хмуровым, нежели с его отбывшим предшественником. Хмуров оставался с нею с глазу на глаз только в редких случаях, и тем более дорожила она этими часами. В остальное же время ее всегда окружало блестящее общество из веселящихся молодых людей, и скучать Бронче никогда не приходилось.

Целою гурьбою являлись за нею на репетиции, усаживали ее в экипаж, раскланивались с нею в часы модного катанья.

За обедом в одном из первоклассных ресторанов Варшавы бывало ежедневно так весело, что с сосед-

них столиков поглядывали на их большой стол и завистливо улыбались взрывам их радостного хохота. Сыпались остроты, анекдоты, миленькие пикантные рассказы, и все это имело как бы некоторое отношение к ней или, по крайней мере, несомненно, предназначалось для развеселения преимущественно ее же.

Так шли дни за днями, так текли деньги у Хмурова, все время которого распределялось следующим образом: он вставал не позже десяти, занимался своим туалетом, читал газеты, уезжал или уходил либо к театру – ждать окончания репетиции, либо к кому-нибудь из приятелей, или же, наконец, к самой Бронче Сомжицкой на квартиру. Завтракал он у себя слегка перед уходом. Потом наступал час обычной прогулки. Там, в Уяздовской аллее или в Лодзенковском парке, снова все встречались. Если же бывала дурная погода, он просиживал у знакомых или у себя до обеда. Обед сопровождался легкими возлияниями, по преимуществу красного винца, и только иногда переходили к шампанскому. Затем театр, ужин и проводы им Брончи к ней на квартиру или Брончею его к нему в отель.

XXIV. Сюрприз

Нельзя сказать, чтобы Хмуров с своей стороны тоже привязывался к Брониславе Сомжицкой. Одно только несомненно и бесспорно: она тешила его самолюбие, благодаря тому что на них, то есть на него с нею, было обращено всеобщее внимание.

И понемножку, увлекаясь мелочами теперешней жизни, Хмуров, по свойству своего крайнего легкомыслия, не то чтобы забывал совершенно остальное, но, во всяком случае, начинал уже пренебрегать им.

Реже писались письма в Москву, а те, которые теперь отправлялись далеко уже не ежедневно, были короче, и трудно становилось автору держаться в них прежнего тона печали, любви и душевного стремления к скорейшему сближению. Он продолжал лгать относительно мнимой болезни столь же мнимого и никогда не существовавшего дядюшки. Он говорил, что старик, опасаясь скорой кончины, возложил на него устройство дел. Конечно, прибавлял он каждый раз к этому, это ему скучно, но ни страстью, ни тоскою уже не отзывало от этих приписок, тогда как ему казалось, что и так все сойдет прекрасно.

Что касается Ялты, так получаемые оттуда известия тоже не соответствовали ни надеждам, ни рас-

четам, ни вообще ожиданиям.

Пузырев принял за правило писать раз в неделю и выполнял это с похвальной аккуратностью.

Мало того, всегда в одном конверте получалось от него два письма сряду, и легко было узнать Хмурову, которое из них подлежало немедленному уничтожению как интимное и которому предназначалась вполне официальная роль.

Если в письмах последней категории Пузырев и продолжал жаловаться на свой возрастающий недуг, то в первых, напротив, высказывал горькие жалобы на то, что дело, по-видимому, значительно затянется.

По этому поводу он вполне определенно высказывался в следующих выражениях:

«То, чего я уж никак не ожидал, начинает проявляться с ужасающей меня очевидностью. Представь себе, что мой больной Григорий Павлович Страстин стал здесь серьезно поправляться. Чудная осень юга действует на его здоровье благотворно. Он дышит легче, и вообще в нем заметно прибавилось силы. Конечно, все это вздор и сомнений или серьезных опасений у меня еще нет. Я знал и раньше о возможности такой перемены к лучшему при перемене плохих жизненных условий на более благоприятные. Тем не менее досадно, что дело затягивается, и досадно в особенности вследствие недостатка денег. Не знаю, как

ты там в Варшаве, а я более нежели аккуратен: я позволяю себе только то, что желательно ему. И странное во мне самом происходит раздвоение! Если, с одной стороны, мне и досадно на то, что развязка затягивается, то с другой – я невольно поддаюсь совершенно противоположному чувству. Мне невыразимо жаль беднягу, и по временам он меня глубоко трогает. В особенности располагает к нему его признательность за все, за каждую мелочь, и я вижу, как к нему возвращается, вместе с верою в людей, вера или надежда на возможность дальнейшей еще жизни.

Конечно, для наших будущих расчетов со страховым обществом „Урбэн“ весьма даже полезно некоторое еще промедление с финалом. Трудно не возбудить никаких подозрений при представлении свидетельства о смерти человека от быстротечной чахотки, когда всего месяц с небольшим перед этим человека этого они свидетельствовали и чуть не сравнивали по комплекции со здоровым волом.

Но еще раз повторяю, дружище, все это куда бы еще ни шло, если бы нам с тобою позволяли финансы подольше выдержать в выжидательном положении. О себе я еще не говорю: я свел свою жизнь к крайней экономии, и, если бы ты меня здесь увидал, вечно с больным, не отходя от него ни на шаг и заботясь о нем, как об родном ребенке, уверяю тебя, ты бы счел

меня рожденным для роли сиделки. Но как-то ты там в Варшаве? Вот вопрос, который меня очень интересует, и невольно иногда меня берет страх: выдержишь ли ты скромную роль и не прорвешься ли?..»

Так писал Илья Максимович Пузырев, заканчивая свое послание просьбрю повоздержаться, ибо только терпящий казак может выбраться в атаманы.

Но все это производило на Ивана Александровича Хмурова совсем иное действие.

Начать с того, что человек этот привык жить минутою, жить настоящим и отнюдь не обладал способностью заглядывать в глубь каких-либо вопросов. У него хватало ума и соображения придумать любую пакость, чтобы временно извернуться, и в деле с покупкою у еврейки Сарры бриллиантов он выказал даже некоторую выдержку.

Но точно так же, как трудно ему было из Москвы оторваться от намеченного плана обирания тем или иным путем Мирковой, его бы теперь и из Варшавы мудрено было вытащить.

Пока жилось весело, Хмурову казалось, что вечно так и будет. Одна удача вызывала в нем уверенность в непогрешимости, в гениальности своего ума, и в эти последние дни Иван Александрович серьезно убедился в том, что при неудаче плана Пузырева он все-таки не пропадет. Ему казалось уже, будто бы он

создал себе в Варшаве кредит неисчерпаемый и что на него вполне смело можно рассчитывать.

Но в качестве самого глубокого эгоиста он вывел из последних писем Пузырева еще одно заключение.

Сотни три, а может, и четыре удастся всегда у него выманить, под предлогом, что свои деньги все вышли и более жить не на что.

Порешив таким образом, он продолжал все по-прежнему.

Только на другой день приобретения от Сарры известного бриллиантового ожерелья счел он возможным обменять его на наличные деньги.

Приняв все требуемые предосторожности, он отправился в ломбард и уже хотел подойти к оценщику, как вдруг увидал в сторонке у одного из окон старуху Сарру с ее двумя ношами, стоявшую к нему спиною и о чем-то горячо беседующую с целой группой евреев.

Как вор прокрался он к выходу и до того перепугался, что только на улице свободно вздохнул. Еще раз оглянувшись, точно боясь погони, он теперь только заметил прибитую ко входу в ломбард доску с надписью:

«Сегодня аукцион».

Оставалось отложить дело ликвидации еще на сутки. Но как счастливо избежал он взора Сарры. Что, если бы она увидела его в момент закладывания куп-

ленных у нее с совершенно иным назначением бриллиантов? Конечно, юридически она бы с ним ничего не поделала, так как раз проданная, хотя бы и в кредит, вещь переходит всецело в распоряжение купившего ее, и если он волен ее подарить кому заблагорассудится, то почему бы ему и не быть вправе заложить или продать ее по личному усмотрению своему?

Но скандал тем не менее был бы неминуем. Пошли бы толки, сплетни, и престиж его скорехонько бы пошатнулся.

Он счел, что, коль скоро случайность его теперь спасла, – значит, он еще находится под особым покровительством своей счастливой звезды.

Да и в самом деле, до поры до времени все шло прекрасно.

Во мнении общества он уже завоевал себе симпатии, и только некоторые в этой среде еще интересовались подробностями, относящимися, впрочем, более всего к его интимным отношениям с Брончею Сождицкою.

Кто болтал – Леберлех ли или старая торговка Сарра, – трудно с точностью было бы определить, но как-то вскоре прознали, что Хмуров покупает для предмета своих увлечений недурненькие ценные безделки.

– Странно, – говорили одни, – как это на ней не видать этих обновок.

– Она надевает их только на сцене, – говорили другие.

– А может быть, она так бережлива, – догадывались третьи.

В общем же все их касавшееся интересовало кружок праздных прожигателей жизни.

Каков бы был, однако же, эффект, если бы прознали, что все эти покупки являлись только подготовительною работою к задуманному обиранию старухи Сарры, так как жить дольше уже не хватало у Хмурова средств.

Он возвращался из ломбарда, частью раздосадованный неудачею, частью довольный хоть тем, что не попался прямо на глаза еврейке.

Сперва он думал было пройти прямо к себе в «Европейскую гостиницу», но потом новая мысль у него блеснула, и он направился к Бронче Сомжицкой, хотя и знал прекрасно, что в это время она должна быть как раз на репетиции.

Он вошел в подъезд ее квартиры на Маршалковской и был крайне поражен, когда на звонок ему отперла дверь не горничная Франческа, а его же фактор Леберлех.

Предчувствие чего-то недоброго разом охватило его, и он почти вскрикнул:

– Что случилось? Зачем ты сюда пришел? Да гово-

ри же!

– Ясный вельможный пан, – зашептал в не меньшем волнении Леберлех. – Пожалуйста немедленно до дому...

– Да в чем дело?

– Пожалуйста до отели. Вас спрашивают по очень важному делу из Москвы. Там приехали...

– Кто приехал? Говори же толком, черт тебя подери!

– Приехала из Москвы одна ясновельможна пани.

– Ты говоришь, приехала дама из Москвы? Как она выглядит? Еще молодая, брюнетка, красивая, да?

– Молодая, ладна, як персик, brunетка и красива. Да вот ее визитная карточка.

Хмуров вырвал карточку из рук и прочитал следующие три имени:

Зинаида Николаевна Маркова.

XXV. В Ялте

В действительности же, пока Хмуров так или иначе путался и распутывался в Варшаве, вот что происходило в Ялте.

Илья Максимович писал правду, сообщая о том, что здоровье Григория Павловича Страстина как будто бы улучшилось со времени прибытия на благодатный юг.

Дело, однако, заключалось в том, что явление это было временным и объяснялось разве только значительным подъемом духа, выражавшимся во внешних формах и далеко не стоящим в зависимости от облегчения состояния его неизлечимого недуга. Напротив, вскоре даже сказалось, до какой степени эта усиленная деятельность ободренного духа возросла в ущерб общего организма, давно уже окончательно подорванного и расшатанного. Достаточно было более продолжительной прогулки однажды вечером по морскому берегу, чтобы всю ночь после этого прокашлять и выглядеть на другой день совсем погибшим человеком.

Тогда Илья Максимович понял всю безосновательность своих опасений, а с другой стороны, твердо решил как бы в наказание себе за эти сомнения и некоторый свой ропот удвоить свои попечения о несчаст-

НОМ.

Он счел даже возможным пригласить врача и с этой целью обратился сперва за советом к домохозяйкам, к Любарским.

– Рекомендация в подобных случаях, – отвечал ему сам Любарский, – дело более нежели щекотливое. Я скажу даже: опасное.

– Но почему же?

– Когда идет вопрос если даже и не о спасении, то хоть о продлении жизни человека, тогда трудно специалисту по медицине указывать на того или другого исцелителя, – пояснил свою мысль Любарский.

– Конечно, конечно, – поспешил согласиться Пузырев. – Но ведь и мы не требуем от врача невозможного или чудес. Все, о чем я вас прошу, это указание мне доктора, еще сохранившего в сердце своем теплое отношение к своему великому делу... – Как бы запнувшись на слове, он прибавил с улыбкою, извиняющею или смягчающею, по крайней мере, резкость своего выражения: – Я бы хотел или предпочел иметь дело не с зазнавшейся знаменитостью, а с простым, непретенциозным врачом, относящимся к делу прежде всего человечно.

– В таком случае, – ответил Любарский, тоже улыбаясь, но с выражением безграничной доброты, – я могу вам указать на Ивана Павловича Смыслова. Он

врач еще молодой, еще увлекающийся даже, и человек, уж во всяком случае, безусловно честный. Съездите к нему, я дам вам его адрес и думаю, что дела он уж никак не испортит, а в данном случае, насколько я вижу, все ваши опасения главным образом к этому и сводятся.

Поговорили еще несколько минут о приезжих медицинских знаменитостях, об их претензиях, о баснословных требованиях чудовищных гонораров и расстались при довольно искренних рукопожатиях.

Пузырев сразу понял, с кем имел дело и как с этими простыми, честными людьми надо было говорить. И действительно, они, считавшие его за озабоченного друга, честно и с редким даже терпением исполняющего роль брата милосердия при больном, не могли не питать к нему или, по крайней мере, к его подвигу уважения.

Такое же впечатление сумел он произвести и на молодого врача. Он счастливо застал Ивана Павловича Смыслова дома и тотчас же приступил к делу.

– Я к вам, доктор, от Любарских, – сказал он, входя.

– От Любарских? – переспросил как бы испугнутый Иван Павлович. – Что случилось? Кто из них заболел?

– Успокойтесь, доктор, ни тот, ни другой, – поспешил с ответом Пузырев. – Я приехал за вами по их рекомендации.

– Да, понимаю. Чем могу быть полезным?

– Я попрошу вас со мною вместе навестить моего больного друга.

– Извольте, поедемте.

– Но раньше попрошу вас выслушать меня. Вам, как врачу, необходимо кое-что знать о больном; мне в качестве его друга следует обо всем этом вас предупредить потому уж, что сам он вам ничего не скажет.

– Я слушаю, – ответил просто доктор и только придвинулся несколько к своему посетителю.

– Меня зовут, – начал Пузырев свое повествование, – Григорий Павлович Страстны. Я давно дружен с неким Пузыревым, Ильей Максимовичем Пузыревым, человеком, пережившим после воспаления в легких глубокое сердечное горе, способствовавшее быстрому развитию той ужасной болезни, которую в общежитии неспециалистов привыкли называть скоротечною чахоткою.

– Он, конечно, лечился? – спросил врач.

– Представьте себе, что нет! – воскликнул почти с негодованием Пузырев. – Напротив, он как бы рад был своей болезнью, и это-то именно объясняется глубоким сердечным горем, о котором я сейчас только упоминал.

– Все может быть, – заметил вдумчиво Иван Павлович Смыслов. – И вы говорите, – добавил он, – что

ваш знакомый Пузырев довел свою болезнь до крайних пределов?

– Да, доктор, до того состояния, когда уже поздно задумываться над способами спасения и остается только искать средств облегчения неизбежных страданий.

– Что же делать? Поедемте.

Он быстро собрался и дорогою все еще расспрашивал своего спутника. Пузырев продолжал в том же тоне, и когда они входили к больному, то доктор Смыслов был твердо убежден в том, что ни о чем расспрашивать пациента не следует, чтобы не раздражать его, и совершенно достаточно определить себе, в каком отношении можно смягчить его неизбежные страдания.

Поверхностному осмотру, продолжавшемуся, впрочем, недолго, Страстин подчинился безропотно. Доктор, не утруждая его никакими расспросами и вполне полагаясь на показания его приятеля, тем более что таковые согласовались с действительно безнадежным положением больного, нашел возможность сказать ему на прощанье несколько слов утешения, но в другой комнате, составляя рецепты, прямо и откровенно заявил:

– Дело и впрямь совсем плохо. Тут вопрос весь сводится к нескольким дням: с неделю дольше про-

живет он или днями тремя-четырьмя раньше скончается, определить в точности не берусь. Одно приходится констатировать, и мой долг вас предупредить об этом, что положение совсем безнадежно. Примите все меры, если почему-либо ему нужно сделать предсмертные распоряжения; вот все, что я могу вам сказать.

Самые рецепты прописанных лекарств заключались в успокоительных средствах, и доктор вскоре уехал.

Тогда Пузырев вернулся к больному. Он присел к его кровати и спросил сперва:

– Не надо ли вам чего?

– Ничего, благодарю.

– Не встревожил ли вас доктор своим осмотром и выслушиваньем?

– Нет. Он старался не мучить меня и не томить, как делают это все.

Страстин говорил медленно, с трудом и тяжело переводя дух. Но все-таки он немного погодя спросил:

– А что он вам сказал?

– По поводу вашей болезни?

– Ну, да.

– Он меня значительно успокоил, – поспешно ответил Пузырев.

– Перестаньте. К чему хотите вы меня обмануть?

Напрасно и вы, и он ищите утешений. Моя болезнь неизлечима, и разве только я дотяну еще до будущей весны...

Невольно вздохнул Пузырев перед этим самообманом и сказал вслух:

– Верьте науке; вот и сейчас доктор прописал вам две вещи, благотворное влияние которых ваш организм сейчас же оценит.

– А что это?

– Одно средство укрепит ваши несколько расшатанные нервы, а другое даст вам добрый, крепкий сон.

– Соснуть хотелось бы, да. Мне очень тяжело и все холодно. Прикройте меня чем-нибудь теплым, да нельзя ли протопить?

– Сейчас, сейчас, дорогой вы мой. Вот вам большой плед, от которого тепло вам станет, как в печке; а затем мы растопим камин, и самое тление угля вас развеселит.

Он делал все охотно сам, продолжая, как и вначале, опасаться впускать сюда часто прислугу, хотя Дуняша, горничная, приставленная во флигель Любарскими, довольно исправно следовала инструкции своих нанимателей и ни разу еще не позволила себе обратиться за чем бы то ни было непосредственно к больному.

Его так и продолжали все считать за Пузырева, а

Илью Максимовича за Страстина, что было необходимо для осуществления планов относительно получения страховой суммы из общества «Урбэн».

Когда лекарство было принесено из аптеки, Пузырев сам дал больному дозу, предписанную врачом, и потом снова присел к изголовью его постели.

Усталость, а может быть, и наркоз взяли свое: Страстин заснул, и Илье Максимовичу удалось выйти подышать у себя в садике свежее вечернее прохладое. Уже наступил вечер.

Погода снова оправилась...

Месяц, только что народившийся, сверкал по темно-сапфировому небосклону ярким золотистым серпом. Мириады звезд сияли вдали. Млечный Путь словно дымкою протянулся с горизонта на горизонт. Море равномерно катило свои волны под плеск их о береговые скалы...

Но ничто в природе не тронуло и не поразило Пузырева: все мысли его, все стремления, все надежды были направлены только к тому вожделенному для него моменту, когда из страхового общества получатся деньги, стоящие для него выше всего на свете.

Да тогда и небо, и звезды, и море, и горы могут быть приняты за отраду в пейзаже, а теперь не до них ему, озабоченному, как бы не пропустить ни единой мелочи в окружающей обстановке, могущей впоследствии

подорвать весь его гениальный план.

И вдруг он услышал голоса с той стороны, куда выходила терраса домовладельцев.

Он воспользовался тем, что из густых кустов не могли его разглядеть, тем более что он был одет весь в темное платье, – подкрался поближе и прислушался.

Говорили муж и жена.

– Такая дружба, – слышался мужской голос, – редкость в наши дни, но самое существование ее только говорит в пользу современного человечества.

– Конечно.

– Пусть скептики – говорят что угодно, а вот им лучшее доказательство, что люди нашей эпохи только закружились и запутались в разных, теориях практичности и эгоизма, – а в сущности так же склонны к любви и к беспредельной дружбе, как прежде...

– Ты говоришь – к любви? – переспросил женский голос, звучавший приятным контральтовым тембром.

– Ну да, а что?

– Я не совсем понимаю, при чем в данном случае любовь?

– Как при чем, друг мой, если тебе говорят, что этот бедный жилец наш, Илья Максимович Пузырев, умирает от нее. Чего ж тебе еще нужно?

– Да так. Я тебя раньше не поняла. Но неужели этот бедный человек так уж осужден на смерть? – спроси-

ла она еще.

– По словам Смыслова, да, – ответил Любарский своей жене. – Он, по крайней мере, признал его безнадёжным.

Наступило молчание.

Немного погодя женский голос снова заговорил, и Пузырев внимательнее прислушался.

– В данном случае трудно решить, – сказала Любарская, – кого из них более жалеть: умирающего ли Пузырева или не отходившего от его смертного одра Страстина, поведение которого вообще к нему безукоризненно?

Ответа Пузырев не расслышал.

Ему и этого было достаточно: он убедился, какого о нем были мнения те люди, к которым в случае чего обратится прежде всего при проверке фактов, сопровождавших кончину застрахованного человека.

Так же тихо, как подкрался он сюда, удалось ему и отретироваться.

Он вернулся к себе во флигель и, предвидя еще много трудов, лег, пока больной сам спал и не нуждался в его помощи.

И в самом деле, только незначительная часть ночи прошла благополучно, а затем больной проснулся в страшном приступе самого ужасного кашля.

Потом, обессиленный, со струившимся по лбу хо-

лодным потом, опустился он на подушки, и дыхание его было так тяжело, легкие его свистели, пыхтели и шумели, словно старые, прорванные кузнечные мехи.

Кругом в поздний ночной час все было тихо, и только однообразный плеск морской волны о гранитный берег говорил о равнодушии великой стихии ко всем горестям и болям людским...

Пузырев сидел у лампы с темным колпаком и ожидал развязки.

Но она и в эту ночь еще не наступила, хотя иногда больному, видимо, становилось до того тяжело, что казалось, агония уже началась.

Утром Пузырев что-то написал пером на лоскутке бумажки и с написанным пришел к домовладельцам.

– Я не могу ни на минуту оставить моего друга, – сказал он, – но вот телеграмма, которую прошу вас сейчас же отправить. Пожалуйста, прочитайте ее сперва, так как в ней выражена и косвенная просьба к вам.

– Просьба к нам? – переспросили в один голос Любарский и его жена.

– Прочитайте.

Они развернули листок, и вот что там значилось:

«Варшава,

„Европейская гостиница“.

Ивану Александровичу Хмурову. Приходится

плохо, совсем конец. Если умру, домовладельцы Любарские перешлют тебе свидетельство и другие документы.

Пузырев».

И тут же он передал им довольно объемистый пакет, впрочем незапечатанный.

В удивлении взял его в руки Любарский и вертел, не зная, что с ним делать?

XXVI. Отъезд

В пакете лежал страховой полис на имя Ильи Максимовича Пузырева с бланковой надписью, сделанною тою же рукою, которою была написана телеграмма, еще какой-то запечатанный конверт, адресованный тому лицу в Варшаву, что и депеша, и, наконец, записка следующего содержания:

«Покорнейше прошу господ Любарских, наших домовладельцев в Ялте, в случае кончины моей немедленно же отправить прилагаемый страховой полис общества „Урбэн“ и письмо в город Варшаву, на имя Ивана Александровича Хмурова, проживающего там в „Европейской гостинице“.

Илья Максимович Пузырев».

Прочитав эту записку, Любарский склонил голову в знак согласия, а потом спросил:

– Как провел ночь ваш друг?

– Ужасно, – ответил с глубоким сокрушением. Пузырев. – И он, и я имели покой только до полуночи и с тех пор глаз не сомкнули. Но я боюсь оставлять его одного. Пожалуйста, распорядитесь сейчас же насчет депеши, вот деньги; а я должен вернуться к нему.

– Вы ждете к себе доктора? – спросил участливо

Любарский, провожая гостя до дверей.

– Да, Иван Павлович хотел быть.

Но ни в этот день, ни даже в последующий Страстин еще не скончался. Врач, действуя на успокоение больного, доставлял ему некоторый отдых и сем давал силы дольше бороться с ужасною, неизлечимую болезнью.

Пузыреву поминутно казалось, что наступила агония, но хриплое дыхание и полузабытье больного были в прямой связи с его ужасными страданиями.

Из Варшавы на телеграмму не было получено ответа. Впрочем, это нисколько не тревожило Пузырева: он вполне понимал, что на подобную депешу Хмурову было бы трудно отвечать что-либо.

Любарские, все более и более располагавшиеся к настоящему Пузыреву за его подвиг дружбы и самоотвержения, теперь уже сами искали случая поговорить с ним и сказать ему при каждой беглой встрече хоть слово утешения.

– Вам самим нужен отдых, – говорили они ему как-то дня через два после отправления депеши. – Вы совсем измучились. Не приедет ли вам на смену или хоть в облегчение тот господин Хмуров, которому больной телеграфировал?

– О нет! Ему, к несчастью, нельзя выехать из Варшавы, – отвечал тоном глубокого сожаления Пузы-

рев. – Не то бы он действительно во многом мне помог.

– Вам надо взять сиделку, – уговаривали они его еще.

– Зачем? – как-то безнадежно и беспомощно отзывался Илья Максимович.

– Как зачем? Чтобы отдохнуть. Ведь на вас лица нет.

– Я отдохну потом, после печальной развязки. Когда все будет кончено, я уеду за границу... А пока он просит не отходить от него.

Таким образом, Пузырев исподволь подготавливал их ко всему.

Прошло еще несколько дней, крайне томительных для всех.

Однажды Пузырев заснул в кресле, до того он был переутомлен, как вдруг ему приснился страшный сон: все вокруг сохраняло ту же обстановку, и больной по-прежнему лежал на своем смертном ложе, тяжело дыша и молча страдая. Та же лампа слабо освещала комнату, и по временам Пузырев будто бы продолжал поглядывать на Страстина. Но вот Григорий Павлович на локтях приподнялся, сел, спустил ноги с постели, встал и молча, не произнося ни звука, вышел из комнаты...

Пузыреву казалось, что он видел удалявшегося

Страстина, до такой степени ясен был сон, и в страшном испуге за безумный поступок больного он громко вскрикнул...

Вскрикнул и проснулся...

Все тихо было в комнате. Так же горела лампа, слабо освещая больного в постели, и Пузырев не мог сразу понять, долго ли он так проспал?

В первую минуту он был в состоянии одно только ясно себе усвоить, а именно что больной никуда не ушел, что он продолжал лежать тут, перед ним, тихо и неподвижно и что *то*, стало быть, ему только приснилось.

Но, успокоенный, он стал вглядываться в Страстина, и вдруг озноб быстрою, ледяною струйкою пробежал по его плечам, по спине, по всем жилам.

Григорий Павлович лежал слишком тихо, слишком неподвижно, причем ноги его под одеялом настолько вытянулись, что он теперь казался куда длиннее обыкновенного.

Чувство страха, удвоенного беспокойством и уже подступившими угрызениями совести за то, что он проспал его последние страдания, еще увеличилось в Пузыреве, и он кинулся к кровати, взглянув прямо в бледно-зеленоватое лицо Страстина с заостренным носом, схватил его за руку...

Но рука была как лед и так тяжела, что, казалось,

не было никакой силы ее поднять.

Тогда Пузырев крикнул:

– Страстин! Григорий Павлович! Что с вами? Очнитесь, откликнитесь!

Но труп не откликнулся, и в слабом освещении лампы казалось только, будто бы по этому восковому лицу теперь блуждала едва приметная улыбка облегчения и примирения со всем перенесенным, со всем пережитым.

И смысл этого несколько загадочного выражения лица покойника Пузырев все-таки понял...

Он склонился на одно колено перед умершим, поправил руку его и перекрестился.

Потом он сразу понял, что тут не приходится терять время по-пустому.

Он взглянул на часы.

Было десять вечера.

Пузырев вышел и направился в дом Любарских. Там постучался он с черного крыльца и поспешно сказал выбежавшей горничной:

– Дуняша, пожалуйста, поскорее бегите за доктором. Берите первого встречного извозчика и везите его сейчас же сюда. Если бы вы не нашли дома Ивана Павловича Смыслова, то разыщите другого какого-нибудь, но без доктора не возвращайтесь...

Сам же он ушел к себе во флигель и снова подо-

шел к кровати умершего. Все тот же едва приметный намек на улыбку примирения и облегчения страданий блуждал по лицу покойника, и выражение это как-то успокоительно действовало на Пузырева.

Но вдруг позади его окликнули и кто-то осторожно постучался в дверь.

Он невольно вздрогнул, как могло бы то случиться с любым человеком, глубоко задумавшимся перед великою тайной смерти, и оглянулся. Но дверь была заперта, и ему пришлось отступить, чтобы открыть ее.

Там стоял Любарский.

– Извините, но не нужно ли вам чего? – спросил он вполголоса и участливо. – Я слышал, вы послали Дуняшу за Иваном Павловичем.

Молча взял Пузырев Любарского за руку и привлек к самой кровати только что умершего. Тихо проговорил:

– Взгляните.

Но Любарский уже с первого момента, еще стоя у отворившейся перед ним двери, увидал и понял, что тут все было кончено. Теперь, лицом к лицу с покойным, он в свою очередь взял руку Пузырева и, пожимая ее, говорил:

– Сколько вы настрадались! Чего не вынесли вы за эти два месяца!

– Мне тяжело оставаться с ним теперь, – сказал Пу-

зырев.

– О, мы найдем людей, которые посвятили себя специально этому печальному делу. Вам же нужен отдых, покой. Я могу вам предложить комнату у себя в доме...

– Благодарю вас. Мы толькождемся прибытия врача, для констатирования...

– Да, конечно, неизбежные формальности нужно же соблюсти.

Не замедлил явиться и доктор, которого Дуняша благополучно застала дома. Он взял руку умершего, потом потрогал веки его глаз, пригнулся к нему и наконец сказал:

– Сомнения нет, все кончено.

Они все перешли в другую комнату, и там врач присел к столу, чтобы написать удостоверение, требуемое заведенным порядком для беспрепятственного предания останков умершего земле.

– Я попрошу вас, – сказал ему Пузырев, – написать еще одно свидетельство для представления в страховое общество...

– Как, жизнь его была застрахована? – в некотором удивлении спросил доктор Смыслов.

– Да, и даже в довольно значительную сумму, – отвечал совершенно спокойно Пузырев.

Но Любарский счел долгом вмешаться. Приближа-

ьясь к столу, за которым продолжал сидеть Иван Павлович, он сказал:

– Страховой полис общества «Урбэн» на шестьдесят тысяч рублей находится у меня.

– У тебя?

– Да. Покойник просил меня письменно немедленно по кончине его отправить этот документ в Варшаву, к некоему господину Хмурову, которому он и передаст право получения этой суммы. Конечно, ему там понадобится удостоверение о смерти застраховавшегося...

Доктор только сказал:

– Так.

Он задумался.

Видя, однако, что он не пишет, Пузырев заметил как бы так, мимоходом:

– Неоднократно бедный умерший друг мой просил меня быть исполнителем его последней воли, но я всегда отказывался...

– Вы все-таки были так дружны? – невольно спросил доктор.

– Да, но я ни перед другими, ни перед самим собою не желаю нести ответственности в денежных делах.

– А этот Хмуров, которому пошлются документы в Варшаву, его родственник...

– Нет, – ответил Пузырев, – он просто его друг, и по-

койный ему именно поручил, как распорядиться страховой суммой...

И доктор, и Любарский не прерывали молчания, видимо ожидая еще других объяснений. В самом деле, Пузырев остановился ненадолго и сказал:

– Покойный задался одной странной мыслью: он застраховал себя с единственной целью, чтобы вся страховая сумма, выданная по его смерти, была бы посвящена его другом, Хмуровым, на одно благотворительное дело...

Оба слушателя невольно заинтересовались.

Тогда Пузырев не пожалел красок, и через несколько минут доктор и Любарский были проникнуты чувством самого глубокого уважения к умершему и к его благородной воле.

А этого только и нужно было Пузыреву, ввиду того что молодой врач оказался весьма осторожным. Теперь доверие было полное и за свидетельством, конечно, дело не стало.

Откуда-то взялись какие-то странные люди с предложением заняться всеми приготовлениями к похоронам.

Никто не успел еще их предупредить, а сошлись они сюда, как слетаются коршуны и вороны справлять тризну над мертвыми костями.

И наконец все вышли из флигеля, предоставив им

дальнейшие хлопоты около того, что не двигалось и лежало как пласт, около того, что так недавно еще томилось и страдало.

Но долго еще говорили в доме у Любарских об умершем, об его кротости, о дружбе, о целях, преследуемых покойным в страховании, пока наконец все не вспомнили, что гостю давно пора на отдых и что для покоя, а не для расспросов его сюда, в сущности, и пригласили.

Пузырев остался один.

Он осмотрелся кругом, убедился, что никто не смотрит за ним, и достал из жилетки кармана какой-то пузырек с каплями. Он отсчитал их десять в заранее подготовленный ему на ночь стакан для питья, налил потом туда с рюмку воды и разом его выпил.

То было сильное наркотическое средство для успокоения нервов, прописанное доктором Смысловым больному, но принимаемое иногда для личного укрепления и Пузыревым.

Затем он разделся, задул свечу и, в самом деле успокоенный, почти моментально заснул.

На другой день начались некоторые неизбежные хлопоты: утром и вечером панихиды, поездки по поводу своего заграничного паспорта, вынос тела в церковь. На третий день похороны и затем отъезд.

Тепло и почти дружески простились Любарские с

отъезжавшим. Они даже проводили его на вокзал, вполне сочувствуя его поездке для отдыха за границу.

– Вам надо встряхнуться, – говорили они, пожимая ему руку на вокзале.

Он вздыхал в ответ и роль свою выдержал до конца.

Когда же поезд отошел и он мог углубиться в сиденье своего второклассного вагона, на лице его заблуждала улыбка и он подумал: «Нет, этих людей хоть к трем следователям сразу вызывай, они всецело на моей стороне, и никому их не разуверить в двух вещах: во-первых, в том, что скончался у них во флигеле Илья Максимович Пузырев, а во-вторых, в том, что ныне отъехавший за границу друг его Григорий Павлович Страстин самый честнейший и бескорыстнейший человек в мире».

Раздумывая затем на досуге дорогою, Пузырев восхищался своим умом и с каким-то смакованием вспоминал, до какой степени хитро им было все придумано.

Он проверял все мельчайшие подробности своего поведения со дня подачи заявления в общество «Урбэн» о желании застраховать свою жизнь и вплоть до момента отъезда из Ялты за границу.

Все было исполнено с тактом, с выдержкою и апломбом, перед которыми по временам он сам толь-

ко удивлялся. Ему казалось, будто ничто не было забыто или упущено. И по минутам он даже вопрошал себя: «Да полно, я ли это все так ловко смастерил? Я ли один так гениально во всем распорядился?.. – Тогда он добавлял: – Теперь очередь за Хмуровым. Но что? Его дело детская игра рядом с тем, что я вынес на своих плечах».

И снова вспоминался с каким-то самохвальством, доходившим до восторженного захлебывания, каждый шаг, доказывавший всю обдуманность собственных поступков.

Даже и отсылка документов в Варшаву состоялась только накануне его отъезда из Ялты. Он, Пузырев, доедет до Вены, а в это время как раз получит Иван Александрович Хмуров в своей «Европейской гостинице» в Краковском предместье заказной пакет от Любарского, в котором сложены: полис, письмо и докторское удостоверение о смерти, с подробным изложением ее причин.

По временам только вопрошал себя Пузырев: может ли человек, казавшийся вполне здоровым, задохнуться от быстротечной чахотки в какие-нибудь два месяца?

Но он вспомнил утвердительные ответы, полученные им от всех на это, и понемногу успокоился.

Потом постепенно другие заботы дали иное на-

правление его мысли.

Он проверил свои деньги.

В сущности, жил он сколь возможно тихо в Ялте и расходовал немного. Похороны разве только обошлись ему довольно дорого, и в конце концов, взяв билет до Вены, у него еще оставалось немного более четырехсот рублей.

Дело с обществом не могло затянуться, по его мнению, и в «Урбэне» задержки к выдаче не будет.

Из этого он выводил заключение, что по приезде в веселую австрийскую столицу он в полном праве вознаградит себя за все перенесенные в Ялте лишения и за тот идеальный уход, которым он окружал умершего.

Начать с того, что Илья Максимович на этот раз остановился в первоклассной гостинице на Opern-Ring'e, а именно в знаменитом «Отель Империял». Там за три гульдена в сутки, составлявшие по курсу около двух рублей с четвертью, ему отвели прекрасный номер, правда наверху, но к услугам его был так называемый *лифт*, то есть подъемная машина.

Немедленно отправил он в Варшаву следующую депешу, написанную по-русски, но латинскими буквами:

«Ostanowilsa Hotel Imperial. Uwédomi, kogda poloutschisch dokoumenti i kogda pofedesch

Moskwou poloutschat dengui.

Strastin».

Это означало:

«Остановился в гостинице „Империял“.
Уведоми, когда получишь документы и когда
поедешь в Москву получать деньги.

Страстин».

XXVII. Лицом к лицу

Отправив Хмурову в Варшаву телеграмму, Пузырев окончательно успокоился и предался тому, что он называл вознаграждением себя за долгие посты и лишения.

Вену он знал несколько и ранее, так как не впервые в ней останавливался. Немецким языком он владел вполне достаточно, чтобы понимать все, даже на особом венском диалекте, всегда его забавлявшем и почему-то казавшемся ему комичным; сам же он изъяснялся настолько порядочно, что и его понимали.

Отдохнув как следует с дальней дороги, он в первый вечер никуда не отправился, а принял теплую ванну и приказал себе подать ужинать в номер.

Прекраснейшим образом напившись и отдав полное внимание бутылке доброго белого гумбольдскирхнера, Пузырев лег с газетою в руках. Ему хотелось хорошенько ознакомиться со всеми венскими увеселительными местами, готовыми назавтра радушно его принять и распотешить. Но вскоре усталость взяла верх над любопытством, и, завернув электрическую кнопку от лампочки, он уткнулся носом в подушку и крепко заснул.

Проснулся он рано, вследствие усилившегося дви-

жения в коридоре и шума, начавшегося на улице. Жизнь начинается за границею рано, и часто случается проезжающим из России, в особенности через Вену и еще того более через Берлин, быть пробужденным в семь часов утра барабанным боем и свистульками проходящих по улицам войск.

Но то что у нас возмутило бы Пузырева и что он счел бы в Петербурге или Москве даже за нарушение обывательского спокойствия и посягательство на безмятежность сна, то здесь почти нравилось и, во всяком случае, претензии не вызывало.

Он встал бодрым и веселым, быстро оделся и тотчас же вышел из номера.

В коридорах и по лестницам все встречаемые слуги и служанки любезно, приветливо и притом как-то особенно почтительно кланялись, повторяя каким-то гортанным отзвуком свое неизменное утреннее приветствие: «Guten Morgen!»² Одеты они все были безукоризненно: слуги уже во фраках, причесанные, как восковые фигуры на окнах парикмахерской, с пробором до спины; сорочки крахмальные сверкали как снег своею белизною; горничные походили на субреток из оперетки, до того кокетливо приколоты были их чепчики и изящны их узорчатые с кружевами переднички.

Внизу, у главного входа, грумы, комиссионеры,

² Доброе утро! (Нем.).

швейцар с галуном на шапке – все кланялись посто-
яльцу, и Пузырев чувствовал себя за свои три гульде-
на в сутки, то есть за два с четвертачком, вполне удо-
влетворенным.

«По улицам валит уже народ», – вспомнилось ему,
едва он очутился на широком тротуаре Ринга. Но бы-
ло холодно, куда холоднее, нежели в Ялте, а главное,
дул ветер, резкий и разгуливавший здесь на просторе.

Тем не менее новизна впечатлений, счастье созна-
ния своей свободы и независимости да желание уви-
деть вновь давно не виданные места придавали ему
охоту бодро шагать вперед. Он шел по направлению к
Грабену, этому центру Вены, где сосредоточены луч-
шие магазины, лучшие ювелиры, и когда добрался
до узенькой Кертнерштрассе, то хоть сколько-нибудь
прикрылся от ветра. Он добрался до знакомой кофей-
ни, куда, бывало, и прежде заходил, присел к одно-
му из огромных зеркальных окон, вооружился юмори-
стическими журналами, спросил себе из любопытства
о России «Новое время», которое, разумеется, тут то-
же нашлось, и принялся за свой первый завтрак.

Удивительно вкусный белый хлеб, свежий и с хру-
стящей корочкой, да с хорошим сливочным маслом,
прекрасно гармонировал с превосходным кофе с гу-
стейшими сливками – кофе таким, какое получить
можно только в Вене.

А за зеркальным окном лица менялись за лицами, и снова приходилось удивляться, до чего здесь рано начинается жизнь, если в начале десятого по тротуарам шли хорошо одетые женщины, по-видимому никуда особенно не спешившие, а вышедшие в этот ранний час уже на прогулку или за некоторыми покупками, пока в их доме идет утренняя уборка.

Пузырев то просматривал журнал, то поглядывал в окно, но когда он взялся за газету, она показалась ему и бессодержательной и скучной – до такой степени ему не хотелось ничего серьезного.

Нужно было, однако, набить чем-нибудь день, и он придумывал как?

Осматривать музеи, галереи – его не особенно занимало. Хотелось приключений более пикантных, случайных знакомств и интересных встреч. В праздных и бесплодных исканиях провел он время до полудня и даже почти до часу, когда наступила пора вновь подкрепить свои силы, и он направился в один из лучших ресторанов.

Там протянул сколько мог, но все-таки ничего не придумал и решил вернуться к себе в номер, слегка по-отдохнуть.

Кстати, справился он, не было ли ему депеши!

Отрицательный ответ не смутил его, телеграмма в ответ от Хмурова могла прийти вечером.

В номере, конечно, было еще скучнее, нежели на улице или в кофейнях. Спать он не мог, так как отдохнул прекрасно за ночь. Читать было нечего, да и не хотелось. Пробыв тут часа два, он снова вышел и слонялся бесцельно по центральным улицам и закоулкам Вены, не зная, куда девать все это пустое время? Когда он уж очень утомлялся – то заходил в кофейню и старался выбрать место у окна, а затем, отдохнув, снова уходил.

Наконец ему попалась на глаза афиша, представлявшая великаншу шести с половиною футов росту и четырех с лишним в объеме. Адрес – Мария-Хильф, то есть довольно-таки далеко. Он обрадовался, взял фиакр и поехал: явилось хоть какое-нибудь развлечение, а великаны и великанши в особенности его всегда чрезвычайно интересовали.

То же зрелище, которое его теперь ожидало, превышало всякие надежды.

Мисс Флок хотя и была уроженка какой-то баварской деревушки близ Мюнхена, но щеголяла английским наименованием мисс, неведомо почему ей понравившимся и уж совсем к ней ни в едином отношении не подходящим. Этой особе было уже за тридцать лет, и что в особенности в ней занимало зрителей – это пропорциональность по росту ее сложения, хотя богатство форм, в отдельности взятых, могло бы

строптивного человека повергнуть в самое ужасное настроение.

Пузырев выслушал добросовестно объяснение ее жожака, если можно так называть господина импресарио, эксплуатирующего сию бабу-колосса, причем узнал и сколько она ест, и сколько пьет, купил даже ее фотографический портрет, а дальше все-таки не знал, куда ему деваться?

Обедать было рано, других зрелищ до семи часов – начала спектаклей – тоже не предвиделось, и он снова слонялся по тротуарам, не зная, куда идти и где найти себе то вознаграждение за долгие лишения, о которых мечтал еще накануне. И все-таки он еще не хотел сознавать, что ему скучно и что нет ничего глупее в мире человека, с утра до ночи слоняющегося по улицам в поисках одних только развлечений.

Между тем в Варшаве и не думали отвечать на его телеграмму.

Взглянув на визитную карточку Мирковой, принесенную фактором Леберлех, Хмуров, разумеется, тотчас же помчался в «Европейскую гостиницу». Приезд Зинаиды Николаевны его более пугал, нежели радовал, но, давно приучив себя к разыгрыванию комедии, он сумел настроиться восторженно к моменту первой встречи с нею.

Он бросился к ней, готовый ее обнять, но она удержала его движением руки. Тогда он понял это за опасения, как бы кто из слуг сюда не вошел, и ограничился тем, что уловил протянутую руку и стал покрывать ее поцелуями. Но и руку она отняла, хотя и без гнева.

Наконец он сел, и тогда, видимо побеждая и свое волнение, Зинаида Николаевна спросила его:

– Догадываетесь ли вы, зачем я сюда так внезапно приехала?

Он продолжал играть ту же роль и так же восторженно отвечал:

– Вас привел сюда добрый гений любви! Вы чувствовали, что дольше нам в разлуке не прожить...

Она точно всматривалась в него с некоторым удивлением. Ей точно хотелось проникнуть в сокровеннейшие тайны его мысли. Она искала, как лучше приступить к вопросу, и, помолчав немного, еще спросила:

– Вас по отношению ко мне ничего не тревожит, не беспокоит?

Не задумываясь, он ответил:

– Ничего!

Еще удивленнее раскрыла она на него свои прекрасные глаза. Тогда он добавил:

– Я вас вижу перед собою, Зинаида Николаевна, слава Богу, в добром здоровье, а еще главнее того – вы снова передо мною! Вот все, что пока я в силах по-

нять. Дайте мне насладиться этим первым номером вернувшегося ко мне счастья...

Но она перебила его:

– Я была вынуждена приехать сюда по важному делу, – сказала она.

Он же все еще не понимал и продолжал свое. Сделав над собою невероятное усилие, Миркова продолжала:

– Вас обвиняют, Иван Александрович, в самом возмутительном обмане...

Тогда он сразу побледнел.

– Я не нашла ничего лучшего, – прибавила Миркова, – как немедленно приехать сюда и лично вас обо всем расспросить.

Эти последние слова значительно смягчили в сознании Хмурова смысл первых. Он сразу подумал, что если она готова его выслушать, то сама жаждет оправданий, а раз ему предоставлено будет право говорить, то уж он сумеет себя отстоять, по крайней мере, в глазах любящей женщины.

Молнией пронеслись эти соображения в его мозгу. Вскинув на Миркову смелый и даже вызывающий взгляд, Иван Александрович спросил:

– Скажите, в чем меня обвиняют, и, конечно, я отвечу вам с полной откровенностью, потому что перед вами душа моя и совесть в равной степени безупреч-

ны.

Но бедной женщине не так-то легко было приступить к делу. Он же имел еще достаточно наглости, чтобы ободрять ее.

– Говорите смело, Зинаида Николаевна, – продолжал он, – поймите, что я жажду вывести вас из каких бы то ни было сомнений.

Она вдохнула.

– Ответьте мне только на один вопрос, Иван Александрович.

– Хоть на сто!

– Правда ли, что вы женаты?

– Правда, – сказал он твердо, хотя и подумал про себя: «Так вот оно что, дошла-таки до нее эта история».

Она смотрела на него не то с ужасом, не то с укором. Дивные глаза ее отуманились глубокой грустью. Она не была в силах вымолвить ни единого слова упрека...

Он понимал ее состояние и заговорил горячо, как бы с увлечением.

– Да, к несчастью, это правда. Я действительно женат, но давно был вынужден порвать с женщиной, с которой я теперь, да и всю жизнь буду глубоко сожалеть, что когда-либо встретился. Но разве это хоть сколько-нибудь ослабляет мое чувство безграничной

и прочной любви к вам? Разве препятствие к счастью уничтожает самое желание достигнуть этого счастья? Нет, Зинаида Николаевна, я жизни не понимаю более и не признаю без вас, и если я временно должен был удалиться, то именно с целью упрочить мое будущее счастье с вами. Я здесь хлопочу о разводе!

Он придвинулся к ней и попытался взять ее руку, но она не допустила его до того и, резко отодвинувшись, сказала:

– Постойте, Иван Александрович! То, в чем вы обвиняетесь и что, к сожалению, оказывается правдой, не пустяки, не шалость или движение легкомыслия. Для оправдания недостаточно пустых слов, а потребуются доказательства. Вы посягнули на мою женскую честь; но если даже я и женщина, то, поверьте, сумею за себя постоять. Вы вошли ко мне в дом под видом претендента на мою руку, иначе сказать – женихом. По какому праву надели вы на себя маску человека свободного, независимого? Отвечайте!

Он не растерялся.

Ему казалось, что он взял верный тон, так он и продолжал.

– По праву любви! – проговорил он страстным шепотом, снова приближаясь к ней. – По праву моей безграничной, всепрощающей и всеоправдывающей любви к вам, Зинаида Николаевна, с того первого дня,

как я познал вас!..

– Перестаньте, пожалуйста! – в негодовании воскликнула она. – Любовь никогда не оправдывала обмана, лжи и коварства! Тот, кто это утверждает, смешивает интригу с высшим чувством, даже недоступным ему. Вы обманом приблизились ко мне с единственной целью меня же обмануть.

– Это обвинение ни на чем не основано, Зинаида Николаевна!

– Нет, оно основано на всем вашем поведении с первого дня нашего знакомства. Вы во всем решительно мне лгали. Позвольте вас спросить, с какой целью? Для чего это было нужно?

Он продолжал держать голову высоко, вполне уверенный, что сумеет себя оправдать, и в ее же тоне повторил:

– А мне позвольте вас спросить, в чем это именно я лгал?

– Во всем, Иван Александрович, от начала до конца.

– Но например?

– Вы лгали мне о своем имении в Тамбовской губернии, которого у вас не только нет, но и не было никогда; вы лгали мне о вашей биржевой игре, которую вы не вели, во всем, в каждом вашем слове были ложь и обман...

– Но позвольте...

– Нет, Иван Александрович, позвольте мне, благо силы явились, – настойчиво перебила она его, – высказать вам все, что из-за лжи этой я перестрадала. Я пережила самое ужасное из всех унижений для женщины, привыкшей себя уважать: я поняла вдруг и бесповоротно, что доверилась и полюбила человека, нарядившегося в чужой костюм. Да. Не смотрите на меня так грозно и вспомните только, что вы во мне потеряли вашей системой лжи и притворства. Если бы в груди вашей билось честное сердце, если бы сердце это было еще способно любить, то вы бы поняли, что любимого человека нельзя обмануть. Вспомните только, чего в вас я искала и нужны ли мне были ваши имения, ваши биржевые спекуляции! Мне нужен был человек, который бы понял меня и дал бы мне самой новую жизнь. И если бы вы пришли и сказали бы мне: у меня ничего нет, кроме любящего сердца и желания нашего взаимного счастья, то я могла бы все простить и благословила бы час вашего признания. Но нет! Вы стыдились вашей бедности, не стыдясь ваших корыстных целей и расчетов. Вы предлагали обман и продолжаете его даже до сей минуты...

– Я продолжаю? – воскликнул он с таким негодованием, что, пожалуй, оно могло показаться за искренность. – Так выслушайте же и меня наконец. Да, я

скрыл от вас, что я уже был обвенчан. Да, я притворился безбедным и даже вполне материально обеспеченным, чтобы только иметь доступ к вам в дом. Но я делал это потому, что был безумно в вас влюблен и потерял рассудок... Женщина, с которой меня связывают брачные цепи, погубила всю мою жизнь, отняла у меня то, что я имел, и, как мне ни стыдно в том признаться, она с другим издевалась над моим доверием к ней...

Но вдруг речь его была прервана. Портьера над дверью в соседнюю комнату была моментально отдернута чьею-то смелой рукой, и из-за нее показалась стройная женская фигура, одетая вся в черном.

С Хмуровым чуть дурно не сделалось: он едва не потерял сознание. Перед ним стояла его законная жена, Ольга Аркадьевна, готовая говорить и опровергнуть его гнусную клевету.

XXVIII. Очная ставка

Внезапное появление из-за драпировки Ольги Аркадьевны заставило в первую минуту совершенно растеряться почтеннейшего Ивана Александровича Хмурова. Она же смерила его с головы до ног уничтожающим взглядом и потом сказала:

– Повторите еще эту ложь!

Он сразу не сумел совладать с собою и молчал.

Тогда она переступила порог и, подойдя совсем близко к Зинаиде Николаевне, как бы присоединясь к ней, заговорила:

– Вы осмеливаетесь кидать грязью в честных людей, вы еще позволяете себе клеветать на порядочную женщину, когда вам остается только одно: во всем сознаться и отойти, отказаться от намеченной вами новой жертвы.

Он порывался остановить ее, но она настойчиво и смело продолжала:

– Как смеете вы говорить, будто бы я погубила всю вашу жизнь?

– Конечно!

– То есть тем, быть может, что не дала себя обобрать до конца.

– Я никогда не обирал вас.

– То есть вы, вероятно, хотите сказать, что вам оно не вполне удалось? – с удвоенною самоуверенностью продолжала она все тем же тоном. – У меня же, по счастью, на все есть свидетели. Пять минут тому назад вы говорили Зинаиде Николаевне Мирковой, будто я отняла у вас то, что вы имели. Как смели вы возвести на меня подобное обвинение? Все знают и могут подтвердить, что при вступлении с вами в брак я же дала вам тридцать тысяч на уплату ваших долгов...

– Вы только о деньгах и считаете возможным вести беседу, – огрызнулся он. – Я не о них говорил.

– Так не о том ли пресловутом имении вашем в Тамбовской губернии, которого у вас никогда и не было? – с иронией спросила она.

Он молчал.

– Говорите же, что это такое я отняла у вас? – настаивала она.

– Мою свободу! – воскликнул он, как бы сам обрадованный тому, что наконец нашелся. – Вы отняли у меня, бесполезно для самой себя, мою свободу, которая мне дороже всего, так как, не потеряй я ее, вступив в брак с вами, я мог бы сегодня быть мужем другой.

– Но, к счастью, – перебила она его, – этого не случится, ибо честные люди догадались, кто и что вы. Меня вызвали в Москву, и я сочла долгом своим преду-

предить намеченную вами новую жертву.

– Чего вам от меня нужно? – спросил он, в свою очередь не отводя взора от лица своей жены.

– Мне бы нужно было, – сказала она вдумчиво и с расстановкою, – вернуть вас на путь честных людей, но, к несчастью, это несбыточная мечта и вы – человек, погибший безвозвратно.

– Так оставьте меня в покое, дайте мне развод, дайте мне устроить мою жизнь иначе, и я буду честным человеком с женщиною, которую люблю. Вы сами будете свободны...

– Начать с того, что никогда вы никого, кроме себя самого, не любили, да и не полюбите, – сказала на это Ольга Аркадьевна. – Видит Бог, что во мне говорит не ревность! Женщина, которая вынесла то горе, что вы мне причинили, конечно, ревновать уже не будет...

– Так отпустите меня.

– Нет!

– Но почему же, наконец?

– Потому-с, Иван Александрович, что я должна выяснить сперва перед Зинаидою Николаевною вашу личность вполне и, по крайней мере, настолько ярко, чтобы она поняла, кто вы и на что вы способны.

– Выясняйте в таком случае без меня. Мне здесь делать нечего и всех ваших бабьих нелепостей мне не переслушать.

Он как-то насмешливо поклонился сперва Мирковой, а потом своей законной жене и хотел уже выйти, когда Ольга Аркадьевна остановила его словами:

– Нет, вы так отсюда не уйдете. Я не хочу, чтобы Зинаида Николаевна хотя в чем-либо заподозрила меня в преувеличении.

– Тем будет хуже для вас, – сказал он не без злорадства.

Но тут вмешалась Миркова.

– Оставайтесь, Иван Александрович, – сказала она. – Вам самим нужно воспользоваться случаем, чтобы хоть в чем-либо себя оправдать предо мною.

Он подумал и, где стоял – в отдалении от обеих женщин, туда же и опустился на стул. Тогда Ольга Аркадьевна спросила его:

– Потрудитесь при мне объяснить точнее, что означает другое ваше обвинение?

– Какое?

– Вы сейчас говорили Зинаиде Николаевне, будто бы я с другим издевалась над вашим доверием ко мне. Что это значит?

– Я не желаю отвечать.

– Вы не желаете, это очень правдоподобно уже вследствие той простой причины, что вам отвечать нечего.

– Пускай будет так.

– Да, но обвинять женщину бездоказанно не есть признак особого геройства. Я требую, чтобы вы точно и совершенно определенно мне сказали, что это значит?

Он молчал.

– Иван Александрович, – прибавила она тогда строже, – помните, какие у меня против вас есть данные. Я вам советую ответить или сознаться, что вы опять клеветали.

– Нет, не клеветал, и напрасно вы так объясняете каждое слово, которое сами не дослышали хорошенько и превратно почему-то поняли.

– В таком случае тем лучше для нас всех, – продолжала его жена. – Потрудитесь сообщить нам тот смысл, который сами вы давали этим словам.

– Разве не правда, – сказал он с наглою находчивостью, – что, когда я покинул ваш дом, вы смеялись с Сергеем Аркадьевичем над моими последующими письмами?

– Смеялись – нет, но не придавали им решительно никакого значения, – ответила она. – Только кто же был этот Сергей Аркадьевич и в какой степени родства он ко мне стоял?

– Сергей Аркадьевич – ваш покойный брат, благодаря которому мы с вами и разошлись окончательно.

– Ну, разошлись-то мы по другим причинам, а мне

было только важно разъяснить Зинаиде Николаевне смысл ваших обвинений. Итак, вы теперь сами совершенно добровольно повторяете, что никогда ничего я у вас не отнимала...

– Повторяю.

– И что никаких вообще неблагоприятных поступков или же действий, могущих кинуть тень на мою женскую честь, вы за мною не знаете и даже не подозреваете.

– И даже не подозреваю.

Он хотел встать, но она снова остановила его и сказала:

– Нет, извините; дело наше далеко еще не кончено. – Потом, обращаясь к Мирковой, она спросила ее: – Должна ли я еще привести вам новые данные, Зинаида Николаевна, для того, чтобы вам окончательно было все ясно.

Молодая вдова сидела понуриив голову, и, взглянув в ее сторону, Хмурову вдруг показалось, будто бы еще мыслимо для него спасение. И он сказал, прибегнув снова к своим задушевым нотам:

– Зинаида Николаевна, умоляю вас, послушайте теперь и меня.

Тогда она подняла на него взор своих очей, и как бы ни были они опечалены, в них, казалось, тоже светила еще надежда.

– Говорите, – едва внятно промолвили ее губы в ответ на эту пламенную просьбу.

– Выслушайте меня! – воскликнул он почти со слезами в голосе. – Да, я глубоко виновен и перед моею законною женою, и перед вами, добрая, дорогая, ни с кем несравненная женщина! Одну из вас, Ольгу Аркадьевну, я жестоко обманул, я разбил ее лучшие девические мечтания, я разрушил всю ее жизнь, соединяя ее с моею – необдуманно, но все это случилось только потому, что я был молод и сам себя тогда, а уж не то чтобы других, не знал и не понимал. Я принял за любовь увлечение; оно же вскоре было парализовано разницей наших характеров, вкусов и вообще воззрений на жизнь.

Следившая за его речью Ольга Аркадьевна не выдержала и громко вскрикнула:

– Зачем вы и тут прибегаете ко лжи, к обману? Разве причину нашей размолвки можно только это называть?

Однако Иван Александрович и тут, видимо, еще предполагал себя вправе настаивать:

– Конечно! Первоначальным поводом к размолвкам явилась ваша скупость. Я любил всегда известного рода комфорт в жизни, вы же были мелко скупы...

– Любовью комфорта, – ответила она, – вы хотите теперь назвать ваше ненасытное мотовство, а мое

желание сохранить хотя что-нибудь из моего состояния и не остаться нищею вы называете скаречно-стью?..

– Но не в этом дело.

– Именно не в этом, Иван Александрович, вы совершенно правы! – настойчиво подтвердила она. – Я предлагаю, дабы Зинаиду Николаевну не мучить дольше вашими оправданиями, одно из двух: либо добровольно вы сейчас же, здесь, при мне, ей сознайтесь, что недостойны и помышления о какой-то новой жизни, либо я скажу ей и сумею это доказать, почему между вами и мною навсегда все порвано. Помните, что у меня есть свидетель и веское доказательство.

На этот раз было вне сомнения, что человек этот чувствовал себя сраженным. Он встал и, бледный, с трясущеюся нижнею губою, промолвил:

– Вы хотели разбить мое счастье, вам это удалось вполне, так радуйтесь же!..

И пошатываясь, он направился к выходу. Вдруг Миркова его окликнула:

– Вы уходите, сознавшись в том, что не договаривает ваша жена! – сказала она. – Я не знаю, в чем заключается это новое обвинение, и требую, чтобы вы представили все на мой суд...

Но он уже вышел, хотя и дослушав ее слова. Обе женщины остались вдвоем. Наступило тяжелое мол-

чание.

– Убедились вы теперь? – спросила Ольга Аркадьевна Миркову немного погодя.

Та только опустила голову в знак утверждения, и Ольга Аркадьевна спросила:

– Могу ли я теперь быть вполне уверена, что вы навсегда спасены и излечены от этого ужасного увлечения?

– Ни спасена, ни излечена, – отвечала Зинаида Николаевна грустно. – Я только жестоко наказана, и за что – про то ведает Бог.

– Не ропщите и вспомните, что рядом с вами стоит другая женщина, которая за одно только желание этому человеку счастья обречена на вечное вдовство при живом муже. Я знаю то, что вы в данную минуту должны переживать. Я вполне понимаю ваше положение, но никогда оно не сравнится с ужасом моего. Вы заплатили всего пятью тысячами, которые он обманным образом у вас выманил, за знакомство с этим человеком, и случай открыл вам глаза. Я же ношу его имя еще после его попыток отравить меня с целью воспользоваться моими деньгами. Подумайте, как ужасно должно быть жить под постоянным страхом, что человек этот совершит новое преступление, которое публично опозорит мою же фамилию!

– Но почему вы молчите перед судебным вла-

стью? – спросила Миркова. – Почему, наконец, вы не хлопчете сами о разводе?

– Для развода требуются доказательства неверности, у меня их нет. А если я не преследую Ивана Александровича судом, то потому лишь, что предпочитаю предоставить это другим.

– Стало быть, и история о болезни какого-то дядюшки тоже вымысел? – в задумчивости проговорила Миркова.

– Конечно, коль скоро и самого дядюшки никогда не существовало. – И, промолчав немного, Ольга Аркадьевна спросила свою спутницу: – Вы сегодня же намерены вернуться обратно к себе домой?

– Нет, я домой ехать не в силах. Я пошлю телеграмму моему управляющему Кириллу Ивановичу, да мне нужно извиниться и перед Степаном Федоровичем Савеловым, которого я глубоко оскорбила за его намерение предупредить меня от несчастья.

– Если бы не его настойчивость, – сказала Ольга Аркадьевна, – вы были бы жертвою самого ужасного обмана!

– А затем я прямо из Варшавы проеду за границу, куда-нибудь на юг Италии, только бы дальше от тех мест, где бы я снова могла встретиться с этим ужасным человеком.

– Мне же здесь еще предстоит немало дела, – за-

метила Ольга Аркадьевна.

Обе женщины простились, и Миркова, уже при самом выходе, ласково крикнула Хмуровой:

– Помогай вам Бог!

– Благодарю вас.

Ольга Аркадьевна, однако, не остановилась в «Европейской гостинице» и только по соглашению с Зинаидой Николаевной пришла в ее номер на очную ставку со своим мужем. Она с вокзала свезла вещи в «Саксонскую гостиницу», в двух шагах от «Европейской», и поспешила к себе. И не думая об отдыхе, она сейчас же принялась за дело.

В качестве женщины начитанной она давно знала и слышала о существовании при польских отелях весьма ловких комиссионеров, именуемых факторами. Она приказала слуге прислать ей самого ловкого из них, и вскоре к ее услугам явился еврей, во многом схожий с Леберлехом, по фамилии Штерк.

– Я дам вам поручение, – заговорила с ним госпожа Хмурова, – и от степени важности того, что вы мне разузнаете, будет зависеть размер вашей награды. Можете ли вы мне собрать самые точные справки об образе жизни одного лица в Варшаве за последние два месяца?

Штерк поклялся, что может, если только это понадобится, доставить сведения о всех жителях Варша-

вы.

– Узнайте мне только с толком, и не на основании простых сплетен, а полагаясь на совершенно точные данные, что делал, с кем был знаком и с кем особенно сближался за это время, то есть со дня своего прибытия в Варшаву, некий Иван Александрович Хмуров, живущий в «Европейской гостинице»?

– Ничего больше?

– Ничего больше, но помните, что я требую сведений точных.

– Паментам, ясна пани!

К вечеру фактор Штерк вернулся и доложил приблизительно следующее: что приехавший тогда-то в Варшаву, действительно два месяца тому назад, Иван Александрович Хмуров, по-видимому, очень богатый человек, что вращается он в лучшем обществе, платит аккуратно и всеми уважаем.

– Больше ничего вы не узнали? – спросила Ольга Аркадьевна, преследовавшая в своем дознании совсем иные цели.

Фактор конфузливо замялся.

– Говорите мне без стеснения все. Я вижу, вы еще что-то знаете.

– Знаем, проше пани...

И опять ни с места. Тогда она решила облегчить его задачу и сама подсказала ему то, что ее наиболее

интересовало.

– Ну что же, у него есть знакомство с какой-нибудь женщиной? Он завел в Варшаве интрижку?

– Так, ясна пани, так.

Наконец, поощренный своей слушательницей, Штерк все рассказал про Брончу Сомжицку: и кто она, и чьими милостями пользовалась раньше, и как с нею познакомился Хмуров, и как они всегда вместе...

– У него в гостинице она тоже бывает? – спросила Ольга Аркадьевна.

– И у него завше бувае, – ответил фактор и рассказал про подарки.

– Ну, это уж не мое дело и мне безразлично, – остановила она его. – А мне нужны имена тех слуг, которые ближе всего находятся в гостинице к Ивану Александровичу Хмурову. Можете вы мне их переписать? Двух, трех человек вполне будет достаточно.

Он и за это взялся. Ей же это нужно было для подачи жалобы, обоснованной на свидетельских показаниях о разводе.

Но Штерк долго не возвращался и, явившись наконец, таинственно заявил:

– Я имею большую новость для ясной пани.

– Какую? Говорите скорее!

– Пан Хмуров уехал в Москву. Я сейчас сам видел, как он уехал.

XXIX. Хмуров

Иван Александрович вышел из помещения, занимаемого Мирковой, в таком состоянии, что готов был не только бежать из Варшавы, но даже и совсем провалиться сквозь землю.

До последней минуты надеялся он еще почему-то, что жена его не коснется главного пункта своего обвинения в присутствии Зинаиды Николаевны; но здесь она доказала свою твердую решимость прибегнуть к самому сильному оружию в борьбе с ним. Хмуров вышел оттуда вполне уничтоженный и сознающий, что спасение теперь для него только в полном отречении от своих видов на миллионы красавицы вдовы.

Придя в свой роскошный номер, он дал волю обуравшему его бешенству. Он швырял со всей силой предмет за предметом об пол, порывисто метался по всем трем комнатам, как лев, ищущий спасения из своей клетки, и рвал от злости на себе волосы.

Нелепость положения ему была ясна во всех своих мельчайших подробностях.

Разумеется, Зинаида Николаевна приехала в Варшаву с горничной, которая не преминет все разболтать по гостинице, и если в этом еще можно было бы сомневаться, то уже одно появление Ольги Аркадьев-

ны на сцене не могло предвещать ничего хорошего.

Ольга Аркадьевна давно поклялась ему в двух вещах: во-первых, добиться серьезных данных для развода, с правом самой вновь выйти замуж; а во-вторых, всюду за ним следить и, едва ему удастся расположить к себе какую бы то ни было честную женщину, явиться прямо к ней и предупредить ее, с кем она имеет дело.

Как, через чье именно посредство до нее дошли сведения о Мирковой, – вопрос этот Хмурова уже менее интересовал.

Он дал сперва полный ход своему гневу – словно из машины пары выпустил, и тогда уже решил, что с этим вопросом все кончено и что планы насчет Мирковой сорвались.

Так сказать, примирившись с неотвратимостью этого печального события, – примирившись потому только, разумеется, что другого исхода не оставалось, – Иван Александрович стал было всматриваться в свое положение с другой стороны. Он спрашивал себя, пошатнется ли престиж его личности во мнении того общества города Варшавы, в которое он успел втереться? И, склонясь на утвердительный ответ, он мысленно уже ликвидировал свои дела, когда ему послышался сперва стук в двери номера со стороны коридора, а потом откашливание.

– Кто там? – отозвался он. Оказался слуга с письмом на подносе.

– Швейцар получил и расписался еще с час тому назад, – доложил лакей, – но вы изволили быть заняты внизу, у приезжей из Москвы дамы.

– Хорошо, давай сюда и чтобы никто не смел меня тревожить. Понял? Никто решительно, даже и панна Бронислава Сомжицкая. Всем отвечать, что меня нет, что я выехал и до вечера не буду.

– Слушаю-с.

Он взял довольно объемистый пакет, кивком головы отпустил слугу и надорвал конверт.

Тогда только вспомнил он полученную дня за три перед тем депешу, которой особенного значения потому именно и не придавал, что после нее все замолкло.

Так вот она развязка!

В тот момент, когда почва под его ногами подрывалась и, казалось, уже ускользывала, к нему как раз вовремя подоспел этот страховой полис на шестьдесят тысяч!

Правда, из них только одна половина должна была принадлежать ему. Но ведь и ее достаточно для того, чтобы затеять новое дело и в новом месте, положим, хоть за границу, пустить пыль в глаза да в курс войти. А в этом именно и заключался главным

образом талант Хмурова. Пузырев эту черту давно в нем подметил и недаром решил ею воспользоваться. Трудно было бы найти другого человека более способного, даже сравнительно и с небольшими деньгами, сразу завоевать себе положение по приезде в любой город и так быстро завязать знакомства и даже приятельские отношения, как удавалось это Ивану Александровичу. Если Илья Максимович Пузырев был неисчерпаем на замыслы самых смелых и обширных планов действий, то Хмуров ему был нужен для знакомств в кругу имущих людей. Вот почему он так и уцепился за него, настаивая во что бы то ни стало сделать из него себе и в этом деле компаньона.

Но Хмуров ничего подобного не сознавал или по привычке, но ни во что не вдумывался.

В руках у него теперь были требуемые документы на получение из страхового общества «Урбэн» суммы страхования, – стало быть, спасение явилось как раз вовремя, и оставалось только сколь можно ловчее и приличнее уехать из Варшавы.

Излишним было бы допустить в нем еще какие-либо заботы относительно двух оскорбленных, униженных и обманутых им женщин. Думал он и заботился, конечно, только о самом себе, совершенно равнодушно отворачиваясь от их горя.

Его уж и Бронча Сомжицка в данный момент ни-

сколько не интересовала, так как все для этого человека было создано только на его потеху, развлечение или радость.

Но, с другой стороны, он сознавал, что положение его опасно, а потому следует действовать с удвоенной осторожностью.

Первое, что надлежало сделать, – это распустить слух по гостинице о встретившейся внезапной необходимости к отъезду. Он позвонил и приказал явившемуся слуге:

– Послать мне Леберлеха.

Фактор не заставил себя ждать. Едва успел он войти в гостиную и по привычке остановиться с поклоном у двери, как Иван Александрович на него накинулся.

– Знаешь ли ты, Леберлех, что со мною хотят сделать?

– Не знаю, ясний пан; як могу то знать? Пшепрашем.

– Я попал в ужасную историю!

– Ясний пан попался в ишторию? Ото вей мир, ясний вельможний пане, цо ми будем в тэй час робить?

– Вот про это-то я хотел тебя спросить. Скажи, мне прежде всего, Леберлех, что ты считаешь в жизни самую ужасную беду?

– Цо Леберлех цитает самого ужасного бедою? – повторил он нараспев. – Вы желаете знать?

– Ну да, если спрашиваю.

– Так самого ужасного бедою для Леберлеха, если есть гешефт, а нету пороху, стобы его зробич.

– А для меня самое ужасное – слезы, сцены и скандалы влюбленной женщины, которая вдобавок давно надоела.

Леберлех этого не понимал, но делал вид, будто понимает, и учащенно захлопал глазами, точно подмигивая кому-то.

– Ты знаешь, как я увлечен панною Брониславою Сомжицкою? – спросил его вдруг Хмуров.

– О, знам, пан; знам, ясновельможний мой пане!

– Она прекрасная артистка и сама по себе мила, чудный характер...

– То така артистка, ясный вельможний пане, же не було и не буде таких венце...

– И вдруг ко мне на шею сваливается из Москвы нежданно-негаданно одна втюрившаяся в меня, как кошка, вдова, да мало того – привозит с собою еще свидетельницу, при которой я ей будто бы клялся в вечной любви!..

Леберлех продолжал усиленно моргать, ничего решительно не понимал и не мог себе даже объяснить, куда приблизительно все это должно повести? А Хмуров вдруг оборвал свою речь и в довершение всего спросил его:

– Понимаешь?

Фактор так испугался, что сразу веки его остановились, лицо его стало неузнаваемо серьезным, и, даже слегка побледнев, он проговорил:

– Все понимаю, ясный пане...

– Но ужаснее всего то, – продолжал Хмуров, – что обе эти женщины поклялись доискаться, в кого я здесь влюбился и кто является для них столь опасной соперницей. Однако я придумал средство заставить их покинуть Варшаву, и вот каким образом. Слушай меня внимательно. – Он подошел к Леберлеху совсем близко, взял двумя пальцами за лацкан сюртука и привлек к амбразуре окна. – Я решил пустить слух, будто бы я внезапно выехал в Москву.

Еврей только головой кивнул.

– Но сделать это, – продолжал Иван Александрович, – надо мудро и обдуманно. До вечера, то есть до моего отъезда, напротив, никто не должен ничего знать, а то, пожалуй, еще за мною последуют, и дело опять будет испорчено. А мы вот как устроим: я сейчас уложу все свои пожитки, по счету у меня в гостинице все заплачено, и даже за номер я ведь стал вносить помесечно, а срок мне еще не скоро; ты же поедешь со мною на вокзал и возьмешь мне билет до Москвы, так и багаж сдашь. В Бресте же я потребую свои вещи и останусь, пока ты мне не пришлешь депешу, что обе

эти дамы выехали из Варшавы. Тогда я немедленно сюда вернусь и снова заживу с моею дорогой Брончею Сомжицкою как в раю. Понял все?

– Все понял, ясний пане. Тилька туте я бы не так сделал...

– А как?

– На цо брать билеты до Москвы, когда мозно до Бреста, а я приеду с вокзала и скажу, что взяли до Москвы...

– Да, но ты забываешь, что могут проследить и спросить на вокзале. Нет уж, делай так, как я тебе велю. Целый день я никуда не выйду и запретил кого-либо допускать сюда. Мне только надо написать и послать два слова пани Сомжицкой...

– Пожвольте ж мне...

– Нет, ты мне здесь будешь нужен. Я хочу, чтобы ты мне помог уложиться, да и вообще я к тебе уже более привык. Позвони и прикажи позвать простого рассыльного, пока я напишу записку. Вечером же, по возвращении с вокзала, ты сходишь к ней и все ей подробно расскажешь.

Фактор успокоился.

Весь тон слов Хмурова ни на минуту его, впрочем, и не тревожил. Он доверял вполне этому щедрому и ясновельможному пану, хоть и забывал, что сам его и наделил столь почетным величанием.

Разве могло прийти в голову бедному, честному фактору, что этот важный господин, вращавшийся в кругу весьма порядочных людей, не что иное, как подлый аферист, авантюрист, ищущий, где бы чем воспользоваться!

Бедняга наивно предполагал, что купленное ожерелье еще накануне было подарено балетничке, как мысленно про себя он называл Брончу Сомжицку.

Не знал и не гадал он участи, предстоящей бриллиантам.

Пока они еще хранились в боковом кармане ясного пана, который, порешив раз уехать из Варшавы, сообразил, что их отлично можно будет и в Москве заложить, так как на путевые издержки у него еще хватало денег. Он во всем поступил довольно обдуманно и, боясь, как бы еврей чего где не сболтнул или не попал в самом деле к танцовщице и не завел беседы о ценном подарке, Хмуров ни на минуту не отпускал его от себя.

Бронче же он написал краткую записку следующего содержания:

«Неоцененная моя! Будь спокойна, если днем я не заеду, то вечером ты уже будешь ждать и совершенно успокоишься.

Твой Jean».

Он все-таки до того сам волновался, что даже слог

ему изменил на этот раз.

Но время шло, и наступила наконец пора ехать. Тогда только он позвонил и сам приказал слуге позвать людей, чтобы вынести вниз багаж. Удивление выразилось на лице лакея.

– Изволите ехать? – невольно спросил он в самом искреннем огорчении.

– Как видишь. Но мне время дорого, ступай скорее. Леберлех поедет на вокзал с вещами и, когда вернется, – все расскажет. Иди.

Через четверть часа его уже не было. На вокзале Леберлех еще раз, в его же интересах, уговаривал его брать билет только до Бреста, но Хмуров настоял на своем.

Все было устроено, и багаж сдан, а времени еще оставалось достаточно, так как Иван Александрович, торопившийся выехать, забрался сюда спозаранку. Тогда он отошел в первый уголок и сказал фактору:

– Вот тебе за труды еще десять рублей, а эти два рубля на телеграмму. Едва уедут обе барыни, слышишь ли – обе, ты пришлешь мне в Брест подробную депешу, куда именно, с которым поездом, которая из них отбыла. Понял?

– Понял, ясний пане, благодарю вам...

И он припал к его плечу.

– Слушай дальше. Когда поезд отойдет, ты у нас в

«Европейской гостинице» всем расскажешь, что сам меня проводил в Москву, а потом спросишь у горничной той госпожи, которая у нас внизу остановилась, у горничной госпожи Мирковой, адрес и фамилию той барыни, с которой они вместе прибыли из Москвы, да ей тоже пойдешь доложишь, что Иван Александрович Хмуров приказал очень кланяться и выбыл в Москву. Понял?

– Все решительно понял, мой ясный пане.

– Ну и прекрасно. Что же касается пани Брониславы Сомжицкой, то ей ты можешь и даже должен сказать всю правду, то есть что я не в Москве, а в Бресте, ни сам ей оттуда писать не буду, ни от нее писем не жду из простой осторожности, как бы мои сумасшедшие барыни не проведали истинное место моего пребывания, но что я без нее жить не могу и вернусь скоро-скоро к ее очаровательным ножонкам.

Он хотел еще что-то прибавить, но вдруг остановился, невольно заинтригованный странными знаками, которые какой-то еврей издали посылал в их сторону и которые, несомненно, должны были относиться к Леберлеху. Убедившись в этом окончательно, Хмуров сказал:

– Послушай, этот человек хочет тебе что-то сказать.

– Нехай его хоче, – равнодушно отозвался Леберлех.

– Ты его знаешь?

– Знаю, ясный пане.

– Кто же он?

– Не очень важную персону.

– Но кто же именно, говори, – настаивал Хмуров, которого это несколько тревожило.

– То Штерк, фактор из «Саксонского отеля», – объяснился наконец Леберлех.

– Так пойдешь же узнаешь, что ему нужно?

Леберлех не особенно охотно отошел, считая «Саксонскую гостиницу» рангом ниже «Европейской», а стало быть, и тамошнего фактора куда ниже самого себя. Но едва Штерк успел ему что-то сказать или о чем-то его спросить, как он кинул ему слово «чекай», то есть жди, и почти бегом устремился к Хмурову.

– Пан ясный не знает, чего он от меня хочет?

– Нет, не знаю.

– Он просит его сказать, куда ясный пан едет?

– На кой черт это ему нужно? – спросил Иван Александрович, несколько встревоженный.

– Его послала пани из его «Саксонского отеля». Я мыслям же, то есть сама пани, которая...

– Ты прав, Леберлех, зови его сюда, я сам с ним поговорю.

– Штерке, коме-хер! – прокартавил Леберлех в сторону своего коллеги.

Штерк боязливо придвинулся.

– Тебе надо знать, куда это я еду? – спросил его Хмуров. – Так ступай, скажи тем, кто тебя послал на разведки, что я уехал в Москву, вот и билет мой. Ви-дел?

Еврей рассыпался в извинениях, в благодарностях и удалился. Но уже раздавался второй звонок. Хмуров, все сопровождаемый своим фактором, вышел на платформу и пошел к вагону первого класса. Еще несколько минут, еще звонок – последний; он кивнул Леберлеху, который поймал его руку и поцеловал рукав его пальто, поезд должен был сейчас тронуться; вдруг бедный еврей как-то привскочил и спросил:

– А Сарре ничего не надо будет от ясного пана сказать?

– Скажи Сарре, что я очень люблю! – вздумалось вдруг Хмурову подшутить, и он скрылся в вагоне.

XXX. Миркова

Хмуров благополучно катил в Москву с полной уверенностью получить там из конторы «Урбэн» значительную сумму застрахованного и мнимоумершего Пузырева, да только радостно посмеивался над теми наивными и доверчивыми людьми, которых он так ловко провел в Варшаве. Ни жалко кого-либо из них, ни стыдно перед кем-нибудь ему не было, и даже, напротив того, у него хватало духа потешаться над их глупым положением.

Что касается Мирковой, то он как-то мало о ней думал, примирившись с сознанием, что все его планы и надежды относительно ее богатств пора покинуть.

Легко приобретая, он легко и терял. Даже теперь, сидя в вагоне и едва отъехав от Варшавы, он думал прежде всего о своих личных удобствах и затем строил воздушные замки насчет будущего.

Едва показался обер-кондуктор, Хмуров обратился к нему тем тоном полуласковости, полуприказания, который он усвоил себе для беседы со всеми вообще прислуживающими и который им всем почему-то и нравился, и внушал к нему уважение.

– Послушайте, мой милый! Я не успел в Варшаву распорядиться насчет спального вагона. Пожалуйста,

узнайте, есть ли место?

– Должно быть, есть-с, – почтительно ответил обер, приложив даже по-военному руку к фуражке, так как с пассажирами первого класса принято обращаться с высшею деликатностью, ибо, не ровен час, можно не то что на персону, а просто-таки на влиятельную особу наскочить. И, наклонившись еще немного, все с рукою у фуражки, кондуктор прибавил: – Впрочем-с, сию минуту доложу-с.

Он вскоре вернулся.

– Имеется даже особое малое отделение-с, ваше сиятельство, – отрапортовал он.

Приняв величанье как должную и вполне ему подобающую дань, Хмуров ласково сказал:

– Спасибо, голубчик. Пожалуйста, на первой же станции распорядитесь о переноске моих вещей. А то мне до Москвы далековонько ехать.

– Слушаю-с, – ответил кондуктор, отдал честь и пошел дальше.

Когда же Иван Александрович еще удобнее расположился в отдельном маленьком купе интернационального вагона, мысли его приняли иной оборот и стали сперва пытливо, а потом и смелее забегать в будущее.

Будущее!

Великое слово, великая тайна, светлая, манящая

и радужная, по надеждам; часто страшная, мрачная и беспощадная в действительном своем осуществлении!..

Но Хмуров верил в эту звезду. Лучшим доказательством благосклонного покровительства неведомой силы он считал только что приключившееся с ним: сорвалось с одной стороны, и в то же время вдруг открывается, как раз вовремя, значительная поддержка с другой. Уже это могло служить предзнаменованием прекрасной эры в его жизни. И фантазия унесла его вперед.

Он рисовал себе картину за картиною счастливого будущего. Получив из страхового общества «Урбэн» шестьдесят тысяч, он мчался за границу, к Пузыреву, обещавшему известить его о месте своего ожидания...

Но вдруг он спохватился, что сведения этого он еще не получил и должен был дожидаться его в Варшаве...

Как же теперь быть? Как быть? Как и через кого получить требуемое известие? Впрочем, правда, Пузырев раньше говорил о Вене и, конечно, намерения своего не изменил, а в Вене по отелям разыскать его будет нетрудно...

И снова работала фантазия: он, стало быть, первым долгом помчится в Вену, отсчитает там Илье Мак-

симовичу его долю, то есть его половину из полученных шестидесяти тысяч, и поедут они в Париж.

Там Хмуров намеревался сразу блеснуть во все свое уменье, во всю ширь своей ненасытной жажды к шику. Тридцать тысяч рублей составляют без малого сто тысяч франков, а в его руках это миллион.

Он займет хорошенький дом-особняк, в тихом аристократическом квартале. Контора, специально занимающаяся устройством комфорта для временного пребывания в Париже знатных и богатых иностранцев, поставит ему нужное количество слуг: камердинера, двух ливрейных гайдуков, повара, кучера и грума; эта же контора снабдит его и выездными лошадьми и экипажами. О внутреннем украшении комнат нечего и думать: в них и без того будет все предусмотрено, начиная от картин действительных мастеров и кончая ценными бронзами. В Париже можно иметь напрокат все столь прекрасное, что самый взыскательный ценитель будет в восторге.

Знакомства заведутся легко. Если бы на то пошло, так контора возьмется охотно и за составление подходящего круга знакомых. Его введут в один из клубов, представят двум-трем модным людям, он с ними сойдется, пригласит их вскоре затем к себе обедать, окончательно обворожит искусством своего повара, тонкостью своих вин – и дело будет сделано:

Иван Александрович Хмуров будет пущен в ход!..

Ну, а там остальное уже само собою придет. На то и Пузырев, чтобы измыслить, какой толк из всего этого извлечь.

Так-то мечтая, катил быстрым ходом Хмуров в Москву, пока в Варшаве несколько человек сразу были им брошены, с совсем иными думами о нем, на полный произвол судьбы.

Начать с Брончи Сомжицкой – очаровательная балетничка была и поражена, и огорчена, и даже несколько испугана этим внезапным отъездом. Рассчитывая на серьезную связь, она успела уже несколько привязаться к красавцу, а кроме того, как раз наступал срок месяца с того дня, как он впервые ей оставил требуемые по ее бюджету триста рублей. Но фактор Леберлех в точности исполнил полученные приказания и отчасти успокоил встревожившуюся панну балетничку.

В так называемом обществе, то есть в кружке тех господ, в котором Хмуров вращался, ничего определенного еще не говорили, но были крайне заинтригованы. Многие справлялись и в конторе гостиницы, и у фактора, но в ответ получали только одно, что он выехал в Москву, вызванный экстренными делами.

Сарра не давала Леберлеху покоя, но ей он повторял, конечно, то, что сам считал за правду, а когда она

начинала вздыхать, охать, стонать и причитать, будто сердце ее чувствует беду, он зажимал себе не без комизма уши и кричал:

– Ой, не заврацай мне голову, я и слухать не буду.

Ольга Аркадьевна не особенно смутилась докладом Штерка, сама так и предрешив, сама понимая, что, убоившись скандала, ее жалкий супруг куда-нибудь да сбежит. Ей он и нужен-то не был, а требовались данные для получения развода, и теперь с именем Брончи Сомжицкой в руках, да и с перечислением трех слуг «Европейской гостиницы», она готова была немедленно возвратиться к себе.

Оставалась Миркова, и если вникнуть, то наибольшее горе, наибольший стыд, конечно, испытывала она.

По уходе от нее Ольги Аркадьевны она долго оставалась в глубокой задумчивости, как бы не зная, что ей теперь предпринять, куда идти, за что взяться?

И вспоминалась ей печальная история ее любви с того дня, когда впервые, еще два с лишним года тому назад, она увидела в театре этого человека.

Тогда он сразу поразил ее тем, что как-то особенно выделялся и фигурой, и манерой держать себя, и даже покроем платья от окружавшей его в партере массы москвичей.

Ей тотчас же показалось, что это приезжий и имен-

но петербуржец.

Она заинтересовалась им настолько, что образ его преследовал ее еще долго по возвращении домой и даже следующие дни. Чтобы только увидеть его, она стала чаще прежнего посещать театры, и вскоре, конечно, желание ее исполнилось.

А потом, когда именно она уже совсем твердо решила просить кого-либо из общих знакомых представить ей его, он вдруг исчез...

Она серьезно опечалилась, хотя и старалась себя уверить в том, что подобное увлечение человеком, с которым и двух слов не было сказано, наивно и неблагоприятно... Но сердце, давно жаждавшее любви, рвалось к нему, и она скучала.

Никто не интересовал ее. Несколько смелых претендентов были немилосердно отвергнуты, и так, в одиночестве почти, провела она эти два года, до новой встречи с ним.

Вспоминая теперь все, что было, она по временам как бы возмущалась от мысли, что человек этот, избранный ею из тысяч, оказался именно недостойным.

Потом она снова принималась проверять каждый его шаг, каждый поступок его, каждое слово наконец, ибо действительно помнила каждое из них, и постепенно перед нею вырастал образ человека, достойного и уважения, и полного доверия.

Тогда вопрошала она себя: да так ли, полно, так ли все то, что на него взводит его законная жена?

И, допустив раз подобный вопрос, допустив сомнение в его виновности, она уже увлекалась на этом пути, так как сама жаждала во всю дорогу, едучи сюда, услышать от него оправдание.

Долго еще просидела Миркова в глубокой задумчивости одна в своем номере.

Она перебирала в памяти своей все пункты обвинения, и ее чисто женское сердце отвечало на каждое из них с удивительным снисхождением.

Если человек бросил свою жену, то, стало быть, не любил ее.

Могла ли она сама, мечтавшая о счастливой жизни с ним, желать противного! Могла ли Зинаида Николаевна ставить в особую вину Ивану Александровичу, что он не любит другую женщину, хотя бы та и была с ним связана священными узами законного брака?

Нет и, конечно, нет, так как любовь в этом отношении прежде всего эгоистична, и знай Зинаида Николаевна, что, напротив, сердце Ивана Александровича всецело принадлежит Ольге Аркадьевне, то не жалость и сострадание, а ненависть и жестокую ревность могла бы она питать к ней.

Затем Хмуров обвинялся в том, что у него не было и нет никакого состояния.

Но ведь этот пункт не мог играть в ее глазах особенно важной роли.

Зинаида Николаевна сама, слава Богу, была колоссально богата и в состоянии избранного мужа не нуждалась. Напротив даже, она сочла бы себя счастливою вполне, окружив мужа той роскошью, которой сам он добиться не может и о которой все-таки мечтает.

Стало быть, и в этом отношении Зинаида Николаевна склонялась к извинению обвиняемого, хотя ей обидно было, что он не был с ней доверчив и почему-то считал нужным ей лгать, притворяясь человеком вполне обеспеченным.

Оставались, таким образом, еще два пункта обвинения.

Но и первый из них, а именно сокрытие перед нею своей женитьбы, Миркова старалась объяснить тем, что он уже твердо решил хлопотать о разводе и полагал во всем ей открыться при первых благоприятных вестях.

Стало быть, все сводилось к последнему пункту, действительно ужасному, столь даже ужасному, что у него самого не хватило духу оправдываться и он вышел оттуда уничтоженный.

Неужели ж в самом деле этот человек, которого она ждала как повелителя своего, которому она доверила бы все, что послал ей Господь Бог, и даже са-

мую жизнь свою, неужели он гнусный убийца, отравитель?..

Не может быть!

Да, но почему же в таком случае он не отрицал этого страшного обвинения? Как мог он уйти, не разъяснив всего?

И у бедной женщины голова кружилась, она терялась, она чувствовала себя пораженной и как бы без выхода, замуравленной в застенке, едва в анализе своем доходила до этого места.

Так прошел весь день, так прошла ночь, бессонная, бесконечная, печальная и безнадежная.

Только под утро сон над нею смиловался и сомкнул ее воспаленные глаза.

Когда она пробудилась, то не могла сразу понять ни где она, ни что с нею, ни сколько времени здесь проспала?

Опомнившись, она позвала горничную.

– Который час, Даша? – спросила она, едва та вошла.

– Уж поздно, Зинаида Николаевна, уж десять минут двенадцатого.

– Я всю ночь не спала.

– Не привыкли на новом месте да дорогою намаялись...

Даша, как приближенная, конечно, все знала, но за-

трагивать предметы не решалась.

– Прикажете все готовить?

– Да, пора вставать, Даша.

Туалет с омовениями продолжался долго. Не ранее чем через час Миркова была совсем готова.

– Пожалуйста в ту комнату, – предложила горничная, – я там уж и занавесочки отдернула, сейчас чай подадут...

Зинаида Николаевна вошла в гостиную и почти вскрикнула. Яркий свет дня блеснул в ее глазах и заставил ее на мгновение зажмуриться, но через полминуты она уж подходила к одному из окон.

– Зима, – проговорила она. – Сколько снега выпало...

– И на санках извозчики появились, – весело, как бы ободряюще отозвалась из спальни Даша.

Зинаида Николаевна занялась чаем. Вчерашние думы улеглись, но она теперь была занята одной мыслью и, когда покончила со своим первым завтраком, позвала:

– Даша!

– Что прикажете, Зинаида Николаевна?

– Меня никто не спрашивал?

– Никто-с, а вот только так я слышала, будто Иван Александрович Хмуров еще вчера вечером в Москву уехали.

– Уехал? – переспросила она, и молнией в уме ее сверкнула мысль: «Значит, виновен, бежал!»

Красивая голова ее поникла в грустной думе, но вдруг она энергично встала и сказала прибиравшей горничной:

– Дай мне ротонду и позвони, чтобы мне хорошие сани наняли, я хочу прокатиться.

Садясь в сани, она только сказала кучеру неопределенно:

– Поезжай прямо. – А когда они отъехали, прибавила: – Поезжай в русскую православную церковь, все равно в какую.

В храме Господнем, у подножия священного алтаря, перед ликом Богоматери, она преклонила колена.

Долго и горячо молилась. Взывала о спасении от соблазна, о защите, об укреплении скорбного духа своего и молила даже о прощении, об исправлении того, кто ей и другим причинил столько горя.

Постепенно волнение улеглось, тихо и безропотно катились слезы по ее щекам: она с верою и надеждою на исцеление приложилась к святыням и вышла.

А на улице ярко сияло солнце и чистый, только что выпавший снег сверкал от его лучей, словно усыпанный мириадами алмазов.

XXXI. В Москве

Всю дорогу раздумывал Хмуров о том, как-то и скоро ли его рассчитают в страховом обществе?

Он решил по возможности избегать каких-либо встреч со старыми знакомыми, вполне понимая, что кружок, в котором он вращался до своей поездки в Варшаву, должен был знать о происшедшем у него с Мирковой разрыве, а также и о причинах, его вызвавших. Но Ивана Александровича не мучила мысль о предстоящем стыде при встрече с кем-либо из них, так как оправдания себе он бы всегда нашел.

Нет.

Его пугала необходимость сидеть почти взаперти в каком-либо номере гостиницы или мебелированных комнатах и выжидать там, пока в обществе дело его пройдет через все неизбежные формальности.

Он ненавидел скуку, был всегда врагом одиночества, зная, как и чем заполнить свободное время.

Но на этот раз надо было суметь пожертвовать несколькими днями скуки для будущих радостей, и оставалось только примириться с неизбежностью.

По приезде в Москву он не отправился в прежние номера, а выбрал себе временным местом проживания еще более скромные комнаты, где-то в переулке,

и тотчас же отдал свой вид в прописку.

Однако в этот день он никуда не вышел, а, послав закупить себе всяких газет в качестве умственной пищи и развлечения да всякой еды в качестве пищи более насыщенной, он так и скоротал вечер у себя в номере.

От скуки пробовал он заговорить с прислуживавшим человеком, но тот либо достаточно намаялся за день, либо вообще был не из болтливых и ничего интересного передать не сумел. Сколько ни расспрашивал его Хмуров, кто рядом стоит, есть ли хорошенькие постоялицы да, главное, одинокие, – толку, от него он не добился, ибо тот твердил одно:

– Бывают, конечно, и одинокие, а то и вдвоем муж с женою живут.

Так он его и отпустил.

Но зато на другое утро Иван Александрович уже к десяти часам был в полном блеске.

Безукоризненно одетый, причесанный, слегка надушенный, ждал он времени, когда считал удобным отправиться заявить о своих правах.

Как ни жгло его нетерпение, он на этот раз опять-таки выдержал характер и вышел из дома только в одиннадцать.

До помещения, занимаемого конторой страхового общества, было недалеко: Хмуров даже с умыслом

поселился в этом переулке, чтобы не ездить по городу и избежать, таким образом, нежелательных встреч.

Он прошел пешком и через пять минут снимал в передней пальто.

Там хотя и видели его впервые, но приняли любезно.

Он спросил:

– К кому бы мне обратиться по делу страхования жизни одного друга моего в обществе «Урбэн»?

Высокого роста господин, уже седой, в золотых очках, встал:

– Чем можем служить?

– Я могу переговорить с вами?

– Пожалуйста, сейчас еще никого нет, но я секретарь здешний, и если вам будет угодно, то я всецело к вашим услугам.

Хмуров невольно осмотрелся кругом. Присутствие еще двух лиц – конторщика и кассира – его несколько стесняло: он предпочел бы говорить с глазу на глаз. Это тотчас же подметил секретарь и предупредительно предложил:

– Не угодно ли пройти дальше. Вот сюда попросу вас, в кабинет нашего главного представителя по Московскому округу.

Когда оба они уселись, Хмуров достал принесенные с собою бумаги и положил их перед собою на

стол.

– У вас был застрахован, – начал он, – в сумме шестидесяти тысяч некто Илья Максимович Пузырев.

– Совершенно верно, – подтвердил секретарь. – Страхование состоялось всего месяца два тому назад.

– Да, приблизительно. Но теперь Илья Максимович Пузырев скончался...

– Как скончался?

– Вас это удивляет?

– Признаюсь, чрезвычайно. Я видел его неоднократно у нас в конторе; он производил на меня впечатление человека совершенно здорового, да по освидетельствовании двух наших докторов оказался действительно таковым.

– Тем не менее факт несомненен, – совершенно спокойно отозвался Хмуров. – Впрочем, я явился к вам со всеми документами. – Он что-то искал в бумагах и вскользь еще заметил: – Часто самые с виду крепкие организмы в случае болезни сваливаются вдруг. И пословица говорит: «Скрипучий дуб два века живет», а тут как раз наоборот.

– Вам, конечно, известно, от какой болезни он умер? – любопытствовал секретарь.

– Да, известно. Но лучше всего вам на это может ответить свидетельство местного врача.

– Вы говорите, где он скончался?

– В Крыму, в Ялте. Но позвольте, пожалуйста, по порядку. Вот полис страхового общества «Урбэн» с бланковой надписью умершего, почерк которого вам должен быть известен и без нотариального засвидетельствования, и, насколько я слышал, этого достаточно для получения мною денег; но на всякий случай я захватил всю корреспонденцию умершего, все его письма ко мне за последние два месяца... Если будет угодно?..

– Нет, помилуйте, зачем же?

– А вот удостоверение врача о смерти Пузырева с подробным изложением болезни.

– Позвольте, пожалуйста.

Пока секретарь пробежал глазами этот документ, Иван Александрович уже держал в руках еще какие-то бумаги.

– А вот, – сказал он, – письмо и телеграмма того лица, у которого он жил в Крыму.

– Ваш знакомый?

– Нет. Понятия не имею, и даже, кроме фамилии, мне ничего неизвестно. Не могу вам сказать, кто он, чем занимается. Знаю только, что домовладелец в Ялте. Фамилия его Любарский. По адресу его дома писал я покойному.

– Вот, изволите ли видеть, – сказал секретарь, – я

заявление от вас приму, но попрошу вас пожаловать несколько позже или даже завтра, если это вам удобно. Вы постоянно изволите в Москве жить?

– Нет. Да и сейчас-то я из Варшавы, где меня застала печальная весть о кончине моего друга. Остановился же я в двух шагах отсюда.

Он быстро начертал на клочке бумаги свой адрес, поклонился, пожал руку и вышел.

«Однако, – думал он дорогою, – тут не так-то скоро отделаешься, и, главное, поразило его, как быстро после страхования скончался человек. Но что ж из этого? Мало ли каких случаев в жизни не бывает! Ничего им с нами не поделать, и деньги они должны мне отсчитать все до копейки. У Пузырева дело-то ой-ой как чисто поставлено. Неприятно мне только все эти вопросы выслушивать и все их взгляды испытующие выносить! Как бы это обойти?»

Вообще, в большинстве случаев Хмуров предпочитал чужими руками жар загребать и садиться за вполне накрытый стол.

Он шел в свои неважные номера и машинально, по привычке читал вывески на пути.

Вдруг он остановился перед медной доской, приколоченной к парадной двери, и прочитал гравированную на ней надпись:

Петр Косьмич

Свербеев.

Присяжный поверенный.

Прием от – до – ежедневно.

Его осенила мысль. Он взглянул на часы и вошел. Но в приемной уже стояло несколько человек. Приходилось перетерпеть до своей очереди. Однако, приняв решение, Хмуров уж не уходил, а хотел добиться толку, и с сознанием, что всякому ожиданию должен когда-либо наступить конец, он то похаживал по комнате, то присаживался и ждал.

Иногда дверь отворялась, из нее выходил клиент или клиентка, после чего кто-либо из присутствовавших в приемной шел на смену. Так дошла очередь и до Ивана Александровича.

Петр Косьмич Свербеев уже успел войти в моду, и кабинет его внушал клиенту уважение. Но Хмурова ни роскошью, ни обстановкой удивить было нельзя, ви-

дел он на своем веку достаточно всего! Не обращая никакого внимания на окружающее, он спокойно отрекомендовал себя и сел.

– Вот изволите ли видеть, – заговорил он прямо о деле, – в чем моя к вам просьба. Месяца два тому назад с небольшим большой друг мой, Илья Максимович Пузырев, застраховал свою жизнь в французском страховом обществе «Урбэн», имеющем право совершать операции и в России, в сумме шестидесяти тысяч рублей, подлежащих выдаче в случае его смерти тому лицу, которое представит в общество полис с его бланковой надписью.

– И теперь, – спросил Свербеев, уже по привычке к беседам с клиентами, – этот господин умер?

– Да, и теперь, всего через два месяца по совершении страхования, мой друг, Илья Максимович Пузырев, умер.

– Полис перешел к вам?

– Полис с бланковой надписью перешел ко мне, – ответил Хмуров, – и я, стало быть, являюсь его владельцем или, так сказать, правопреемником умершего.

– А общество ставит затруднения в выдаче застрахованной суммы? – спросил адвокат.

– О нет! Я этого сказать еще не могу, тем более что я сейчас только подал заявление о смерти Пузырева.

– В таком случае что вам от меня, собственно, угодно?

– Вот это-то и позвольте мне выразить, – с некоторым нетерпением за то, что господин Свербеев все желал говорить за него, ответил Хмуров.

– Пожалуйста!

– Кроме бланковой надписи, мое право на получение из общества «Унбзн» страховой суммы за умершего Пузырева подтверждается целым рядом писем покойного. Не только он упоминает об этом, но подробно довольно трактует и о том назначении, которое ему было бы желательно, чтобы я дал его деньгам после его смерти. Письма эти все при мне, и если мы с вами сойдемся, то есть столкнемся насчет всего остального, я попрошу вас их внимательно прочитать.

– Чем был болен умерший? – спросил так же, как и секретарь, господин Свербеев.

– Насколько я понимаю, – ответил Иван Александрович, – скоротечную чахоткою; впрочем, я сейчас представил в общество медицинское свидетельство о смерти.

– У вас есть копия?

– Нет, нету, я не знал, что может понадобиться.

– Жаль.

– Мне кажется, это особенной роли не играет, тем более что я списал себе фамилию выдавшего свиде-

тельство врача.

– Прекрасно-с. И так, вы сейчас говорили?..

– Конечно, с первого момента страховое общество как бы несколько поражено этой неожиданной для его московских представителей кончиною. Но ведь и я был ею поражен, так как, по моему мнению, Пузырев выехал два месяца тому назад из Москвы совсем здоровым. Таким, по крайней мере, казался он на вид. Только я знал, да и письма его опять-таки это подтверждают, какую глубокую сердечную рану этот человек уносил с собою. Вот эта рана его и сразила, видно. Как бы там ни было, однако я не знаю, какие там могут потребоваться формальности, и пришел просить вас взять на себя труд получить с них эти деньги. Мои условия будут следующие: если в течение одной недели от сегодняшнего числа мы получим полностью всю сумму без затруднений, без судебных препирательств, то я предлагаю вам тысячу рублей; в противном случае условия наши будут иные.

– Я согласен, – сказал присяжный поверенный, – и я даже полагаю, что до иных условий у нас дело не дойдет, ибо не такое это общество, чтобы до суда доходить. Им, напротив, быстрая уплата страховой суммы делает колоссальную рекламу, а всякое судебное разбирательство вызывает недоверие к ним, все будут бояться к ним идти, как бы потом судиться не

пришлось. Ваше же дело совершенно чистое. Потрудитесь съездить написать доверенность на мое имя с обозначением всего требуемого – мне, я вижу, вас учить не приходится, – а условице мы с вами и домашнее набросаем насчет моей тысячи рублей.

– Прекрасно.

Хмуров уже встал, собираясь уходить, как господин Свербеев остановил его вопросом:

– А сами вы чем изволите заниматься? Знаете ли, могут все-таки поинтересоваться в обществе.

Хмуров вспомнил остроумный ответ Пузырева на тот же вопрос и, не моргнув глазом, сказал:

– Науками.

Опытный Свербеев взглянул на него испытующе и потом вдруг улыбнулся, но далее говорить об этом не стал. Он сам проводил его до передней и на прощанье только повторил:

– Привозите же доверенность сегодня и, кстати, все письма умершего оставьте у меня: я на досуге их прочитаю.

XXXII. Быстрым ходом

Хмурову предстояли еще и другие хлопоты. Ему надо было заложить или продать ожерелье, купленное в Варшаве у Сарры на вексель.

Но сперва он направился к нотариусу и у него написал требуемую доверенность на имя присяжного поверенного Петра Косьмича Свербеева, свез ее по назначению, подписал там составленный договор и тогда уже направился по кассам ссуд и частным обществам для заклада движимостей с целью посмотреть, где больше дадут?

В одном учреждении ему предложили тысячу двести рублей, но он не согласился, требуя непременно полторы тысячи; в других во всех давали и того меньше, уверяя, будто бы теперь вообще бриллианты подешевели, а эти желтоваты и не совсем чистой воды.

Раздраженный, он уже готовился вернуться в ту первую кассу, где ему была предложена наибольшая сумма, но дорогою его взор поразила вывеска, которую он ранее не замечал.

Тотчас же остановил он извозчика и вошел по указанию надписей по лестнице во второй этаж.

Дверь была заперта, но он позвонил, и ему приотворили, не спуская, однако, двери с цепи. Хриплый

мужской голос спросил:

– Кто это?

– Я по делу. Чего вы убоитесь? Я продаю бриллианты; вот, посмотрите.

И действительно, Хмуров вынул из бокового кармана длинный плоский футляр светло-голубого бархата, раскрыл его слегка, но достаточно, чтобы нить бриллиантов ярко сверкнула.

– Войдите, – сказал голос.

Цепь отстегнулась, и Хмуров был пропущен в прихожую. Но личность, пропустившая его, еще оставалась у двери и что-то возилась с замком. Наконец, когда ключ два раза щелкнул, человек этот прошел вперед и тогда только, при свете, врывавшемся в эту часть передней, мог Хмуров разглядеть его.

То был человек уже пожилой, лет за пятьдесят, с виду угрюмый, несколько сгорбленный, но с живыми глазами, зорко высматривавшими из-за очков.

Они оба вошли в соседнюю комнату, над дверью которой была надпись:

КОНТОРА

Здесь все походило скорее на обыкновенный ювелирный магазин: те же прилавки со стеклами храни-

ли множество раскрытых футляров со всякими прелестями, в стороне же стояло два больших несгораемых шкафа.

Старик хозяин прошел стороною за прилавок и, очутившись вскоре лицом к лицу с клиентом, спросил его в упор:

– Покажите, что продаете?

– Ожерелье бриллиантовое, – ответил Иван Александрович самым простым и естественным тоном. – Хорошие камни, хотя и не из старых, но для нынешних бриллиантов хоть куда.

Покупатель вскинул сперва взгляд на говорившего, и видно было, речь его понравилась ему: лицо его стало любезнее. Потом он взял вещь в руки и принялся внимательно ее разглядывать.

– Цена? – спросил он наконец.

– Вот видите ли, что я вам на это скажу, – ответил Хмуров. – Под залог этих бриллиантов мне предлагают в Газетном тысячу двести рублей. Этого мало, под них можно и больше дать, а главное – это меня не устраивает. Я решаюсь их продать, но говорю вам вперед, что торговаться не буду и, против назначенной цены, рубля не уступлю. Пожалуйста полторы тысячи – и дело с концом.

Скупщик снова пристально взглянул прямо в лицо продавцу. Снова отразилась на его губах улыбка, но

все-таки, еще сразу не решая вопроса, он спросил:

– А с кем имею удовольствие?

– О, в этом отношении вы можете быть совершенно спокойны, – почти весело воскликнул Хмуров. – Я смело могу вам назваться и даже показать вам в удостоверение моей личности мой вид на жительство. Кроме того, конечно, я напишу вам расписку.

– А не дорого будет?

– Дешевле я, по моим личным соображениям, взять не могу.

– Что ж делать? Пишите расписку. Вот бумага, а вот и перо. Потому только покупаю, – добавил он, – что у меня вчера именно на такую цену спрашивали бриллиантовое кольцо.

Быстро набросал расписку о продаже Иван Александрович, но гораздо того дольше прочитывал ее скупщик. Потом он положил ее в сторону и снова стал разглядывать камень за камнем, приближая ожерелье чуть не к самым очкам своим. Наконец он проговорил, как бы про себя:

– Тут я немного наживу.

Но все ж таки он потащил покупку к одному из несгораемых шкафов, спрятал там, потом направился к другому и долго в нем рылся. Хмурову ясно был слышен шелест кредиток, и в конце концов он дождался своих денег.

Провожая его, скупщик все-таки любезно предложил:

– Коли случай будет, заезжайте. И продать, и купить, и поменять – все можем.

– Непременно, до свиданья.

Хмуров был доволен своей операцией, но все-таки решился и с деньгами сколь возможно скромнее проводить время.

В утешение себе он говорил: «Остается мне только предположить, что я в пути, на море, допустим, и мне действительно некуда деваться. Что бы я делал? Читал, знакомился бы с другими пассажирами. Прекрасно. В меблированных комнатах нет пассажиров, но зато есть постояльцы и должны быть даже постоялицы. Скучающие постоялицы! Что может быть лучше. Мы доставим, друг другу взаимно, хоть какое-либо развлечение, а пока что не мешает все-таки в книжный магазин заехать и приобрести на всякий случай что-нибудь легонькое, пикантное, французское. Французы в этом отношении свою литературу до удивительных откровенностей довели».

Так рассуждал Иван Александрович, вообще не умевший смотреть на жизнь иначе как с развлекательной стороны.

Но в немудреных и небогатых номерах, где он остановился, ничего и в этот вечер интересного или зани-

мательного не представилось, и Хмуров должен был ограничиться чтением. По временам он отрывался от книги и мысленно заглядывал вперед, жаждая веселья и жизненных утех. Будущее продолжало вырисовываться в воображении его все в более ярких и радужных красках. Настоящее томило своим принудительным выжиданием, своим обязательным высиживанием, словно под арестом. Одни только сутки прошли с приезда в Москву, а скука уже мучила этого раба праздной жизни и вечно праздной мысли.

На другой день он едва дождался назначенного времени, чтобы выслушать ответ присяжного поверенного Свербеева. Тем не менее входил он к нему в условленный заранее час с сияющей улыбкой на устах, вполне уверенный в успехе.

– Что скажете хорошенького, Петр Косьмич? – спросил он, свободно усаживаясь в предложенное кресло.

Но господин Свербеев не улыбался в ответ, а несколько опечаленным голосом сказал:

– Наши вчерашние предположения с вами не оправдались.

Хмуров, не в силах удержать охватившего его сразу сильного волнения, побледнел.

– То есть как это?

Господин Свербеев вздохнул и тоном прискорбья отвечал:

– Мы с вами просто-напросто ошиблись в расчетах, и произошло это от незнания уставов обществ, страхующих жизнь.

– Вы меня пугаете. Говорите, пожалуйста, точно и ясно, в чем именно дело? Может быть, какого-нибудь документа не хватает.

– Нет, документы, слава Богу, все налицо. Вы представили свидетельство о погребении, от священника, свидетельство о причинах или болезни, повлекшей за собой смерть, наконец – страховой полис с передаточной бланковой надписью, и речь зашла было только еще об одной бумажке: о метрическом свидетельстве рождения покойного Пузырева.

– Это им зачем? – спросил перепуганный Хмуров, сразу соображая, каких трудностей будет стоить получение этого документа, коль скоро Илья Максимович, уже сам в качестве покойника, не может принять участия в отыскании его.

– Как зачем? – сказал господин Свербеев. – Метрическое свидетельство должно подтвердить возраст умершего, ибо страховые общества, принимая страхование, верят на слово клиенту до той поры, пока не потребуется, как в данном случае, доказательства. Но успокойтесь: покойный, по-видимому, был предусмотрительный человек, и оказалось, что метрику свою он сам представил еще при заключении страхования.

Беда не в этом, а вот в чем: по правилам общества, страховая сумма выдается предъявившему на нее свои права только через два месяца по получении заявления...

Хмуров обомлел.

Холодный пот увлажнил как-то разом все его тело, и дрожь пробежала по всем мускулам. Он понял все, что может произойти в эти два месяца: проверка, выслеживание шаг за шагом за умершим, – и ужас охватил его до того, что он совсем растерялся.

– Я вижу, – продолжал адвокат, – что это в значительной степени расстраивает все ваши планы и расчеты. Вполне вас понимаю и, безусловно, вам сочувствую. Но не найдем ли мы из этого выхода?

Последний вопрос несколько ободрил Хмурова. Он собрал все свои силы и сказал:

– Мне необходимо было ехать в Вену по одному интересующему меня научному вопросу...

– Вот извольте ли видеть, – продолжал господин Свербеев, – какая у меня еще остается надежда. Русские компании страхования жизни придерживаются того же правила, и даже не через два, а только через три месяца по предъявлении требования выдадут правопреемнику умершего деньги. Но те же русские компании допускают сделку в виде учета полиса... Процент при этом не Бог весть как велик, и для

лица, спешащего покончить все расчеты разом, оно, конечно, особого расчета не составляет. Что касается общества «Урбэн», то хотя я и слышал, что до сей поры оно не входило в подобные сделки, я тем не менее, если вы меня в том уполномочите, попробую склонить его к этому, и тогда, если удастся, вы получите ваши деньги в самое непродолжительное время.

Надежда вновь улыбалась Хмурову, но в то же время ему хотелось знать, какое впечатление вынес Свербеев вообще из своих разговоров с представителями общества, то есть зародилось ли у них какое-либо подозрение или нет?.. Подумав, он решился-таки заметить:

– Я полагаю напротив.

– То есть как напротив?

Хмуров сознавал, что в данную минуту все шло на карту. Он окончательно совладал с собою.

– Представители общества как будто бы несколько смущены и удивлены столь быстрой кончиной клиента, признанного еще два месяца тому назад вполне здоровым их же врачами и застрахованного все-таки в довольно солидной сумме. Они, конечно, воспользуются этим временем для проверки всех мельчайших обстоятельств, сопровождавших кончину моего бедного друга. Разумеется, из этого ничего не выйдет, факт останется непреложным, деньги им придет-

ся мне уплатить целиком, но у них-то, по крайней мере, совесть будет чиста. Ils en auront la conscience nette³, как говорят французы.

– То, что можно было бы назвать сомнениями, – ответил на это господин Свербеев, – я в беседе с этими господами не заметил. Тем не менее я бы отнюдь не удивился, если бы они сегодня же не отправили телеграммы, хотя бы в Одессу, представителю их общества, такого примерно содержания: «Соберите немедленно в Ялте справки относительно кончины Ильи Максимовича Пузырева, домовладельца Любарского, у которого он жил и умер, и у лечившего его врача Ивана Павловича Смыслова».

– Очень может быть, – подтвердил уже совершенно спокойно Хмуров. – И что касается лично меня, то я мог бы только радоваться действительному исполнению подобного вашего предположения. Но вряд ли такие справки находятся по телеграфу. Мне же нельзя засиживаться в Москве: меня ждут более важные интересы в Вене. Придумайте, что нам делать? Выручайте меня из этой продолжительной и скучной истории. Поверьте, я за признательностью не постою.

Между тем сам про себя он уже решил, что ему делать, и желал только обеспечить свои отношения к господину Свербееву.

³ Их совесть будет чиста (фр.).

– Я полагаю, – сказал с достоинством адвокат, – что вы смело можете выехать в Вену, где, как вы говорите, вас ждут иные интересы. Доверенность ваша, выданная мне вчера, останется в той же силе, и нам придется только переменить договор. Так как все сводится ко времени получения вами страховой суммы, так как вам желательно получить ее сколь возможно скорее и, наконец, ввиду того что достижение этого желания и составляет всю трудность данного казуса, – я вынужден изменить ваши условия.

– Не стесняйтесь, говорите.

Но последняя рекомендация была совершенно излишня: почтеннейший адвокат прекрасно понимал всю выгоду своего положения и о стеснениях относительно своих требований даже и не помышлял.

– Скажите мне прежде всего, – спросил он, – когда бы вы желали выехать?

– Разумеется, сколь возможно скорее. Я готов бы был выехать завтра.

– Прекрасно. Вы поедете и немедленно же сообщите мне ваш адрес в Вене. Я же здесь буду хлопотать, и если добьюсь уплаты вам через представителей в Москве общества «Урбэн» шестидесяти тысяч не позже десяти дней, то получаю за это из всей суммы десять процентов, то есть шесть тысяч. Если дело протянется от двух недель до двадцати дней, то получу

только три тысячи, что равняется всего пяти процентам с валовой суммы; если же, наконец, выдача денег состоится только через месяц, вы даете мне полторы тысячи, и, наконец, если вам придется ждать все два месяца льготного для общества срока, то я с вас возьму за мои хлопоты всего тысячу рублей. Согласны?

– Согласен, что делать!

– Так я в этом смысле сейчас и договор составляю.

Старый же мы уничтожим.

Он сел за работу, и через час все было готово: они обменялись местами.

– Но копию мне позвольте, – спросил все-таки Хмуров.

– А то как же! Вот тут и копия. Мне надо только подписать.

И он вручил документ клиенту.

А клиент думал: «Дорогонько обойдется, зато безопаснее. Издалека не так-то легко сцапают в случае чего».

И на другой день ввечеру он действительно выехал.

XXXIII. Встречи в пути

Одно еще в значительной степени тревожило Ивана Александровича Хмурова: как проедет он через Варшаву? Между тем путь этот на Вену был самый короткий, да к тому же знаком ему по прежним поездкам.

Конечно, можно было с вокзала на вокзал проехать по соединительной ветви и избежать нежеланных встреч. Но, добравшись даже до вокзала Венской железной дороги, приходилось тут-то и подвергаться если не прямой опасности, то неизбежной неприятности. Не было возможности скрыться на все, довольно продолжительное, время стоянки и ожидания от взоров людей, являющихся к отходу всякого поезда из столь известной гостиницы, как та, в которой он стоял.

Наконец, и сам фактор Леберлех мог тут очутиться, провожая кого-либо из отеля.

Все это тревожило Хмурова в пути, и, снова очутившись в первом классе спальном отделении на обратной дороге, он раздумывал уже на менее радужные темы, нежели едучи сюда.

Самое пребывание в Москве за эти дни оставило впечатление крайней скуки и неудовлетворенности.

По незнанию заведенных в страховых обществах

порядков Хмуров ехал в Москву с полной надеждой получить из «Урбэн» деньги через какую-нибудь неделю по предъявлении своей претензии. При подобных только условиях был он готов на относительные жертвы, то есть на скуку и лишения. В действительности же оказалось совсем иное. Время было, так сказать, потрачено напрасно, и если бы он дело заранее обдумал, то, конечно, не встретилось бы даже надобности ему самому ехать в Москву: он мог бы отлично прямо из Варшавы направиться в Вену, раз общество «Урбэн» и там имеет своих представителей, и оттуда вытребовать страховую сумму за скончавшегося Пузырева.

Хмуров в качестве человека, смотрящего на жизнь с точки зрения эпикурейца, то есть требующего от нее одних наслаждений, страшно негодовал за каждый попусту потраченный день. Добро бы еще у него денег не было, а то нет! И деньги плотной пачкой сотенных лежали в его боковом кармане, а во время последнего пребывания в Москве приходилось чуть ли не во всем себе отказывать, чтобы только меньше рисковать встречей с кем-либо из тех шикарных лиц, которые теперь уже знали, вероятно даже с прибавлениями, всю его историю с Мирковой.

Ради этого жил он где-то поблизости от Лубянки в каких-то дешевых номерах.

Хуже того. Ради этого он был вынужден ходить питаться во второклассном ресторанчике Билло, где всегда было накурено, где помещение с низкими потолками подавляло его, привыкшего к «Эрмитажу», к «Славянскому базару» и другим учреждениям первого разряда.

Здесь, в этом quasi-заграничном, а в сущности более схожем с неважным железнодорожным вокзальцем помещении, все раздражало Хмурова, начиная от шума, табачного дыма да копоти и кончая невкусной едой.

Он вспоминал, как бывало прежде, давно, в начале существования этого ресторанчика под эгидой австрийца Витгофнера, прислуга и сам хозяин относились даже к редкому гостю с удивительной предупредительностью, как все здесь подавалось в обилии, вкусно и дешево, да невольно сравнивал с данным временем и только досадовал на то, что нравившееся ему прежде учреждение так быстро во всем изменилось.

Поминутно приходилось ему раздражаться, и в довершение всего денег выходило не меньше, нежели потребовалось бы на хороший ресторан.

Он выходил из себя, требовал хозяина, но ему либо с улыбкою отвечали, что они на охоте-с, либо что «им никак прийти нельзя».

И день Хмурова был отравлен. Он возвращался к себе злой и не знал, за что приняться. Он до того избаловался, что считал себя уже несчастным человеком, и выехал из Москвы с радостью, предвкушая ожидающую его в Вене действительно хорошую кухню вместо неудачного подражания ей в немецком локале Билло.

Одно только считал он для себя тут вполне гарантированным, а именно: что вряд ли он встретит тут кого-либо из той среды богатых и шикарных людей.

Злобствуя таким образом и даже, может быть, совершенно напрасно, Иван Александрович думал: «Только бы до Вены добраться! Судя по всему, мой почтеннейший поверенный Петр Косьмич Свербеев не даст маху и в своих же интересах поторопит дело. Таким образом, мне нет никакой надобности особенно экономничать по приезде туда. Но какой дурак Пузырев! Почему не сообщил он мне сразу, где в Вене намерен остановиться? Понять не могу такой рассеянности! Как это на него непохоже!»

Но вскоре Хмуров успокаивался, решая, что разыскать приятеля будет нетрудно.

Вена в этом отношении не Париж, где ни до чего добиться нельзя и где для получения справки о каком-либо лице надо сперва суметь доказать полиции, для чего именно лицо это могло понадобиться. В Вене за всеми вообще, а уж за иностранцами, и в особен-

ности за русскими, учрежден весьма бдительный надзор. Отыскать человека не трудно. Его, стало быть, не это и тревожило. Он только возвращался к мысли, как бы в Варшаве не попасться кому на глаза, а в остальном почти успокоиться.

Первые часы дороги казались невероятно долгими. Хмуров поминутно выходил в коридор вагона, но остальные пассажиры, как назло, забились по своим купе и не показывались. Ни с кем еще нельзя было завести знакомства, а спать не хотелось, и он испытывал то странное состояние какого-то зуда развлечений, который охватывает человека, освободившегося от долгого заточения.

Но вот дверь одного из отделений отворилась, и на пороге ее показалась молодая еще, не старше тридцати лет, но очень полная и высокая женщина.

Хмуров чуть не вскрикнул от удивления. Он, конечно, узнал ее с первого же момента, но до того был поражен, что даже не поздоровался, а только спросил: – Марфа Николаевна! Как это вы сюда попали?

– Очень просто, – ответила она по усвоенной от одного их общего знакомого привычке, – еду за границу.

– Вы за границу? Да с чего это вам в голову пришло?

Ей, по-видимому, тон этих расспросов не особенно нравился. Почему ж это она не может ехать за грани-

цу? Чем это она хуже других?.. Вслух же Марфа Николаевна только заявила:

– Не мне в голову пришло, а тому, кто надо мною старше есть.

– Неужели? Так и он с вами? Что же, спит?

– Нет, он выедет только завтра, – уже добродушнее и, главное, словоохотливее сообщила известная солистка загородного русского хора. Ей самой смертельно хотелось поскорее все рассказать, и она предложила Хмурову зайти в ее купе поболтать.

Столь желанный случай развлечения сам таки на-вернулся. Едва они уселись друг против друга на бархатных диванах, как Хмуров спросил:

– Но где же вы на вокзале были до отхода поезда, что я Вас не видал?

– Так слушайте же.

Она была рада поболтать в пути, да еще с красавцем.

– Хотя вы у меня сами никогда не бывали, – сказала она, – но от общих знакомых, от Сергей Сергеевича Огрызкова, наконец, давно слышали и знаете, кто заботится обо мне...

– Как же, как же!

– Мой, так сказать, супруг в то же время состоит и моим хозяином, так как служу я у него, – продолжала она. – Теперь он задумал в своем учреждении боль-

шие перемены и для идеи, то есть с целью перенять что-нибудь полезное или любопытное, решил объездить главные города Европы, а чтобы самому там не было скучно, берет меня с собою. Вот вам и вся история.

– Кто же вас провожал на вокзал? Я никого не видел.

– У нас условие такое было, чтобы никто ничего не знал. Мой-то мне напрямки запретил даже ближайшим подругам говорить правду, куда именно я еду, и все у нас в хоре да и знакомые по Москве думают, что я к себе на родину уехала.

– Понимаю, – сказал Хмуров многозначительно. – Это ваш из предосторожности все придумал, чтобы и с вами не разлучаться и в то же время подозрения ни в ком не вызвать. Хитро.

Они оба рассмеялись.

– Ну а как же, – спросил он еще, – вы устроитесь? Прямо за границу махнете или где в пути его поджидать станете?

– Мы так условились, что я в Варшаве на сутки остановлюсь. Он даже дал мне адрес какой-то гостиницы, да название трудное, я не помню. Подождите, у меня записано.

Она достала портмоне и передала ему клочок бумаги.

– «Маренжа», – сказал он. – Как же, слышал.

И сейчас у него мелькнула мысль в голове, которая заставила его улыбнуться. Ему стало веселее. Он задался мыслью завести с Марфой Николаевной дорожную интрижку или пофлиртовать с нею хоть всласть, если почему-либо она отнесется к его искаательствам слишком строго.

Все меньше Ивана Александровича побеждать женщин заключалось в понимании, о чем с каждой из них следовало говорить.

Конечно, во многом ему помогала его действительно выдающаяся красота. Но и помимо нее он был великим мастером своего дела. Он как-то сразу умел проникать в самую глубь женской души и прекрасно усваивал с любой из них наиболее к ней именно подходящий тон.

Конечно, для особы вроде Марфы Николаевны все эти познания женского сердца могли бы, пожалуй, и отсутствовать, ничуть не умаляя шансов на успех, но и мешать они не должны были.

Давно еще заметила хористка красавца при его посещениях загородного веселого уголка, в котором она неизменно распевала свои романсы и даже куплеты.

Ни разу не выказал он поползновения победить ее готовое к подчинению сердце, и, быть может, это-то

еще более разжигало в Марфе Николаевне желание ему понравиться.

Она ненавидела венгерку, привлекавшую в их ресторане внимание Ивана Александровича, но ничего не могла поделать потому уже, что с ней самой он только вскользь здоровался и редко когда говорил.

Вдруг совершенно неожиданно и негаданно он оказывается ее спутником в долгой дороге до Варшавы. При подобных условиях не требовалось особенных усилий со стороны Хмурова для одержания победы.

Тем не менее она просила его только об одном:

– Подарите мне сутки, всего одни сутки в Варшаве! Я свободна и хочу вполне воспользоваться этими двадцатью четырьмя часами.

А он думал про себя: «Гостиница „Маренжа“ в уединенном месте, никто из тех, кого он в Варшаве знает, ее не посещает. К тому же поезд прибудет вечером; можно проехать незамеченным, пробыть там сутки и вечером же от нее, перед тем как на другой день прибудет из Москвы ее покровитель и друг, уехать на Венский вокзал. Куда ни шло! Рискну».

Но чтобы увеличить степень желания, он уверял, что сделать это ему никак нельзя, и заставлял себя упрашивать, уговаривать.

Самого же себя он тайно подбадривал и говорил, что никто в Варшаве, по правде-то сказать, ему ниче-

го сделать не может. За бриллианты он выдал вполне правильный вексель на срок, а не похитил их. Иных долгов в Варшаве он не оставил. Что же касается Брончи Сомжицкой, то надо допустить особенную, почти сверхъестественную случайность, чтобы она встретила его как раз на пути с вокзала в гостиницу «Маренжа» или оттуда на Венский вокзал.

А спутница его, сама влюбленная, как мартовская кошка, ласкалась и разжигала в нем желание провести с нею хоть день на свободе. Она умела быть милой, когда хотела, и Хмурову теперь уже начинало казаться, что он сделал огромное упущение, не обратив на нее ранее должного внимания. Она напевала ему лучшие выдержки из своего обширного репертуара. Они сидели друг против друга в ее купе, рука в руку, или же выходили в коридорчик и подолгу смотрели через окошко на поля, освещенные луною. Снег как бы тяжелым саваном покрывал всюду землю, а им в вагоне было не только тепло, но по временам становилось даже жарко.

На больших станциях они выходили вместе, болтали, присаживались к столу, требовали что-либо и все смеялись, все хохотали, потому что он смешил, он в каждом лице умел отыскать комическую сторону и, выдвигая ее, превращал пассажира в карикатуру.

Поздно ночью она с ним простилась, пожелав доб-

рого сна. Он принял это за шутку и упрашивал о разрешении еще поболтать. Но она удалилась, и когда Хмуров попробовал отворить дверь ее купе, она оказалась запертой изнутри, а сама Марфа Николаевна уже не откликалась.

Так доехали до Варшавы.

Рассудок, здравый смысл говорил ему, что благоразумнее всего остановить здесь же железнодорожное приключение, а самолюбие, тщеславие, наконец, каприз кружили ему голову, и он решился идти дальше.

Пообещав Марфе Николаевне последовать за нею, куда бы она того ни пожелала, – Громкая фраза, над которой, конечно, он сам внутренне от души смеялся, – Иван Александрович предложил ей:

– Мы только выждем, когда все пассажиры удалятся. Терпеть не могу сутолоки. А у вас много багажа?

– Нет, все, что здесь видите.

– Вот и прекрасно; у меня то же, так как сундуки мои сданы прямо на Вену. Меньше будет хлопот. И еще вот что: садитесь вы в ихнюю карету: на вокзале, наверное, будет карета от гостиницы «Маренжа», я же поеду вслед за вами в извозчицкой коляске.

– Зачем?

– Да уж так лучше.

Она не стала спорить о мелочах, каковыми считала эти подробности, и только, прислонясь ближе грудью

к его плечу, спросила полушепотом:

– Но ты приедешь?

– Конечно, приеду! – воскликнул он и так блеснул своими красивыми черными глазами, что она почувствовала, что он не обманет.

Поезд, однако, уже приближался к окончательному своему назначению. У Хмурова слегка усилилось биеение сердца. Раздался продолжительный свист локомотива; последовало замедление хода; вагоны, переходя с одних на другие рельсы, слегка загромыхали, и минут через пять все остановилось.

Народу на платформе было масса. Шум, говор проносились даже через двойные рамы закрытых окон. Впрочем, выходные двери отворили, и в них дуло холодом по ногам. Ворвавшиеся носильщики предлагали свои услуги. Хмуров остановил одного из них.

– Возьми барынины вещи, – сказал он, – и пойдди найди карету от гостиницы «Маренжа». Когда усадишь их, так вернись сюда обратно, за моими вещами. Понял? Я буду ждать.

– Понял-с.

Марфа Николаевна еще раз, на ходу уже, проговорила:

– Приезжай скорее.

Он кивнул и остался ждать. Когда за ним явился артельщик, публика значительно поредела на вокзале и

Хмуров вышел.

Благополучно прошел и платформу, и зал. Он уже садился в коляску извозчика, вдруг какая-то личность отодвинула носильщика и поклонилась ему.

Он узнал того фактора Штерка, который при отъезде его из Варшавы был тут, на вокзале, и о чем-то расспрашивал Леберлеха.

XXXIV. Подведены итоги

Хмуров хоть и узнал тотчас же фактора Штерка, но не особенно смутился встречей с ним. Он сразу сообразил, что в сутки времени тот не поспешит и не побежит докладывать Леберлеху о его приезде, тем более что вряд ли он даже знает, до какой степени нетерпеливо должен ждать его коллега из «Европейской гостиницы» возвращения в Варшаву его, Ивана Александровича.

Кивнув на поклон, он помчался в гостиницу «Маренжа» и всю долгую дорогу до Зеленого плаца опасался только новых встреч с людьми более с ним знакомыми. Однако все обошлось благополучно, и через полчаса он уже занимал номер по соседству с Марфой Николаевной.

Опасаясь, в сущности, того, что не могло еще нанести ему окончательного удара, Хмуров не чаял и не гадал огромной опасности, надвигавшейся на него с совершенно другой стороны. Привыкнув удовлетворять все свои капризы, сколь бы ни были они взбалмошны, Иван Александрович, поддавшись какой-то дури, увлекся женщиной совершенно и для себя-то самого неожиданно; но самолюбие его было задето и требовало полного удовлетворения. Ему в данную минуту

нужно было только одного: чтоб Марфа Николаевна окончательно влюбилась в него и завтра, при разлуке, готова была бы в отчаянии руки на себя наложить.

Он не думал о том, что же творилось с Пузыревым?

А Илья Максимович, ожидая в Вене ответа на свою телеграмму, посланную Хмурову в Варшаву, в конце концов потерял терпение.

Сперва он ждал спокойно хоть какого-либо извещения. На другое утро он несколько встревожился, но решился выждать до вечера, объясняя себе отсутствие ответа возможной медленностью или неисправностью телеграфа. Не получив, однако, ничего и до ночи, он встревожился еще того более и послал в Варшаву срочную телеграмму с уплаченным ответом.

На этот раз ответ явился, но не от Хмурова, а следующего содержания:

«Но телеграммы такой-то не мог быть доставлен, за выездом адресата в Москву без обозначения подробного адреса».

Сразу Пузырев объяснил себе это обстоятельство поспешностью, с которой его друг-приятель кинулся предъявлять обществу «Урбэн» свои требования. В суматохе он не подумал ответить ему, но, конечно, не преминет это сделать по приезде в Москву.

Он рассчитал, сколько нужно было времени еще ждать, и покорился неизбежному сроку, отгоняя от се-

бя всякое подозрение, всякую мысль о захвате Хмуровым его доли.

Но всякие сроки прошли, и от Ивана Александровича никаких вестей не получалось.

Самому снова телеграфировать в Москву было бесполезно, даже немыслимо: во-первых, Пузырев не знал куда, не знал, где остановится Иван Александрович; во-вторых, ему надо было, в интересах самого дела, соблюдать некоторую осторожность.

В напряженном выжидании чрезвычайно важных для него сведений по делу, на успехе которых он основывал все свое дальнейшее благополучие, Пузырев раздражался до состояния почти болезненного. Мозг его воспалялся и отказывался служить ему с прежней сдержанностью и выдержкой. Он думал и допускал только два положения: либо Хмуров, пользуясь беспомощностью его, Пузырева, хочет его обмануть и один воспользоваться плодами хитро обдуманного преступления, либо его на первых же порах заподозрили в обмане, он чем-нибудь попортил дело, выдал тайну, и в Москве его арестовали.

Но чем более Илья Максимович останавливался на этом предположении, тем казалось оно ему нелепее и невозможнее. Слишком уж хорошо все было обставлено, чтобы попасться! Но, наконец, еще и вот что: не было никакого правдоподобия, чтобы сущность их

дела раскрылась в столь короткое время с достаточной очевидностью для ареста человека, предъявляющего страховому обществу свои права по полису. Подобное дело требует слишком подробного и сложного дознания.

Стало быть, единственно допустимая еще причина упорного и продолжительного молчания Хмурова заключается в его намерении и на этот раз обмануть товарища по делу!

Предположение это доводило Пузырева до такого бешенства, что он буквально рисковал потерять рассудок.

Как-то ночью, вдруг, ему стало неопровержимо ясно, что Хмуров его обокрал.

Словно взбесившийся больной вскочил он с своей постели и тут же стал собираться и укладывать все свои пожитки. Он не думал о том, сколько еще времени оставалось до отхода поезда в Россию, а спешил, твердо и непоколебимо решившись поехать и отомстить.

Как именно отомстить? – он еще и сам не знал.

Только руки его судорожно сжимались в кулаки, по временам он хватался за револьвер, которым грозил невидимому и отдаленному врагу.

Когда сознание вернулось, Пузырев все-таки продолжал настаивать на своем, и если он вдумывался

в положение, то останавливался еще на следующего рода комбинациях.

Ему казалось, что Хмуров, признав безопасность обмана, составил себе новый план к обогащению. С полученными из страхового общества шестьюдесятью тысячами он окончательно собьет с толку богатую вдову Миркову, добьется развода с Ольгой Аркадьевной и женится на Зинаиде Николаевне, чтобы прибрать ее миллионы к рукам.

Легче было бы пострадать самому, чем подчиниться наглости этого негодяя, у которого нет ничего святого. Каторжники и те признают в среде своей правила некоторого условного товарищества. Один Хмуров полагает возможным пользоваться всеми плодами зрело обдуманного и удивительно ловко проведенного преступления, исключая возможность наказания для себя.

Но нет!

Месть близка! Сперва, конечно, Пузырев потребует от него добровольной выдачи доли, а потом... Потом пусть будет, что будет, а наказание должно последовать! За себя Пузырев потому уже не боялся, что на свете Ильи Максимовича более не существовало, и при приезде в Россию он прописался бы по паспорту умершего Григория Павловича Страстина, с которым поменялся в Ялте ролями.

С такими намерениями выехал он из Вены, в нетерпении оказаться лицом к лицу с врагом.

Дорога казалась долгою. Вдобавок он счел нужным остановиться на несколько часов в Варшаве, чтобы собрать справки.

Сам того не сознавая, он шел, казалось, согласно своей воле, по тому пути, который неизбежно должен был привести к единственной развязке. Плутням этих людей пришел наконец час возмездия. То, что многие, да, вероятно, и они сами, сочли впоследствии за простую, хотя и роковую случайность, являлось только волею Провидения. Ловко задуманное и столь же ловко исполненное преступление казалось ненаказанным. Да и в самом деле «предприятие» клонилось к удачному окончанию. Правосудие могло проглядеть этих двух молодчиков, но случилось так, что они сами пожрали друг друга.

Пузырев по прибытии в Варшаву немедленно отправился в ту же «Европейскую гостиницу», в которой останавливался до своего отъезда в Москву Хмуров.

Не получив там никаких иных сведений, кроме того, что он выехал тогда-то в Москву, Пузырев вышел на улицу, думая: «Авось еще до отхода поезда случай подкинет мне какие-нибудь новые данные».

И в самом деле, случай благоприятствовал ему.

Машинально брел он по Новому свету – улице, со-

ставляющей продолжение Краковского предместья, как вдруг невольно оглянулся на промчавшийся особенно быстро извозничий экипаж. В экипаже сидел господин, хотя и смотревший в другую сторону, но, несомненно, тот, за которым Пузырев стремился в Москву. Широкая полоса от электрического фонаря ярко осветила его, и сомнения не осталось.

Илья Максимович в неимоверном волнении, ослепленный жаждой мщения, крикнул во все горло:

– Стой, Хмуров, стой!

Но грохот колес заглушил его голос, и коляска промчалась дальше.

Куда он ехал, для Пузырева было ясно. В экипаже он заметил разные дорожные принадлежности, значит, Хмуров спешил на Венский вокзал.

Он, стало быть, действительно заполучил все деньги в «Урбэн» и теперь мчится с ними за границу. Но нет! На этот раз ему не сбежать!

Так то раздумывая, добежал Пузырев до первого встречного извозчика и, вскочив в коляску, приказал мчать на Венский вокзал.

Но Хмурова он там не нашел. Куда же мог деваться негодяй? Почти с час прождал его Илья Максимович и, наконец, понял, что Иван Александрович, должно быть, остановился где-нибудь в гостинице. Но почему же не в «Европейской», где, по-видимому, к нему все

так почтительно относятся? Э, тут опять что-то кроется, и он явно опасается преследований. Скорее, скорее из отеля в отель за справками. Таким образом он добрался и до гостиницы «Маренжа». Впрочем, задача Пузырева облегчалась еще тем, что Хмуров мог только остановиться по сю сторону Краковского предместья, коль скоро он его встретил на Новом свете едущим с дорожными вещами.

Когда же в гостинице «Маренжа» на вопрос, не тут ли остановился сейчас только прибывший из Москвы господин Хмуров, ему дали утвердительный ответ, Илья Максимович как-то сразу понял, что теперь произойдет нечто такое, в чем сам он уже и неволен.

– Пойдите, – сказал он, – доложите господину Хмурову, что его желают видеть по делу.

Сам же он проследил за человеком и заметил, в которую дверь он постучался.

Испугавшийся Хмуров вообразил, что его уже разыскал Леберлех, и приказал сказать, что его в номере нет.

Тогда, едва сдерживая свое бешенство, не слушая никаких увещаний слуг, Пузырев кинулся к этой двери. Сначала стукнулся в нее – не отвечали, послышался шорох; он попробовал отворить ее, но изнутри было заперто на задвижку; с силою рванув ее, он предстал перед Иваном Александровичем и Марфой Никола-

евной.

Хмуров не верил глазам своим, но вскоре опомнился и приветствовал: «Ах, это ты!» Однако Пузырев смотрел на их встречу иначе.

– Так вот ты с кем бежишь на краденные у меня деньги.

– Ты с ума сошел, – попробовал его остановить Хмуров.

– Да, я сошел с ума, – продолжал, наступая на него с угрозой и в то же время доставая из кармана револьвер, Пузырев. – Надо было в самом деле сойти с ума, чтобы довериться такому вору, как ты...

– Дай же мне объяснить тебе...

– Ничего не дам. Отдай мне мои деньги! Отдай мне мои тридцать тысяч, или...

– Да не получил я их...

– А, ты их не получил! Все-таки ты куда-то бежишь с какою-то бабою. Но нет! погоди, голубчик...

– Я бежал к тебе, в Вену...

– Ко мне? В Вену? Так давай мне мои деньги. Ты видишь, я сам за ними приехал сюда...

– Нет их у меня! Не получал я их еще! Пойми же.

– Врешь, подлец, и на же тебе! – крикнул Пузырев, бросаясь на него с пеной у рта.

И в тот же миг раздался выстрел. Хмуров застонал и повалился. Марфа Николаевна кинулась на Пузы-

рева, но он сам уже отбросил револьвер в сторону. В коридоре поднялась суматоха, беготня... Кто-то распорядился: – Послать за полицией!..

А в остальном приходится разбираться не нам. Все остальное было добыто сперва дознанием, потом следствием и, наконец, судом. Но развязка этой истории все-таки дошла до нас.

Эпилог

Пузырев сперва надеялся отделаться пустяками. Он ведь именовал себя Григорием Павловичем Страстиным и на первом допросе объяснял свой поступок вспышкой эмоций под влиянием обмана человека, на дружбу которого рассчитывал.

Но Хмуров не умер, и, едва к нему вернулось сознание, он назвал своего убийцу его настоящим именем.

Явившееся в печати сообщение об этом случае обратило на себя внимание кого следовало.

Обнаружилось, конечно, и то, что Пузырев и не думал умирать в Ялте, а выдавал себя и в Вене, и в Варшаве за Страстина.

Постепенно все разоблачилось. Хмурова, которого сперва считали пострадавшим, приказано было арестовать и привлечь к делу в качестве обвиняемого. Негодяи из мести взваливали всю тяжесть обвинения друг на друга. Следствие запутывалось ими, но распутывалось опытными и умелыми криминалистами.

И Хмуров, и Пузырев содержались в одиночном заключении. Но для Ивана Александровича самым ужасным наказанием было сообщение от адвоката Свербеева, что общество «Урбэн» уже совсем склонялось выдать страховую сумму.

Почти год потребовался на приведение всего в должный порядок и ясность для представления дела на суд присяжных.

Пузырева защищал назначенный от суда очередной поверенный, а за защиту Хмурова взялся бесплатно модный адвокат, рассчитывавший оправдать его и на шуметь по Москве.

Но расчеты эти не сбылись.

Присяжные заседатели признали Пузырева виновным по всем пунктам обвинительного акта, и суд приговорил его к ссылке на вечное поселение в отдаленные места Сибири по лишению всех прав состояния, как семейных, так и имущественных. Хмуров же отделался сравнительно меньшим, ввиду того что Пузырев вовлек его в дело, инициатором которого был сам. Его приговорили к лишению дворянства с правом приписки на месте в мещане и к ссылке на жительство в Томскую губернию.

Так эти два человека завершили свою отчаянную карьеру, оставив по себе много зла и вреда, ими всюду посеянных...